

Евгения
Биткова

ГРЕНАДЁРЫ

Есть сказки, которые рассказывают на ночь, едва голова коснётся пуховой подушки. Есть баллады, которые поют под стук колёс в пути. Есть легенды о великих героях и битвах — их не грех послушать, затаив дыхание, в дождливый день, обжигая подставленную к камину щеку. А есть потрёпанный журнал отчётов о великих подвигах сотрудников ЗОГа — бесстрашных гренадёров. Ну, может, вовсе не о великих. И совсем не о подвигах. А что касается бесстрашных... В любом случае надорванные странички лучше всего листать ленивым утром за чашкой горячего чая и... Эй, девушка, вы кто такая и почему едите мой бутерброд?! И ради бога уберите своего зверя со стола! Перед Вами оригинальный журнал отчётов Западного отделения гренадёров (ЗОГ), который был любезно «позаимствован» у главного секретаря Отдела, когда тот на минутку отвернулся. В нём непредвзято и без прикрас изложены некоторые задания двух особо отличившихся сотрудников. Не ищите здесь эпичные сцены борьбы со вселенским злом и спасения мира на последней секунде. Только рутинные будни молодых людей, которые по долгу службы оказываются втянуты в различные приключения, не забывая сеять своё светлое, доброе, вечное. А вот что взойдёт из этих семян об этом Вам следует узнать самим.

Евгения Биткова

Гренадёры

Автор сердечно благодарит:

Анну Жданникову и Викторию Халанскую — за безграничное терпение и редакторскую помощь;

Полину Алексашенко (Xiongfeng) — за волшебную обложку;

Андрея Слободчикова — первого независимого и добровольного читателя, прости, что заразила хореманией;

Ивана Жаднова — за неоценимый вклад;

Жанну Биткову — незаменимого человека, который всегда в меня верит и поддерживает, это бесценно;

Шнурика — за то, что был частицей жизни.

Отчет 1

ЗОГ

Работа — последнее прибежище тех, кто больше ничего не умеет.

Оскар Уайльд

Стояла зима. Небо было затянуто серыми облаками. Шел мелкий снег. Ветер задувал в узкие улочки, и белье, вывешенное из окон на просушку, покрывалось тонким слоем колючей изморози. Жизнь в городе текла тихой и спокойной чередой.

Дети играли в догонялки, скользя по покрытым корками льда бульжным мостовым, часто сталкиваясь и падая, не прекращая своего веселья. На площадях торговцы продавали свой товар. Теплые вещи и меха разбирались не хуже горячих пирожков, которыми торговали в соседней лавчонке. Пускай погода не мучила сильными холодами, люди, привыкшие не верить в постоянство природы, готовились к неожиданным морозам.

На торговых площадях можно было купить все для встречи предстоящего Нового года. До него оставался месяц, но на прилавки уже начали поступать стройные елочки. Запах хвои и смолы разносился по всей площади, приманивая желанных покупателей. И, конечно же, здесь можно было приобрести незаменимое составляющее каждого Нового года — мешочек с жемчужиной.

По старинной традиции на Новый год было принято дарить друг другу маленькие мешочки с жемчугом. Его цвет зависел от чувств и пожеланий дарящего. Белый означал прощение, розовый — благодарность, фиолетовый — просьбу забыть старые обиды. Много накапливается жемчуга после каждого года. Интересно потом сидеть, перебирать его и судить, насколько удачно прошел год.

По одной из предпраздничных площадей шла молодая девушка. Она была симпатичная, с приятным круглым лицом, пухлыми щечками, придававшими ей особый шарм, и большими карими глазами. Прямые русые волосы, собранные в высокий хвост, и непослушно топырящая челка придавали ей легкомысленный вид. Выражение лица по-детски веселое. Девушка радостно осматривалась вокруг. Она шла безмятежной пружинистой походкой, дожевывая пирожок. На кудрявую овечью шерсть опушки сапог налипли белые комки снега, с каждым шагом они отлетали маленькими кусочками, разбиваясь о мостовую. Пожалуй, с такой милой леди многие захотели бы прогуляться в этот чудесный денек. Но стоит помнить — внешность бывает обманчива.

Девушка свернула в одну из узких улочек. Проходя мимо кучи поломанных ящиков, она случайно задела один из них сумкой. Ящик с грохотом свалился на землю, из-под завала соседних с визгом выбежала испуганная дворняжка. Не разбирая перед собой дороги, она сбила с ног стоявшего на другом конце улочки человека. Мужчина громко шлепнулся. Раздался звук бьющегося стекла. Потом мат. Кряхтя поднявшись, он отряхнул штаны и посмотрел на разбившуюся рядом бутылку. Снова мат. Подняв глаза, он увидел идущую ему навстречу девушку. Здравомысленно рассудив, что собаку ему не поймать, он решил отыгаться на девушке:

— Дура! Посмотри, что твоя шавка наделала!

Девушка прилежно посмотрела на красную растекающуюся лужу. Тянуло кислым духом. Вино, по всей видимости, было дешевым и не лучшим.

— Смотрю, — честно сказала она. — Но собака не моя.

— Да ты, мелочь, знаешь, сколько я на эту выпивку копил?! Знаешь?!

— Не знаю. Но явно немного.

Мужчина вскипел:

— Ты совсем борзая?! Эй, мымра! Да ты вообще кто такая?

Девушка положила в рот остаток пирожка и неспешно отряхнула руки от крошек. Ее губы вытянулись в язвительной улыбке. Детское выражение лица бесследно исчезло. В глазах блеснул опасный огонек. Недолго думая, девушка стремительным движением ноги вмазала мужчине по челюсти. Раздался хруст и стон боли. Упав на колени, мужчина сплюнул на землю кровавый сгусток вместе с двумя зубами.

— А вот кто я такая! — произнесла она, оттягивая ворот свитера. В слабом свете блеснули стальные шипы собачьего ошейника.

Хороший выдался денек! И пирожок был вкусный. С капустой. Жалко, не было сырных лепешек, м-м-м. Я почувствовала, как у меня по подбородку начинает течь слюна, быстро остывая на ветру. Так, надо прекращать такие гастрономические мечтания, а то мало ли что люди подумают. Но пирожок был и вправду вкусный. Только после пришлось встряхнуться и выбить кое-кому парочку зубов. Зря я, наверное. Теперь снова хочется есть. Может, зайти в мясную лавку? У них там должны были привезти охотничьи колбаски.

В таком благодушном расположении духа, погруженная в свои вкусные мысли, я веселым шагом прогуливалась по улице. Внезапно мои размышления прервало что-то, тянувшее меня за подол юбки. Я опустила голову и увидела черно-белую лайку. Собака в знак приветствия радостно махнула мне баранкой хвоста. Поперек ее спины были перекинута небольшие кожаные сумки, крепящиеся по типу лошадиного седла с помощью подпруги. На сумках клеймо — ошейник с поводком.

Похоже, купить охотничьи колбаски мне сегодня не судьба. Иногда меня расстраивает ненормированный график. Собака почесала задней лапой об один из карманов сумки. Расстегнув его, я достала конверт. Плотная бумага, восковая печать все с тем же клеймом, явно не подделка, хотя с чего бы ей быть? Разорвав конверт, я прочитала содержимое письма: «Приходи немедленно!» И знакомая до боли подпись. Коротко и ясно. М-да, шеф в своем репертуаре. Собака с чувством выполненного долга побежала «осчастливливать» других.

— А я даже сумку с покупками домой не успела занести, — тяжело вздохнула я, но быстро воспрянула духом. А может, все-таки судьба?

Проскальзывая и не вписываясь в повороты улиц, я со всех ног неслась в З. О. Г. Само собой, бежала я из мясной лавки. Во рту торчала зубочистка от свежесъеденной колбаски. Мне приходилось размахивать сумкой, словно мельница, стараясь удержать равновесие. Случайные прохожие отскакивали от меня на стенки, не рискуя попасть под удар. Наконец последний рывок, и я у ступеней намеченной цели.

Здание ЗОГа представляло собой четырехэтажное сооружение, втиснутое между похожими домами, но с меньшим количеством этажей. В дополнение к главному корпусу

прилагался просторный внутренний двор, куда редко пускали посторонних. Внутри помещения вела лестница, состоящая из трех широких ступеней. С двух сторон на постаментах располагались статуи ротвейлеров. Собаки стояли широко расставив лапы, оцетинившись с оскаленными клыками. Надо признать, выглядели они весьма реалистично. Псы были высечены из черного мрамора со светившимися (благодаря особому камню) по ночам желтыми глазами. Неудивительно, что ЗОГ многие старались обходить стороной. Но работников, с позволения сказать, данного учреждения трудно напугать. На стене дома красовалась золотая табличка с надписью: «Западное отделение гренадеров».

Облокотившись на одну из собак, стоял темноволосый парень. Увидев его, я издала жизнерадостный крик, вскинув вверх руки. Сумка, описав мертвую петлю, стукнула меня по голове. Издав уже обиженный стон, я принялась тереть ушибленное место. Парень укоризненно покачал головой.

— Хорошо, отбивать нечего, — скептически заметил Ким. — Ты опоздала. Я тебя двадцать минут жду. Промерз до костей.

— Как можно опоздать, если время не назначено? И что же ты в ЗОГ не зашел, раз замерз?

— Я похож на самоубийцу? Насколько я понимаю начальство, мы должны были явиться через пять минут сразу после того, как получили сообщение. Прошел час. Роза, наверное, рвет и мечет, а мне не хотелось идти на смертный эшафот в одиночку.

— Уж скорее рвать и метать будет Вальтер, — поежилась я. — Но ты мог подождать в холле, а не подыматься к тиграм в клетку.

— Между прочим, окна «клетки» выходят прямо на улицу. Я думаю, тигры нас давно заметили, — сказал Ким, поднимаясь по ступеням. Я вздохнула, предвкушая грядущую нам встречу с любимым руководителем отдела и ее секретарем.

Но вначале стоит рассказать, что такое ЗОГ и с чем его едят. ЗОГ — монограмма от Западного отделения гренадеров. Довольно молодая организация, образовавшаяся три года тому назад. На сегодняшний день Западное отделение является самым развитым и сформированным среди двух остальных. Существуют Восточное и Южное отделения, но они только на стадии разработки. Северу же данное новшество без надобности. Местная секретная служба успевает везде.

Отдел предоставляет услуги наемной рабочей силы. Сотрудниками ЗОГа являются бывшие наемные убийцы, маги, воины и прочий разношерстный люд и нелюд. Деятельность сотрудников Отдела считается законной и находится под строгим наблюдением.

ЗОГ появился благодаря стараниям влиятельных лиц, напрямую связанных с данными «отраслями». Главной идеей создания Отдела было желание снизить уровень нелегальной деятельности наемников, охотников за головами и магов без лицензии. Стража городов и гарда (полиция Запада) не могли действовать на обширных участках. Они не отличались мобильностью, и не в их компетенции было решать простые житейские трудности. А трудностей всегда хватало: будь то шайка разбойников, промышляющая по мелким селам, дикое зверье, беспокойное кладбище, угон скота, рэкет на торговых путях и т. п. Наемных воинов и магов не заботила грязнота или мелкота работы, для них главным была цена, а о ней всегда можно договориться, из-за чего данные услуги пользовались бешеным спросом.

Из-за множества возникающих проблем Правительство поддержал задумку и выделил деньги на создание ЗОГа. Сама идея оказалась для него выгодной, так как с Отдела можнс

официально брать налоги, а вот странствующая рабочая сила совсем не пополняла государственную казну. Так или иначе, за весьма короткие сроки появилось Западное отделение гренадеров, которое в скором времени стало иметь большой успех. Западный отдел — правительственное учреждение, и народ в шутку прозвал наемников Псами Правителя. Данная молва послужила одним из поводов создания фирменного знака Отдела — ошейника и поводка.

Поднявшись на четвертый этаж, мы направились к знакомой двери. Открытие оной всегда сопровождалось коронной фразой:

— Ноги!

Больше по привычке мы подняли повыше ноги и сделали широкий шаг вперед. Причиной маршей был дог шефа, любивший вольготно разлеживаться прямо под дверью. Такая манера послужила причиной появления многих травм наших сотрудников до тех пор, пока они не научились смотреть себе под ноги.

Мы попали в просторный кабинет, обставленный рядами шкафов и полок с книгами, многочисленными бумагами и папками, числу которых не было ни конца ни края. Посередине комнаты, напротив окон стоял большой дубовый стол. На нем громоздилось не меньшее количество макулатуры. При этом все находилось в таком идеальном порядке, что негде было плюнуть. Да и плевать было противно, ну уж очень все блестело.

Облокотившись о стол, стояла женщина средних лет, одетая в неброские теплые вещи. Рыжие кудрявые волосы были наспех прижаты заколкой. Женщина покуривала тонкую трубку. Приторный запах вишни обволакивал собой все пространство. Взгляд женщины был отстраненным и направленным в окно. Казалось, она вовсе не замечала нашего присутствия, его заметил кое-кто другой.

— Вы опоздали. Ровно на час двадцать минут и тринадцать секунд, — отчеканил Вальтер, захлопывая свои карманные часы.

О, великий и ужасный Вальтер! Он представлял собой личного секретаря и помощника руководителя Отдела. Я искренне не понимала, как она его терпит. Высокий мужчина гибкого телосложения, в безупречном костюме, с безупречно зачесанными волосами и в безупречно прозрачных, сверкающих очках. Безупречный порядок в кабинете был его рук делом. Пунктуальный, щепетильный, с презрительно-высокомерным выражением лица и с полным отсутствием чувства юмора. Вальтер занимался всей той бумажной работой, которая у обычных людей вызывала незамедлительную зевоту. Если описать его одним предложением — настоящая заноза всего Отдела!

— Может, вы нам скажете причину, по которой соизволили опоздать? — докучливо спросил секретарь.

— Пробки.

— Какие еще пробки?! — негодуяюще взвыл Вальтер. — Гренадер номер семьдесят семь Акира, вы отдаете себе отчет, что, когда вас вызывает начальство, вы должны незамедлительно явиться на место?

— А разве вы мне начальство?

От таких слов у Вальтера чуть очки с носа не слетели. Издаваемые им глухие звуки здорово смахивали на приступ астмы, которая всенепременно должна была кончиться удушьем с летальным исходом. Вот странно, в мое присутствие она у него всегда появлялась. А в медкарточке ничего об этом не указано, я проверяла. На всякий случай.

— Да вы...

— Довольно, Вальтер. Отношения можете выяснить позже. Лучше введи их в курс дела, — произнесла женщина, не отрывая взгляда от окна.

— Слушаюсь, госпожа Роза, — поклонившись, сказал мужчина.

Госпожа Роза — глава и руководитель Западного отделения гренадеров. Неизвестно, по каким причинам именно ее удостоили сей должности. Поговаривают, раньше она была великолепным боевым магом, мастером своего дела. Даже участвовала в Семилетней войне. Не знаю, в начале, в конце или на всем ее протяжении. Знаю одно: таких выдающихся личностей хватало по всему Западу. Их было как собак нерезаных, и имена многих уже давно канули в Лету. Но для меня она всего лишь бывший учитель. Обучение у нее проходило недолго, но это знакомство сильно повлияло на мою дальнейшую жизнь. Под руководством госпожи Розы я и устроилась на работу в гренадеры год назад.

— Ваше задание на сегодня, — поправляя очки, начал зачитывать Вальтер, — отправиться в деревню Грибки. Жителей деревни терроризирует разбойничья банда, состоящая примерно из семи человек. Ваша задача — их обезвредить и отдать на поруки старосте. До Грибков идти три часа пешком шагом. Вы должны успеть вернуться к сегодняшнему вечеру, принести отчет и, если будут, чеки и расписки. Спуститесь в канцелярию, там вам выдадут деньги на дорогу. Письмо передадите старосте, — протягивая конверт Киму, закончил секретарь.

— Понятно, — кивнул Ким, кладя конверт за пазуху.

— И все? Разобраться с парочкой доисторических бандитов? Seriously, такие еще встречаются? В наш продвинутый век механики и гуманной магии? Один смех. И зачем нас только так срочно вызвали, — проворчала я, метко бросив в мусорное ведро зубочистку.

— Но вы же все равно опоздали! — возмутился Вальтер, но дверь успела захлопнуться.

Мы направились в канцелярию. В Отделе существовала весьма интересная финансовая система. Сотрудникам никогда не выдавали зарплату на руки деньгами. Определенные суммы клали на индивидуальные счета в личном банке ЗОГа. В обиходе мы пользовались специальными чековыми книжками. Любой магазин, лавка, всевозможные питейные заведения и прочие учреждения нашего города принимали у гренадеров исключительно чеки. Они после обналичивались все в том же ЗОГе.

Но данная система работала только в нашем городе. Когда гренадеры отправлялись на выездные задания, им выдавали наличные. Если ты тратил деньги, то обязан был по возвращении предъявить в канцелярию счета. Такой порядок жутко раздражал. В особенности, когда расход не сходился с доходом, а происходило это всегда. Тогда с тебя требовали дополнительной выплаты из собственного кармана (на задание выдавали «казенные» деньги только на первостепенные нужды). Любой незапланированный расход строго учитывался. Нередко мы сами обналичивали чековые книжки, чтобы не следить за финансами и гулять как вздумается. Но потом объявлялся Вальтер и требовал чеки с этих гулянок.

— Не понимаю я нашу денежную систему. Только у нас в городе принимают эти листочки. Вечно приходится их обналичивать. Зачем лишняя головная боль?

— Все просто. Так легче отслеживать наши платежи. И следить за тем, не стал ли кто зарабатывать на стороне. Начнешь платить наличкой — все всплывет. Убийства и грабежи были раньше основным заработком многих наших коллег. Начальство боится потерять лицензию.

Получив деньги и обналичив по листу чековой книжки, мы с Кимом вышли на улицу. Подул ветер. Я радостно подставила ему лицо, Ким выше поднял воротник своей куртки.

— Ты домой заходить будешь или сразу отправимся-а-а? — спросил он, зевая. Гренадеры работали группами. Редко в одиночку. Количество человек в группе зависело от масштаба и сложности задания. Но передвигаться большим количеством народа не всегда удобно. В основном сотрудники ходят парами.

Ким стал моим напарником со дня моего поступления в Отдел. Одного со мной возраста, среднего роста, с лохматыми черными волосами и вечно устало-равнодушным выражением лица. Золотые глаза полузакрыты, под ними вырисовывались темные круги. Ким относился к тем людям, про которых говорят: «Кто понял жизнь, тот не торопится». Не знаю, насколько Ким понял жизнь, но он редко куда спешил. Спокойный и безучастный, парень предпочитал говорить прямо, отчего временами с ним было невыносимо. Жизнь редко будоражила его кровь, а вечно меланхоличный вид легко вгонял в тоску даже меня.

Достаточно одного взгляда на Кима, дабы серьезно усомниться в его способности работать гренадером. Да и вообще работать руками, ногами и прочими мышцами, которых и нет. Но не все так просто.

Черный поводок, висевший на поясе парня, мирно качался в такт его ходьбе. Когда гренадеров делят на пары, то стараются составить как можно более разнообразный дуэт, учитывая личные способности каждого, с тем чтобы недостаток одного компенсировался достоинством другого. По физическим параметрам я во всем превосходила Кима, а по умственным... В Отделе его звали гением. Я звала его невыносимым умником. Именно благодаря мозгам Кима приняли в гренадеры. Не во всяком деле требуется грубая сила. Пытливый ум и холодный расчет часто помогал выпутываться из, казалось бы, безнадежных ситуаций. Поводок на поясе Кима означал, что по званию он был выше меня и в нашем дуэте играл роль лидера. Поводки выдавали либо опытным гренадерам, за плечами которых имелся немалый боевой опыт, либо тем, у кого водились мозги и кто умел ими пользоваться. Ошейник, который носила я, вручали иному типу людей (ну те, у кого сила есть — ума не надо). Поводом для разделения послужило взаимоотношение хозяина и собаки. У человека в руках поводок — он может контролировать своего пса. Пес, возможно, и сильнее хозяина, но он целиком и полностью верен ему. Верный и беспрекословный, готовый защищать ценой собственной жизни. Главная задача обладателя поводка — не дать своему псу сорваться и перегрызть всем глотки. Надо заметить, весьма логичное разделение сил. Естественно, поводками и ошейниками в прямом смысле никто не пользовался, они лишь являлись частью униформы и показывали ранг.

— Пожалуй, зайду. Мне нужно отнести покупки и забрать снаряжение. А ты готовый пришел? — спросила я, заметив висевшую на поясе напарника походную сумку.

— Я всегда, когда в Отдел вызывают, сразу собираюсь. Затем домой не нужно тащиться. Лень.

— Еще бы! Странно, что ты вообще из дома выходишь. По-моему, у нас в городе ты знаешь всего две дороги: до дома и до Отдела.

— Пять, — поправил Ким. — До твоего дома, до выхода из города и до почты.

— Тяжело тебе, — посочувствовала я, затем, радостно оббежав друга, спросила: — Как ты думаешь, в Грибках много грибов?

— Угу, много. Особенно зимой, — скептически заметил Ким, с опаской смотря на мою скачущую фигуру.

— Ну, если осенью много было, тогда на зиму должны быть запасы, — поучительно заговорила я, — сушеные грибы на суп и маринованные. Было бы здорово, если опята! Все, решено! Я там обязательно прикуплю парочку банок маринованных грибов.

— И какого ты их оттуда будешь переть? Не проще купить грибы здесь?

— Ничего ты не понимаешь, Ким! В этом же вся соль — привести грибки из Грибков!

— Я думаю, если эта деревня и правда соответствует своему названию, она может поставлять грибы в Крушицу.

— Может, и поставляет, — согласилась я. — Но откуда мне знать, что грибы из Грибков? Вдруг они вообще из каких-нибудь Огурцов! А продавцам на слово верить нельзя!

Ким покачал головой.

— Я с тобой согласен.

— Насчет продавцов?

— Нет. Насчет того, что я ничего не понимаю.

Поднявшись к моей квартире, мы остановились, и я лихорадочно принялась искать ключи. Нащупав на самом дне сумки когтистую кроличью лапку (я считала — лапка на удачу, но Ким утверждал, что кролику она ее явно не принесла), к которой были прикреплены ключи, извлекла их наружу. Открывать дверь сразу я не спешила. Приложив ухо к замочной скважине, стала прислушиваться. Тихо. Медленно повернув ключ, я приоткрыла дверь и осторожно просунула голову.

— На горизонте все чисто. Можно проходить, — доложила я, заходя внутрь.

Ким, давно переставший удивляться моим причудам, спокойно зашел следом. Шторы были задернуты. В комнате царил полумрак, но хаотично раскинутые по всему полу вещи все равно бросались в глаза. Я вздохнула, равнодушно переступила через скомканные на полу штаны и прошла к себе в комнату.

— Слушай, если ты его так не выносишь, почему не съедешь? — стоя в дверях, спросил Ким.

— Пока от моего переезда или его убийства спасает только отдельная комната, запирающаяся на замок, и его ночной образ жизни. Днем я на работе или в городе, а ночью, когда его нет, могу спокойно здесь спать. Знаешь, квартира нужна мне больше для сна и хранения барахла. Но нам повезло, сейчас его нет дома. Хм, кстати, интересно, где он шляется?

— Ну, если только для сна, тем более съехала бы.

— Дело принципа, — возясь в комнате, толкала я речь. — Квартира так же моя, как и его. Когда я накоплю достаточно денег, смогу ее выкупить, а его выселить. Но съехать самой равно капитуляции! Да и оставить квартиру ему на разорение! Сейчас только в одной комнате бедлам, а так будет везде! Нет уж, пусть обломится и мучается со мной по соседству!

— По-моему, больше мучаешься ты. Ты долго?

— Секунду! Только в штаны впихнусь.

— А что делать с этим?

— С чем «этим»? — удивилась я, высовывая взлохмаченную голову из комнаты. На вытянутой руке напарник держал за шкурку хорька. Хорек крутился, стараясь вырваться и цапнуть парня за руку. Столь неблагородное обращение Шнурику явно не пришлось по вкусу.

— Ты как из клетки выбрался? — спотыкаясь в запутавшихся штанах, доскакала я до друга. На вопрос хореки ответил недовольным шипением. Забрав у Кима Шнурика, я отнесла его в комнату и посадила в клетку, заперев уже на два замка. Но с него станется выломать и их.

Покончив со штанами (счастливым образом я их победила), я пристегнула к поясу походную сумку. Подобная сумка входила в обязательное снаряжение всех гренадеров. В ней находились метательные ножи, пара дымовых бомб, спички, «кошка», фонарик, фляжка с водой и коробочка с медикаментами. К сумке также прикреплялся свернутый в рулон плед. Несмотря на внушительный арсенал, ноша была весьма компактной и не затрудняла движения.

— Я готова!

Снег давно прекратился, и лишь редкие порывы ветра, заставляющие меня радостно вздыхать, а Кима вздрагивать, сопровождали нас в походе. В отличие от города, проселочные дороги редко чистились, но мы смогли одолеть наш путь точно за три часа, как и предсказывал Вальтер.

Перед нашими глазами предстали Грибки. Надо признать, деревня не выглядела заброшенной трущобой, напротив, была весьма добротной. Аккуратные деревянные домики в количестве тридцати штук со всех сторон окружал густой лес. В деревне имелся один постоянный двор, но мы не собирались надолго задерживаться и сразу устремились на поиски старосты. Мероприятие непростое. Несмотря на благодатный вид, люди, казалось, вымерли. Только из труб избышек клубился дымок, да выглядывали настороженные лица. Снаружи не было ни души.

— В заявлении говорилось, что им разбойники докучают, а складывается впечатление, будто мор прошел, — осматриваясь по сторонам, поделилась я своим недоумением с другом.

— Видимо, сильно докучают.

Внезапно за нашими спинами раздался хруст снега. Мы обернулись. Захваченный врасплох мужчина с дубиной в руках смущенно потупился.

— Эй, добрый человек! — окликнула я его. — Ты случайно не разбойник?

— Как это разбойники добрыми людьми могут быть?! — негодуя прогремел мужчина, от возмущения чуть не уронив себе на ногу дубину. — Я, между прочим, честный труженик этой деревни!

— Допустим, — уступчиво согласился Ким. — Раз вы честный труженик этой деревни, не подскажите, где нам найти старосту?

— Так я и есть староста! А что вам нужно? И кто вы вообще такие? — недоверчиво спросил он, покрепче прижимая дубину.

Я оттянула ворот свитера и показала ошейник.

— Мы гренадеры из Западного отделения. Пришли по вашу душу, в смысле по душу разбойников, которые вам докучают.

Истолкование старосту, бесспорно, приободрило, он даже соизволил опустить свое грозное оружие.

— Что-то вы не похожи на наемников. Молодые и щуплые, а ты вообще баба, — ткнув в меня в нос пальцем, критически проговорил он. Я звонко щелкнула зубами. Мужчина ошарашенно отпрянул назад, прижав к груди руку. Нашелся тут критик! Бери, чего дают и пока дают!

— Какие есть, — мирно пожал плечами Ким, протягивая конверт. — Вы лучше скажите, где разбойники, нам назад до темноты хотелось вернуться.

— Эх, ребятки, размажут они вас по стеночке ровным слоем. Всей деревне, проклятые, покоя не дают. Заняли постоянный двор, гуляют там с утра до вечера. Платить не собираются, к женщинам пристают, почти всем мужикам лица разукрасили да носы разбили. Все пожрали, так теперь, гады, до личных запасов на зиму добрались! А наша деревня только торговлей и живет. Вот сожрут они все, окаянные, и на что же мы жить будем?! Тут уже полдеревни разбежалось, у кого какие знакомые в городах есть, а тем, у кого ничего кроме дома-то нет, и идти некуда!

— Да вы, дяденька, не горюйте. Мы с этими варварами разберемся, и вы быстро поставите деревню на ноги. Где у вас тут постоянный двор? — деловито спросила я, ободряюще похлопывая мужчину по плечу. Староста попытался нас отговорить, но мы оказались непоколебимы.

Очутившись перед постоянным двором, я быстрым взглядом обежала двухэтажный терем. Тишь да гладь. Ненадолго. Староста стоял в стороне рядом с Кимом, в его глазах читалось дикое желание дать деру, но он никак не мог на это решиться. В конце концов, позорно было взрослому мужику сбежать, оставив на растерзание разбойникам семнадцатилетних детей. Я прислушалась и различила чуть уловимый храп.

— Значит, спим, — заключила я. — Ну-ну.

— Акира, сама справишься?

— Думаю, да. Сейчас узнаем, — ответила я. — Одолжите?

Размахнувшись, я начала колотить отобранной у старосты дубиной по двери.

— Эй! Выходите, подлые трусы! Пришел ваш смертный час! — заорала я, припомнив, что так когда-то кричали рыцари, вызывая на смертный бой дракона.

Внутри терема раздались недовольные звуки. Староста сделался белее снега.

— Вы что там, оглохли?! — разозлилась я, пнув ногой дверь.

Не выдержав моей молодецкой силушки, она слетела с петель и, судя по благому мату, пришибла желающего ее открыть. М-да, нехорошо получилось. На улицу тотчас повыскакивало несколько малопривлекательных типов. Один из них потирал кровоточащий нос. Из всех собравшихся взгляд у него был самый «добрый».

— Ну и кто тут очумел?! Какого... ты разоралась?!

Будем до неприличия честными. Честность — лучшая политика. Или я опять напутала?

— Я разоралась с благой целью, дабы вызвать вас на честный бой, намылить шеи и спасти Опята, тьфу ты, Грибки. Долой террор! Защиту мирным гражданам! Ура! — триумфально снимая пальто, победно заявила я.

Раздался дикий хохот. Надо же, как моя честность людей веселит. Не ожидала.

— Ты чего, девка, белены объелась?! Как ты справишься с семерыми? Да хоть с одним?

— А слабо проверить?

Один из бандитов усмехнулся и, не церемонясь, занес над моею головой меч.

— Убегай, дура! — Староста хотел было кинуться на помощь, но Ким его остановил:

— Все в порядке. Она профессионал. Просто смотрите.

Мужчине напротив вовсе не хотелось смотреть на убийство девушки, поэтому он мудро решил закрыть глаза.

Раздался звон мечей, топот, ругань, звуки ударов, стоны. Тишина. «Все», — подумал староста. Его трясло от мысли открыть глаза и увидеть у своих ног окровавленное тело.

Кровь. Много крови. Но тишина убивала больше, и он их открыл. От увиденного у него перехватило дыхание.

Девушка как ни в чем не бывало мирно стояла, деловито поправляя растрепанные волосы. На ней не было ни единой царапины, ни единого алого пятна. Вокруг лежали бессознательные тела бандитов.

— Ты справилась за три минуты, — безмятежно сообщил Ким.

— Ой, только не надо мне тут Вальтера пародировать, — поморщилась я, надевая пальто.

— Я не пародирую, говорю результат, и неплохой.

— Благодарю не меня. Противники достались слабые. Мышцы есть, а драться не умеют.

— Как?! — раздался изумленный голос старосты.

— Ну, вот так. Накачались, а технику боя не отработали. Они даже мечами махали криво!

— Я думаю, он не об этом, — остановил меня Ким. — Принимайте работу. Ровно семь разбойников обезврежено. Пятеро валяются тут, шестой вниз головой висит в колодце, а седьмой вон в том сугробе, — кивнул головой парень в сторону торчащих ног.

— Как же мне вас отблагодарить? — со слезами на глазах спросил мужчина.

— Вы уже заплатили Отделу, так что... — заговорил Ким, но я его прервала:

— Пара банок маринованных грибов, желательнее охотничьи, и мы квиты!

Было шесть часов вечера, темнело. Мы неспешным шагом плелись домой. Ким шел впереди, засунув руки в карманы, сутулясь от холода, а я, дожевывая медовый пряник, тащила за веревочку санки, на которых разместились две пузатые банки с грибами.

— Я, безусловно, ожидал, что он даст тебе эти несчастные грибы, но не в таком же количестве.

— Староста оказался щедрым человеком, — проглатывая пряник, благодушно отозвалась я.

— Да, но дать тебе две десятилитровые банки охотничьи... Что ты с ними делать будешь?

— Как что? Съем, — важно заявила я.

Ким скосил на меня взгляд.

— Верю. У тебя не желудок, а бездонный колодец, и непонятно, как туда столько влезает и куда пропадает. В фигуру, похоже, не откладывается, разве что в грудь.

Я посмотрела на свой бюст. Признаю, немаленький, но ко мне какие претензии?

— Да ладно тебе! Слушай, я у старосты узнала, неподалеку располагается деревня Коптюшка. Так там такое копченое мясо! Давай заскочим?

— Чувствую, нам понадобятся сани побольше, — обреченно вздохнул друг.

Отчет 2

Зимние полевые учения

Эксперт — это человек, который совершил все возможные ошибки в очень узкой специальности.

Нильс Бор

Утро. В лесу ярко светит солнце. Мирно. Тихо. Только редкие птички сбросят с веток елок комки снега да любопытная белка покрутит усами и нырнет обратно в дупло. Благодать.

Скрестив руки на груди, посреди изрезанной лыжной дороги, стоял в ожидании Андрон — когда-то бывший начальник стражи самого Правителя страны, а ныне один из сотрудников и инструкторов ЗОГа. «Счастливец», которому в этом году выпала честь проводить зимние полевые учения. Учения обязаны проходить все гренадеры, имевшие средний уровень выполнения заданий. А именно десять команд, двадцать человек. Всем этим средневикам было меньше тридцати лет, в то время как их инструктору уже за сорок. На своих так называемых коллег по работе (а в эти две недели и подопечных) Андрон взирал с ужасом воспитателя неуправляемого детского сада. Несомненно, многие из них способные ребята, схватывающие все на лету, но вот слово «дисциплина» было им совершенно чуждо.

Суровый мужчина с жутким шрамом, рассекающим правую щеку, за плечами которого прошла не одна смертельная битва, он знал, как заставить целое войско внимать любому его слову. Но он не имел ни малейшего понятия, как втолковать этим оболтусам, что к завтраку нужно приходить ровно в восемь, ложиться в десять, комендантский час не нарушать, в женское крыло не ходить (наоборот, тоже запрещено!), и лыжная палка не предназначена для роли копья при охоте на зайцев (даже если она хорошо справляется с этой задачей).

Мужчина тяжело вздохнул — две недели, а прошло всего три дня. Три дня, но они уже успели всё! Затопить кухню, разбить четыре окна, сломать пять стульев и один стол, засорить дымоход дохлой вороной (запах паленых перьев долго не хотел выветриваться), загнать хозяина принимающего их горного лагеря на козырек крыши, а потом несколько часов пытаться снять его по методу «попади в мишень». Попали все. Хозяина госпитализировали. Что скажет начальство? И это, казалось бы, эксперты своего дела, имеющие соответствующий документ, подтверждающий вышесказанное! А главная проблема состояла еще и в том, что половину компании представляли маги, у которых так и чесались руки продемонстрировать «новенький приемчик». Ну и демонстрировали бы свои приемчики в безлюдной чащобе леса! Так нет, им необходимо исключительно в доме устраивать пожары и наводнения! Господи, а ведь еще одиннадцать дней! Одиннадцать...

От тяжелых мыслей, переходящих в извечные вопросы «за что, зачем и почему именно я?!», Андрона оторвал внезапно выехавший из-за елок лыжник и за ним пара следом. Что же, пора возвращаться к работе.

Вскоре вокруг инструктора собралась порядочная толпа народа, невесть каким чудным образом сумевшая уместиться на узкой дорожке.

— Ну что, все добрались?

Пару секунд по толпе разносилось оживленное шушуканье.

— Нет, не все. Акира и Ким пока не приехали, — сообщила Альма, двадцатилетняя девушка с рассудительным выражением лица, обрамленным длинными светлыми волосами.

По спине Андрона пробежала дрожь.

— Опять эта парочка! Почему у них все не славу Богу?!

— Кто знает? Может, они чем-то его прогневали, — пожал плечами кудрявый Май, возводя глаза к небу.

— Уж скорее я, — тихо проворчал Андрон. — Ладно, будем ждать.

Чудесное утро! Солнце светит, легкий морозец щиплет щеки, птички не поют, но пролетают желтобрюхие синички. Елочки покрыты снегом, словно сахарной глазурью. Да, глазурь... Я, поглощенная мечтами, готова была укусить ближайшую ко мне ветку, как вдруг, в который раз, прозвучал знакомый голос:

— Ты там корни пустила? Спускаться собираешься? Я, безусловно, понимаю, спешить нам некуда, нас всего лишь ждет восемнадцать и один человек, и этот один человек *крайне* недоволен. Но этот *пустяк* никоим образом нас не волнует. А вот то, что я медленно, но верно превращаюсь в сосульку, волнует. Будь так добра — пошевеливайся.

Да, с Кимовой непереносимостью к холоду поездка в горы была не самой удачной затеей. Но кто нас спрашивал? Нас только поставили перед фактом, впрочем, как всегда. Я только за отдых на природе. Здесь так красиво! Но эти несчастные учения портят мне все удовольствие! Я битых полчаса стою на вершине небольшой горки в глубоких раздумьях: съезжать или не съезжать? Все мое естество категорически противилось съезду. Жгучая необходимость спуска не могла противиться инстинкту самосохранения на пару с телескопическими глазами страха. Глаза моего страха были похлеще любых окуляров. Ким же, не имеющий такого зрячего чувства, преспокойно съехал вниз, мерзнуть в ожидании меня и чуда. Советую ставить на чудо. Я предлагала ему поехать дальше, но он отказался, мотивируя это отсутствием желания объяснять Андрону, в каком овраге потерял свою напарницу.

Моя проблема состояла в следующем: до горки я ехала по заранее проложенной лыжне, которая хоть как-то удерживала меня в вертикальном положении. Но у горки лыжня на два метра заканчивалась, затем начинаясь уже на ней самой. Как одолеть два метра с разъезжающимися в разные стороны ногами и не угодить прямиком в обрыв, удачно находящийся по соседству, я не представляла.

— Ким, я не могу, мне страшно!

Снизу раздался усталый вздох.

— Сними лыжи и спустись так.

Я засияла. Ким — золотая голова! Быстро присев, я принялась разбираться с креплением. Возможно, я бы и смогла их расстегнуть, даже не сломав, но тут случилось *чудо*. Внезапно я почувствовала какое-то странное ощущение. Ощущение именовалось тем, что я, сидя на корточках, быстро набирая скорость, начала съезжать вниз. От испуга я невольно подскочила. Отнюдь не лучшая идея. Меня тут же начало шатать из стороны в сторону. Гордость не позволила мне закричать. Я лишь закрыла глаза. Вторая не лучшая идея. Спустя несколько секунд я почувствовала удар. Удар оказался не столь болезненным, как ожидалось. Решившись открыть глаза, я почти в упор увидела вытянувшееся от удивления лицо друга. Самое странное, что мы (я и Ким) продолжали ехать. Парень катился вперед спиной в обнимку со мной, впившейся в него мертвой хваткой. Дорога шла под

углом, и, похоже, мы не собирались останавливаться. Первым, как обычно, пришел в себя Ким.

- Акира, отлипни от меня. Нам нужно развернуться.
- Не могу. У меня лыжи застряли!
- Тогда держись крепче. Торможение у нас будет немягким.
- А как мы будем тормозить?
- Лучше спроси обо что.

Прошло пятнадцать минут. Андрон начинал терять и без того небогатое терпение. Он уже отправил одну половину людей в лагерь, вторая осталась с ним на случай, если придется организовывать поиски. Тут из-за поворота послышался какой-то звук. Инструктор вышел на середину дороги и стал приглядываться. Все остальные постарались отойти поближе к обочине. Не уловив суть данного маневра, мужчина хотел потребовать объяснений, как вдруг его стремительно снесло, отбросив в сугроб. Полетели хлопья снега. Более удачные лыжники кинулись откапывать пострадавших.

Пятясь задом и отряхиваясь, я выползла из сугроба, следом высунулась обильно «припудренная» голова напарника.

— В итоге получилось об кого.

Раздался похрустывающий звук. Белый, точно снежный человек, и свирепый, словно дикий вепрь, из сугроба поднялся инструктор Андрон. Погнувшаяся лыжная палка в его руках чудным образом превращалась в замысловатый крендель. Все дружно сглотнули.

— Десять... дополнительных... кругов! Живо!!! — задыхаясь после каждого слова, проорал он.

Мы с Кимом обреченно переглянулись. Докатались!

— А солнце, кажется, садится, — заметила я, поглядывая на небо.

Мы с напарником доплетали наш десятый круг. Ноги от усталости не чувствовались, и процесс катания стал состоять больше в отталкивании палками, чем в перебирании лыжами.

— Похоже на то. А еще мы заблудились, — спокойно оповестил парень.

— С чего ты взял? — обеспокоенно спросила я, оборачиваясь. Ким шел сзади.

— С того. Вместо поворота направо ты повернула налево.

— Почему же ты меня не остановил?!

— Я хотел, но ты так быстро слетела вниз с горы. Пока я тебя догнал, было поздно что-либо менять.

И ничего удивительного. Раз я летела, мне было не до выбора поворотов. Куда лыжи — туда и я.

— Думаешь, мы безнадежно потерялись? — скисая, поинтересовалась я.

— Думаю, нет. Эту дорогу мы знаем.

— Знаем?

— Мы проезжали мимо этого пня три раза. Теперь четыре.

— Так, все, — останавливаясь, решила я. — Теперь ты будешь ехать впереди и, надеюсь, выведешь нас отсюда.

— Я не слишком хорошо ориентируюсь в данной местности.

— Ну, уж точно лучше, чем я!

— С этим не поспоришь, — согласился Ким, меняясь со мной местами.

Порой спокойствие и невозмутимость друга меня убивали. Хорошо, что он не теряет самообладания, но мог хоть как-то отреагировать на наше положение, а не спокойно сообщать мне об этом, словно мы ведем речь о погоде. Иногда так и тянет устроить истерику.

Проехав пару километров, я начала всматриваться в окружающую нас природу. Был полумрак, но пока окончательно не стемнело, я могла что-то разобрать.

— Ой, Ким, смотри! Там в дупле, кажется, белочка сидит! А под тем кустом чьи-то следы, по-моему лосиные, — всматриваясь в снег, поделилась я своим предположением.

— А вот под той сосной волки пытаются загрызть ребенка.

— Где?! — подскочив на месте, вскричала я, вертя головой.

И правда, под одной из высоких сосен, прижавшись к стволу дерева, стояла до смерти напуганная пятилетняя девочка, ее окружили три волка.

— Так, — протянула я, снимая лыжи. — Каков план действий?

— Я хватаю ребенка, а ты разбираешься с волками, — скомандовал Ким, тоже разуваясь. — Возражения есть?

— Какие могут быть возражения при твоём равном разделении обязанностей? — усмехнулась я, но возражать не стала. У Кима не было ни малейшего шанса справиться с волками.

Как ни странно, на наше присутствие волки никак не отреагировали. Недолго думая (не люблю этот процесс), я слепила снежок и бросила в одного из серых. Подействовало, волк недовольно обернулся, оскалив пасть.

— Хорошие собачки, ну же, идите к Акире, я вас не обижу, — проворковала я, приманивая волков.

Волки никогда раньше не встречали такой дурной девушки и, решив полюбопытствовать, направились ко мне. Тем временем Ким, осторожно обойдя животных, взял на руки плачущего ребенка и начал ретироваться к дороге. Но звери заметили его маневр, недовольно обернулись.

— Эй! А про меня вы что, забыли? — обиженно спросила я и с боевым рыком накинулась на одного из них.

Очутившись у него на спине, я вцепилась зубами в ухо. Волк пронзительно взвизгнул, начав крутиться на месте, безнадежно пытаясь сбросить меня. Но я держалась похлеще любого клеща. Остальные двое, не понимая, что происходит, постарались отойти подальше, дабы ненароком не угодить под наши пируэты. Девочка, ошеломленно смотря на потасовку, осторожно спросила Кима:

— А что она делает?

— Это у нее такой особый подход к животным, — ответил находчивый парень.

Постепенно мне надоело крутиться на одном месте, да и волчье ухо на вкус оказалось не самым вкусным. Я решила отцепиться от бедного животного. Не поверив своему счастью, волк без оглядки понесся в глубь леса, остальные, быстро смекнув, последовали его примеру.

— Ну, теперь, я думаю, они больше не захотят нападать на людей, — гордо заявила я, сплевывая клочок шерсти.

— Бедный волк, — покачал головой Ким.

— А что такое? — встревожилась я. — Я старалась ему не навредить.

— Да, старалась. Только вряд ли передача бешенства и нанесение психологической

травмы можно отнести к гуманному обращению с животными, — с серьезным видом заявил парень. Оскорбленно хмыкнув, я повернулась к другу спиной.

— Нужно подумать, что теперь делать с этим ребенком, — вернулся к насущной теме друг. — Ты почему здесь одна?

Девочка захлопала глазами, в которых грозowymi тучками стали собираться слезы.

— Я заблудилась.

— Это мы поняли, а конкретнее?

— Я... я не знаю, где мой папа-а-а! — выдавила она, разразившись слезами.

— Понятно, — уныло заключил Ким. — Пока мы мало что сможем от нее узнать. Проще отвести ее на базу и там уже пусть местные разбираются сами.

— Хороший план, но есть маленькая загвоздка. Мы сами понятия не имеем, где наш лагерь, и, ко всему прочему, уже стемнело!

— Сегодня до лагеря мы не дойдем, ориентироваться в темноте на незнакомой местности — чистый идиотизм. Придется ночевать в лесу. Но не здесь, пройдем немного и поищем более подходящее место, — предложил напарник, передавая мне ребенка и надевая лыжи.

Ночевка зимой в лесу не вызывала у меня бешеной радости, но нет другого выхода. По лыжам.

Дороги как час не было видно. Мы шли на ощупь, не очень полагаясь на зрение. Ким ступал впереди, а я с ребенком, сидевшим у меня на спине, следом. Дул сильный ветер, и я искренне радовалась нашим трехслойным комбинезонам и коротким, но теплым лыжным курткам. Правда, сейчас жутко хотелось их удлинить, скажем, до пят. Мы шли, а подходящего места все не попадалось. Я стала переживать за Кима. За время нашего шествия он начал кашлять. Из носа у него потекло, и друг попросил платок. Платка не оказалось. Сообразительный парень предложил мне его наколдовать. Вовремя он вспомнил, что я как бы маг! Во всяком случае, когда-то в незапамятные (ну, для моей памяти) времена я пыталась освоить данное искусство. Скажу сразу — напрасно. Маг из меня вышел весть знает... куда и, похоже, возвращаться не собирался. Но я честно попыталась.

Создаем материальный предмет — создаем материальный предмет. Чувствуем его в руке — чувствуем. Видим — видим... Мы с Кимом уставились на кружевные трусы на моей ладони. Черные. Танго. Я смущенно предложила их другу, он вежливо отказался. Я расстроено положила трусы в карман (не выкидывать же).

Пройдя пару шагов, я увидела, как напарник подозрительно зашатался. Прекратив шатание, Ким упал лицом вниз. Я еле успела поймать его за капюшон. У парня был жар. Я простонала, опустила девочку на землю и принялась снимать свои и Кимовы лыжи.

Ночь. Непроглядная тьма и лес окружали меня со всех сторон. Я шла в неизвестном направлении, с бессознательным телом напарника на спине, ребенком под правой мышкой и двумя парами лыж под левой. Шла, скрипя зубами и мысленно проклиная чахоточного парня, начальство, учения, погоду и того умника, который изобрел лыжи. После всех проклятий в голове крутилось лишь одно: ну за что мне все это?!

До слуха донеслось легкое шуршание, я повернула голову и увидела, как из-под двух пар пледов вылез взлохмаченный Ким. Я облегченно вздохнула.

— Очухался? — радостно спросила я, трогая рукой лоб друга. — Жар спал, хорошо!

К лицу парня снова стала возвращаться его естественная бледность.

— Что случилось? — немного хриловатым голосом спросил он.

— Ты отключился. Мне пришлось тащить на себе тебя, ребенка и лыжи. Знаешь, когда мы вернемся в ЗОГ, я потребую себе нового напарника, поздоровее некоторых!

— Рациональная мысль, — мирно согласился Ким. — А чего ты лыжи не бросила?

— Ага, бросишь их! Потом Вальтеру пиши объяснительную, куда дели казенные лыжи, и выплачивай стоимость с неустойкой! Нет уж! Мне дешевле и гораздо спокойнее для нервов было бы бросить вас двоих.

Ким усмехнулся.

— А где ребенок?

— Да вон! За тобой лежит.

Девочка спала, мирно посапывая, прижавшись к спине парня.

— Где мы сейчас? — спросил друг, осматриваясь. — Похоже на шалаш, сооруженный из еловых веток.

Шалаш был небольшой, но в нем умещались трое. Посредине горел маленький костер.

— Так и есть. Мне надоело тащить вас, и я решила организовать место для ночевки или похорон. Подумала, определяюсь по ходу. Вышла ночевка. В принципе неплохо, только есть хочется! К сожалению, в темноте я не смогла никого поймать. Придется ложиться спать на голодный желудок. А ты спи давай, нужно набираться сил. Температура спала, будем надеяться, завтра ты сможешь идти сам. И я отказываюсь тебя на себе тащить, если что.

Парень осмотрел меня.

— А тебе не холодно без пледа?

— Нет. Я вон твоей курткой ноги укрыла!

— Моей? — возмутился напарник.

— Ну зачем тебе куртка? И так вон со спины живое тепло греет! — сказала я, указывая на ребенка.

Ким смолчал.

— О, знаешь, что я узнала от девочки? Оказывается, они с отцом ехали по лесу в собачьей упряжке, но волки испугали собак, и они дали деру. А девочка вывалилась.

— Ясно, есть шанс, что отца уже незачем иска-а-а-ть, — прозевал Ким, перевернувшись на бок.

— Почему?

— Волки в это время года голодные.

Утром, первым делом выйдя на улицу, Ким принялся внимательно осматривать конструкцию шалаша. Его она явно воодушевила.

— Что это? — спросил он, указывая на мое сооружение.

Шалаш был смастерен из наломанных сосновых веток, скрепленных сверху знакомыми кружевными трусами.

— Понимаешь, ночью мне было тяжело и лениво нормально соображать, что да как делать, и веревки с собой не оказалось. Я решила сымпровизировать. А трусы хорошие наколдовала, крепкие.

Ким еще раз обошел шалаш.

— Знаешь, я всегда удивлялся твоему неординарному подходу к самым обыкновенным вещам, — честно признался он.

Я зарделась, сочтя это за комплимент.

— Ладно, как мы пойдём? Твоя пошатывающая походка не внушает мне доверия, — откровенно призналась я, с опаской смотря на друга.

— Сам не внушаюсь, но идти надо. Буду опираться на лыжные палки.

Приняв решение, мы отправились в путь. Честно сказать, после вчерашнего усиленного дня лыжной ходьбы меня начинало нехорошо трясти при виде лыж. Как оказалось, Ким тоже был подвержен этому странному заболеванию. Он посмотрел на них таким полным отвращения взглядом, что лыжи были просто обязаны пристыженно извиниться и удалиться с глаз долой и из сердца вон. Но, похоже, они не понимали прозрачных намеков, и нам пришлось обуться.

Сегодняшний поход протекал еще медленнее, чем вчерашний. Ким чувствовал себя неважно и еле перебирал ногами. У меня возникло жгучее желание поставить его в «хвост», но тогда была опасность просто-напросто потерять отставшего позади напарника. Но судьба решила нам улыбнуться. Жаль, тогда мы не знали, что на самом деле это был оскал. Из-за поворота дороги послышался лай. Мы напряглись.

— Это волки! — испуганно вскричала девочка, еще крепче сжав меня.

— Нет, волки так не лают, — прислушавшись, не согласилась я.

Вскоре мое предположение подтвердилось. Навстречу нам выбежала пустая собачья упряжка, возничего не было. Ким преградил дорогу собакам, и они остановились.

— Это наши собаки! — радостно вскричала девочка, спрыгнув с моей спины и побежав обниматься. Собаки счастливо завиляли хвостами, облизывая ей лицо.

— Но где же папа?

— Наверное, волки съели, — цинично предположил Ким.

— Или же он свалился в какой-нибудь обрыв и свернул себе шею, — не подумав, еще радостней предположила я.

Бедный ребенок! С такими «добрыми» людьми, как мы, у нее есть все шансы приобрести расстройство психики. Девочка готова была зарыдать, и я поспешно добавила:

— Также есть вероятность, что с твоим папой все хорошо, и вы с ним обязательно встретитесь.

Девочка с надеждой посмотрела на меня.

— Вероятность двадцать процентов, — безжалостно добавил Ким. Я бросила на него укоризненный взгляд. — Во всяком случае, мы можем воспользоваться упряжкой. Кто будет за рулем?

— Ой! А можно я? — оживленно заскакала я.

— Можно, — согласился парень, укладывая лыжи и садясь в упряжку.

На колени другу села девочка. Я весело оббежала сани и подошла к тому месту, где теоретически должен быть руль. Все, что я увидела, — выступающие лыжи, на которые, наверное, ставили ноги, а между ними какую-то железную штуку, похожую на педаль с шипами, опущенными к земле, и ручку, чтобы держаться.

— Ким, а как ею управлять? — запоздало поинтересовалась я, изучая механизм.

— Понятия не имею, — честно признался парень. — Ты сама вызвалась, разбирайся.

Я надула губы. Разбирайся, а как тут разобраться? У лошадей хотя бы есть поводья, за которые можно тянуть. А тут? За что тянуть-то, как поворачивать? И для чего эта железяка?

— Собачкам нужно просто давать команды: направо, налево, быстрее. А та железная штука — чтобы тормозить и замедлять бег. Вы просто должны на нее нажимать одной

ногой, чтобы притормаживать, и прыгнуть на нее двумя ногами, если хотите совсем остановиться, — растолковала мне девочка. Хм, может, посадить за руль ее?

— Понятно! — обрадовалась я. — Ну, поехали! Вперед, мои блохастые! Вперед!

Собаки развернулись на месте и быстро побежали по дороге. Мы пустились в новый путь.

— А куда нам ехать-то? — поинтересовалась я после получаса езды.

— Вовремя ты решила узнать маршрут, — усмехнулся Ким. — Но сейчас мы едем по единственной дороге, и она идет в одном направлении. По ней и будем ехать, а там уже разберемся.

Управлять собачей упряжкой оказалось не таким уж сложным занятием. Собаки спокойно бежали по дороге, не пытаясь никуда свернуть, мне даже не приходилось отдавать команды.

Я принялась было любоваться утренним пейзажем и думать, что все не так плохо, как вдруг «плохо» появилось у первой попавшейся нам развилки. На дорогу выскочил снежный барс. И почему нам достались такие пугливые шавки?! Кошка даже ничего не успела предпринять, как блоходавы с визгом бросились на противоположную от нее дорогу. Какое-то смутное чувство мне подсказывало, что именно та, другая, развилка была нашей. Но собак невозможно было остановить. Какие там команды?! О чем вы? Они не слышали и не видели ничего вокруг себя! Псы, следуя неизвестно какой логике, свернули с проложенной дороги и стали бежать по лесу, умудряясь огибать деревья. Я всем своим весом «легла» на тормоз, но он не помог, позади нас оставалась рыхлая колея. Тут краем глаза я заметила, что мы проехали мимо какого-то деревянного указателя.

— Хочу вас обрадовать! — прокричала я, стараясь переглушить ветер. — Я знаю, где мы находимся! Я заметила надпись на указателе, мы подъезжаем к Хребту барса!

— Но ведь там обрыв! — испуганно сообщила девочка.

— Значит, табличку с надписью: «Осторожно, опасно!» — ты не заметила, — подытожил Ким.

— А вот теперь я вижу это «опасно»! — «обрадовала» я, обнаружив, что земля вот-вот кончится. Но я-то увидела обрыв, а собаки нет. Останавливаться они не собирались.

— Держитесь как можно крепче!

Упряжка стремительно полетела вниз. Точнее, полетела *бы*, если *бы* у самого края я не успела подпрыгнуть и ухватиться за ветку дерева. Теперь перед глазами предстала весьма занимательная картина. Вися над обрывом, я старательно сжимала ногами упряжку, за которую держались Ким с ребенком, а на привязанных к упряжке ремнях вниз головами висели, неуверенно перебирая в воздухе лапами, шесть собак. Возможно, с виду картина и казалась забавной, но лично мне было не до веселья. Ветка начинала нехорошо потрескивать.

— Ребята, вы там долго собираетесь болтаться? Я вас не тороплю, но ветка скоро сломается.

Раскачавшись, Ким с девочкой приземлился на землю. Остались собаки.

— Может, их бросить? — предложил парень.

— Жалко, — протянула я.

Пусть собаки и дурные, но бросить их на смерть я не могла. Вздохнув, Ким снял с моих ног сани и, крихтя, осторожно затащил их на твердую землю. Собаки бессильно вытянули лапы. Раскачавшись и перекувыркнувшись в воздухе, я приземлилась рядом с другом.

— Приземление на шестерку.

— Зануда! Ну что, едем дальше?

Ким лишь зевнул, девочка с ужасом покосилась на своих четвероногих друзей. Но, несмотря на наш боевой настрой (во всяком случае, мой), продолжить поездку оказалось непросто. Собаки ни в какую не хотели двинуться с места, они даже вставать отказывались.

— И что будем делать? — огорченно спросила я у напарника, требовательно дергая за хвост одну из кабыздох.

— У меня есть идея. Правда, не знаю, насколько она тебе понравится, — подумав, загадочно протянул Ким.

Андрон не находил себе места. Акира и Ким, которые вчера отправились на дополнительные круги, так и не вернулись. Поисковая группа искала весь вечер и утро — безрезультатно. Единственный кого они нашли, был замерзший мужчина со слезами на глазах, рассказывающий, что от него сбежала упряжка и он потерял свою маленькую дочь.

Инструктор успокаивал себя мыслью, что это не просто потерявшиеся дети, а гренадеры — эксперты в своей области, которые прошли полугодовое обучение и целый год самостоятельной работы в Отделе. Но легче ему не становилось. В конце концов, это он отправил их на эти проклятые круги, и он нес за них ответственность! Мужчина в сотый раз проклял полевые учения и себя в роли инструктора. Неожиданно ему сообщили, что по дороге к лагерю что-то движется. Андрон взволнованно выбежал на улицу. Встав посередине двора, он начал всматриваться в заснеженную даль. Сначала мужчина сумел рассмотреть лишь разлетающиеся во все стороны хлопья снега. Судя по всему, что-то ехало с большой скоростью. Затем... От того, что в следующую секунду увидел мужчина, волосы встали дыбом. Навстречу ему с бешеной скоростью неслась собачья упряжка, но вместо собак в нее была запряжена Акира. Девушка мчалась с быстротой чистокровного скакуна, энергично размахивая руками. В упряжке сидел Ким, окруженный шестью собаками со странно вытянувшимися мордами, с ребенком на руках. Внезапно Акира закричала:

— Посторонись!!!

Предусмотрительные подопечные давно попрятались за деревьями, но бедный Андрон, опешивший от увиденного, просто не мог успеть уйти с дороги несущейся упряжки. Столкновение было неизбежно.

После двух плодотворных недель, проведенных в горах, зимние полевые учения сотрудников ЗОГа закончились. Один из главных инструкторов — Андрон стоял перед руководителем Отдела и сдавал отчет о поездке. Левая рука мужчины была в гипсе, шея заключена в корсет, также он заметно хромал.

— Так как, по вашему мнению, прошли учения? — пробежав беглым взглядом по отчету, спросила Роза.

— Отлично!

Отчет 3

Подарок

Легче простить врага, чем друга.

Уильям Блейк

«Новый год! Новый год! Он идет, он идет!» — радостно напевала я, скача по улицам города. До Нового года остался один день, а сколько всего нужно успеть! Так, посмотрим, жемчужины я купила, украшения для дома тоже, кекс приобрела (и даже попробовала, качественный товар), дополнительный подарок для Кима почти готов, осталась только елка. Елка, елочка!

Люблю я предновогоднее настроение. Сама атмосфера в городе меняется в ожидании праздника. Люди бегают, суетясь, покупая подарки. Они сталкиваются, но не бранятся, а улыбаясь, поздравляют с наступающим праздником. И город такой красивый! На площадях стоят высокие ели, украшенные всевозможными игрушками, таких огромных размеров, что представить себе трудно. Дети, проходя мимо, так и норовят подцепить одну. Но бдительные стражи и сотрудник охраны порядка, специально представленные для этого дела, не позволяют шаловливым ручкам «раздеть» елку догола. Знаем, были прецеденты.

Над узкими улочками протянули светящиеся гирлянды. Каждая лавка и заведение украшены еловой «мишурой», обвязанной алыми, синими, золотыми лентами. Все сверкает и предвещает праздник.

Я дошла до елочного базара. От терпкого запаха хвои стало щекотно в носу. Точно солдаты на параде, елки выстроились передо мной стройными рядами. Подтянутые, ухоженные, иголочка к иголочке. Какую же мне выбрать? Я в замешательстве стала изучать деревья. Мне нужна маленькая елочка, желательнее не срубленная, а в горшке. Наконец я нашла. Расплатившись, я, обняв горшок с елкой, направилась в сторону дома.

Открыть дверь с занятыми руками оказалось не так просто, но я сумела осилить замок, чуть ли не повернув ключ зубами. Войдя, я с гордостью оценила порядок. Хорошо, после моей вчерашней уборки ничего не изменилось, хочется верить, что и к завтрашнему дню все останется в таком же превосходном состоянии. Я поставила елку на стол возле дивана и направилась к себе в комнату. Распахнув дверь, я увидела возящегося на полу Шнурика. Хорек старательно пытался содрать с себя крылья. Я поспешила взять его на руки и снять самодельные ангельские крылышки.

— Шнурик, ты не должен их ломать, — начала докучливо объяснять я хорьку. — Завтра ты будешь Новогодним духом, дарящим всем подарки! А какой из тебя дух, если сломаешь крылья?

Хорек недовольно завертелся. Возложенная роль его явно не вдохновила.

— И если будешь вести себя хорошо, тебе дадут что-нибудь вкусненькое, — добавила я, решив подойти к хорьку с другой стороны.

Шнурик, хорошо знавший слово «вкусненькое» и все прочие гастрономические термины, довольно облизнулся.

— А может, и мне дадут, — мечтательно протянула я.

Претенденты на еду зверька не порадовали, и он попытался укусить меня за нос.

Увернувшись, я рассмеялась и закружила с хорьком по комнате. Я долго могла продолжать свои танцы, но, вспомнив о куче незаконченных дел, остановилась и положила хорька на кровать. Зверек, пошатавшись туда-сюда, не устоял на лапах, плюхнулся на бок. Я пошла украшать дом.

Скоро я закончила с развешиванием гирлянд. Занятие не из простых. Шнурик старательно помогал и запутался в одной из них. Потребовался целый час, чтобы его распутать, а потом еще полтора, чтобы вытащить из пасти недожеванный провод. Я принялась за елку. Сначала я надела на горшок заранее приготовленную сетку. Сетка нужна была, дабы кое-чья пакостная морда не рыла землю.

Надев антихорьковное устройство, я повесила конфеты и последний штрих — алый бант, кокетливо привязанный к верхушке. Елочка стала выглядеть весьма забавно с учетом того, что бант был в два раза больше ее самой. Но я осталась довольна результатом. Теперь можно отправиться в ЗОГ. Заданий на сегодня нет, но там всегда можно найти работу.

В Отделе действительно требовалась помощь. Посреди холла возвышалась огромная ель. Дереву не хватило всего метра до потолка. Вокруг нее с украшениями в руках и весьма озадаченными лицами водили хороводы Альма, Май и Моэги. Они смогли украсить дерево только наполовину, насколько хватило лестницы. Увидев меня, компания оживилась.

— Акира, не хочешь помочь? — с надеждой спросила Моэги.

— Хочу! — охотно согласилась я. — А что нужно делать?

— Укрась там, где мы не смогли достать, — протягивая мне украшения, ответила Альма.

Приняв их, я запрыгнула на дерево. Ухватившись ногами, я как можно аккуратней, чтобы не сломать ветви, стала ползти вверх. Кололось ужасно, но красота требовала жертв.

— Акира похожа на белку!

— Если ей сделать два хвостика вместо одного, будет вылитая.

— Да, у этой девчонки энергия всегда бьет ключом!

— Эй, там, внизу! У меня закончились украшения.

— Держи! — крикнула Альма, кидая шары.

Один я сумела поймать, второй выскочил из рук. Я с содроганием сердца приготовилась услышать звук бьющегося стекла, но шарик повис в воздухе. Май медленно поднял руку, и он подлетел ко мне.

— Здорово! — выдохнула я. — А чего ты так не стал украшать елку?

— Пользоваться телекинезом не слишком удобно. Поднять легко, но, чтобы суметь повесить на ветку, нужно больше времени и нервов, — смущенно признался парень.

Моэги весело потрепала его по голове.

— Эх ты, горе-маг! — беззлобно сказала она.

Было забавно смотреть на эту парочку. Май — высокий парень с медно-каштановой копной кудрявых волос. Моэги же — крепкая девушка с сильными руками и стальным прессом, такой дважды подумаешь, прежде чем что-то сказать. Даже я ее немного побаиваюсь.

— Осталась только звезда, — сказала я, вешая последний шарик.

— Лови!

Размахнувшись, Альма запустила в мою сторону украшение. Звезда со свистом рассекла воздух. Я еле успела хлопнуть руками, поймав ее в сантиметре от собственного лба. Еще бы чуть-чуть, и...

— Альма, ты не ножи метаешь! Ты чуть не убила Акиру!

— Акира, извини. Я не нарочно!

— Да ни-че-го, — ошарашенно выдавила я.

Теперь я поняла: даже украшая елку, нужно помнить — мы гренадеры, обученные убивать, и наши вьевшиеся привычки и рефлексy, от которых часто зависит наша жизнь, могут сыграть с нами злую шутку. Я закрепила звезду на вершине.

— Красиво! — раздалось в один голос. — Акира, спускайся, посмотришь!

Я хотела было спуститься, как вдруг услышала знакомый и отнюдь не приятный голос.

— Это еще что такое?! Гренадер номер семьдесят семь, что вы там делаете? — подняв голову вверх и поправив очки, назойливо спросил Вальтер.

Как всегда, вовремя. И почему мне так везет наткаться на господина секретаря? Особенно тогда, когда я хочу меньше всего его видеть, то есть всегда!

— Вишу.

— Это я вижу, но по какой причине?

— Она помогала нам украшать елку, — вступился за меня Май.

— Возможно, но такое поведение неприемлемо. Немедленно спускайтесь оттуда, пока вас еще никто не увидел, — потребовал секретарь.

Немедленно так немедленно. Нога соскользнула, и я начала падать. Как ни странно, удара я не почувствовала, но ощутила, как кто-то довольно крепко сжимает меня за спину и ноги. Открыв глаза, я поняла, что нахожусь на руках у Вальтера, в чьи объятия так удачно приземлилась. Лучше бы я треснулась о мраморный пол! Секретарь смотрел на меня с таким укоризненным презрением, что я растеряла все свои колкости.

— Вы в порядке? — сухо спросил он.

— Да, спасибо, что поймали, — сдержанно поблагодарила я, спускаясь с его рук, и, не оглядываясь, быстрым шагом побежала к двери.

За моей спиной раздался смех друзей. Но я успокаивала себя мыслью, что Вальтеру сейчас гораздо хуже.

Бездумно пошатавшись по Отделу, я решила пройти во внутренний двор и навестить живущих там собак. Люблю четвероногих блоходавов. В свете слабо освещенного коридора я заметила прислонившуюся к стене фигуру. Потребовалась всего секунда. Затем мое сердце остановилось. Колени предательски задрожали. Почему сейчас? Именно сегодня?! Ведь завтра Новый год! На негнущихся ногах я попыталась пройти мимо как ни в чем не бывало, но, как только я поравнялась с фигурой, прозвучал голос:

— Здравствуй, Арика.

Мою спину прошиб холодный пот. Стало тяжело дышать. Воздух можно было разрезать ножом. Я замерла на месте, будто каменная, не в силах двинуться. Обладателем чудодейственного голоса был двадцатилетний юноша, высокий и даже хрупкий, но в его фигуре чувствовалась сила. У него было красивое, словно высеченное из мрамора, лицо. Тонкие линии, правильный профиль, только опытная рука мастера могла высечь такое лицо. Лицо с миндалевидными глазами цвета стали. Глазами, которые пошли бы девушке, если бы не таящаяся в них угроза. Его темно-русые волосы были обрезанными по плечи. Четыре года прошло, а он совсем не изменился, лишь только волосы стали короче. Четыре года.

— Давно не виделись. Здравствуй.

Я почти не чувствовала язык.

— Ч-что ты здесь делаешь, Опал?

— Я узнал, ты год как работаешь гренадером. Решил навестить, — улыбаясь, ответил он.

Я вздрогнула. Вновь эта фальшивая улыбка, скрывающая за собой нечто ужасное. Раньше я не знала ее истинного значения и жестоко поплатилась. Парень плавным шагом подошел ко мне, наклонившись к самому уху. У меня запылала шея.

— Я вижу, твои физические раны зажили, а как насчет душевных?

Словно яд его слова медленно вливались в мое ухо, голову, мысли. Я почувствовала, как окончательно теряю силы. Холодная сталь буравила меня насквозь, но больше всего убивала едкая улыбка, играющая на его губах. Господи, я больше не продержусь! Мои молитвы были услышаны. Едкость вновь сменилась приторной фальшью. Юноша заговорил дружелюбным тоном.

— Что же, береги себя. Еще увидимся! — пообещал он, покидая коридор.

Я осталась стоять как вкопанная, невольно коснувшись рукой тонкой полоски шрама, проходящей под левым глазом. Она почти зажила. Но сейчас мне казалось, будто рана была свежей.

Блестящий клинок, отойдя от моей шеи, коснулся щеки. В нем отразились стальные глаза. Холодные, равнодушные и полные ненависти. Клинок поднялся, готовясь к удару.

— Нет!!!

— Акира, чего застыла?

Я быстро помотала головой, сгоняя с себя пелену воспоминаний. Передо мной стоял Ким, держа в руках какую-то папку, и напряженно всматривался в лицо.

— Ким? А чего ты здесь делаешь?

— Я тут кое-какую несерьезную работу выполняю по просьбе Розы, — указывая на папку, ответил он. — А вот что ты тут делаешь? Я увидел тебя, выходя из архива, окликнул, но ты не отозвалась. Стояла, не видя ничего и никого перед собой. Ты себя вообще хорошо чувствуешь? Какая-то ты бледная.

— Да уже хорошо. Не беспокойся. Ну, я побежала!

Оставив озадаченного Кима, я понеслась как можно быстрее. Настроение было окончательно испорчено.

Шатание по городу не вернуло мне прежней радости. Только усталость нахлынула. Я решила вернуться домой. Войдя в квартиру, я заметила лежащее на диване тело. Одеяло на теле то и дело поднималось в такт дыханию. Живое. Равнодушно пройдя мимо, я закрылась у себя в комнате, с разбегу плюхнувшись на кровать. Возможно, мне стоит поспать. Вдруг это избавит меня от скверных мыслей? Долго ждать не пришлось, я быстро погрузилась в сон. В сон о прошлом.

— Она, ты здесь?

Вечер, из открытой в сад двери дул свежий ветер, в водоеме отражалась половина луны. Юноша сидел на коленях и смотрел в темноту сада. Я села рядом. Слышалось стрекотание кузнечиков.

— Мне было скучно, и я решила к тебе зайти. Скоро будет ужин. О чем ты думаешь? — поинтересовалась я, смотря в его безмолвное лицо.

— Ты сегодня тренировалась? — неожиданно спросил он.

— Да, приходила госпожа Роза. Мы отработывали новый прием. Она говорит, у меня много пряничной (или как ее?) силы и мы должны придумать, как ею можно управлять, так как обычная магия мне плохо дается. Правда, я не понимаю, что все это значит и зачем мне это нужно, — пожала плечами я.

В комнату подул ветер, принес с собой запах ночной фиалки.

— Пойдем прогуляемся, — внезапно предложил юноша, вставая.

— Но как же ужин?

— Мы успеем вернуться. Ну, идем?

Недалеко от дома протекала речка. Мы часто любили гулять возле нее. Она спасала нас от знойных летних дней. Но сегодня от реки веяло пронизывающим душу холодом. По крутому склону скатывалась галька. Один неверный шаг — и можно свалиться вниз к острым камням. В темноте возможность только возрастала. Я старалась держаться как можно ближе к Опалу.

— Она, а куда мы идем?

Молчание.

— Я думаю, нам не стоит далеко заходить, мы ведь... Ааа!

Земля ушла из-под ног. Я еле успела ухватиться за выступ.

— Она, помоги!

Юноша навис надо мной. В свете луны в его руке блеснула сталь клинка. Острый кончик коснулся моей руки.

— Что ты делаешь?

Он ничего не ответил. Его глаза стали холодными и равнодушными. Я никогда раньше не видела такого взгляда. Меня окутал страх. Опал надавил на меч. Из руки потекла кровь. Больно.

— Зачем ты это делаешь?! — плача от боли и страха, вскричала я.

Кровь смешивалась с землей. Грязными комками падала вниз. Меня тянуло следом. Почему? За что?! Юноша все так же безмолвно стоял надо мной.

— Прекрати!

— Знаешь, ты слишком наивная, беззаботная. Никогда не думаешь о последствиях. Ты привыкла полагаться на других. Разве ты не поняла? Никому нельзя верить. Люди только и ждут того, чтобы вонзить тебе нож в спину. Глупая девчонка. Жаль, поучиться тебе уже слишком поздно.

Опал занес меч над головой. Взмах. Я успела разжать пальцы. Жгучая боль разорвала мне лицо. Я закричала.

Я больше не чувствовала боли. Только холод и влагу. Вода. «Тону», — появилась первая мысль в моей голове. Я подскочила. Нет, не тону. Всего лишь Влас с невозмутимым выражением лица выливает мне на голову стакан воды.

— Эй! Ты что, сдурел?! Чего творишь?!

— Это я сдурел?! Сплю, никого не трогаю, и тут ты как начнешь орать, словно тебя режут! У меня чуть сердце не остановилось!

А если меня и вправду резали?

— Ага, остановится оно, как же! Для этого надо сначала сердце иметь, — проворчала я.

Мужчина мстительно уронил на меня последнюю каплю, поставил стакан на столик и вышел.

Влас был моим соседом. Тридцатилетний мужчина работал хозяином какого-то ночного заведения и поэтому всегда отсыпался днем. Он был крепкого телосложения, статный, с коротко стриженными темными, почти черными, волосами и с суровым выражением лица. Наглый, невыносимый, высокомерный тип! Но скрипя зубами стоит признать, по-мужски он был довольно красив. К Власу постоянно липли девушки. Каких только я не насмотрелась! Они стояли под окнами, караулили под дверью и с криком убегали, когда заставляли меня после какого-нибудь убойного задания потрепанную, в чужой крови и с жутко добрым взглядом. Дурочки, польстились на знатного мужчину. Знали бы они получше предмет своих мечтаний. Да они и дня не выдержат в его обществе! Я гарантирую! Это какое ангельское терпение нужно иметь, чтобы не раскрошить ему череп сковородкой?! Порой я сама удивляюсь, как делю с ним жилплощадь. Спасала только редкость встреч. Лестные мысли в адрес соседа ненадолго оторвали меня от жутких воспоминаний. Хоть какой-то плюс.

Я встала с кровати и направилась в ванную комнату. Вытерла волосы, посмотрела в зеркало. Глаза были опухшими. Я умылась и снова посмотрела на себя. Вид удручал. Сон явно не пошел мне на пользу. Я подняла уголки своих губ указательными пальцами. Нет, я не должна плакать, я должна улыбаться! Я изменилась, я выросла, и я стала *сильнее!* Происшествие четырехлетней давности не выбьет меня из колеи. Я буду радоваться — завтра Новый год.

Нужно подышать свежим воздухом. В конце концов, все не так плохо. Можно даже подкрепиться. Мысли о еде прибавили мне настроения, и я побежала в свое излюбленное заведение.

— Так и знал, что найду тебя здесь, — сказал Ким, отодвигая занавеску, заменяющую дверь, и проходя внутрь зала.

Я подняла глаза. Неудивительно, что он нашел меня здесь. Небольшая забегаловка под названием «Горячее колесо» была одна из многих мною любимых. Своему названию она обязана методу готовки. В середине зала располагалось каменное раскаленное «колесо», на котором происходил процесс жарки. В центре «колеса» стояли повара, а вокруг наружного радиуса сидели посетители. Само собой, они ели не на раскаленной дырявой сковородке. От «колеса» отходила деревянная оборка, на которой можно было спокойно есть без риска обжечься. Мне нравилось заведение за его оригинальность. Здесь можно было получить и хлеб и зрелище по одной цене. Ну и за самое главное — вкусную еду. Тонко нарезанные куски мяса, подсакаивая, шипели на жаровне. Вот они уже подрумянились с двух сторон. Повар ловко поддел их лопаткой и подкинул в воздух. Я подставила свою миску. Три кусочка булькнулись мне в бульон. Ароматный свиной бульон, немного овощей и кусочки мяса. Что еще нужно для счастья?

— Не хочу прерывать твою идиллию, — осторожно начал Ким, смотря на мое блаженное лицо, — но у нас появилась работа.

— Какая работа? — с интересом спросила я, пытаюсь выловить ложкой непослушную морковку.

— Ничего особенного. Сегодня наша с тобой очередь патрулировать город.

— А чтоб тебя! — в сердцах выкрикнула я, когда морковка, уйдя от ложки, вылетела из тарелки и шлепнулась на пол. — Так что ты сказал? Патрулировать город? Хорошо, сейчас доем, и отправимся на дежурство.

Я быстро взяла себя в руки. Мясо все еще плавало в моем супе. Подумаешь, какая-то там

морковка! Я отложила ложку и взяла в руки миску. Опустошив ее залпом, я вытерлась салфеткой, издав благодушное «Ах!». Пустая миска переключалась к горстке своих собратьев. За мою посиделку их накопилось немало.

— Ладушки, пошлепали! — сказала я, ослабляя ремень брюк.

Патрулировать ночной город не самое веселое занятие. Добропорядочные жители легли спать, а недобропорядочные стараются не попадаться нам на глаза. Встречаются только одинокие кошки, да собаки, которые, прячась по подворотням, недовольно нас облаивают. Ким уже заметно начал зевать, правда, он зевает круглые сутки, я же хрустела орешками, поминутно доставая их из кармана. Светящиеся новогодние гирлянды хорошо освещали нам витиеватые улочки, но на всякий случай у нас имелись фонарики. Я погрузилась в свои грустные мысли.

— В этой семье ты проживешь какое-то время. У нас ты остаться не можешь, и тебе всего четырнадцать, чтобы жить одной. Запомни, это одна из самых уважаемых семей города. Веди себя достойно. От их мнения о тебе будет зависеть твое дальнейшее будущее. Не оплошай. Я буду приходить каждый день в три на занятия, — говорила мне Роза по дороге к большому дому.

Такой большой дом. Дом, покрытый зеленой черепицей, будто змеиной чешуей, переливающейся на солнце изумрудным блеском, таким завораживающим, но почему-то пугающим. Углы крыши венчали коньки, изображающие головы каких-то скалящихся животных. Вот-вот и укусят. Восточный стиль. Неудивительно, ведь здесь проживает семья дипломатов, ведущих дела с Востоком.

Этот странный дом приводил меня в дрожь, но сад, окружающий его, напротив — дарил умиротворение. Сколько здесь росло цветов и деревьев, не сосчитать! Стояла весна; благоухая, цвели вишни, роняя свои белоснежные лепестки, словно снег, покрывая все вокруг.

В зеркальных водоемах плескались здоровенные жемчужно-рыжие рыбы. Одна из них выпрыгнула из воды, поймав на лету жука, и с брызгами плюхнулась обратно, оставив после себя опадающие бусины искрящихся капель. Я удивленно охнула. Как жаль, что вся эта красота не могла унять тяготящее мое сердце чувство.

— Я не хочу здесь оставаться. Мне страшно.

— Глупости! Ты не боялась убежать из дома, а теперь вдруг испугалась! С чего бы? Все уже решено, — сурово произнесла Роза, но, посмотрев на мою поникшую голову, она вздохнула и мягко добавила: — В любом случае, мы будем встречаться каждый день. Это достойные люди, и они ничего тебе не сделают, будь смелее.

Мы подошли к дому, на его пороге стоял семнадцатилетний юноша. Увидев нас, он поклонился.

— Добро пожаловать. Родители сейчас заняты, могу я вам помочь?

— Здравствуй. Вот, привела вам нового жильца. Позаботьтесь о ней. Ну же, поздоровайся, — толкая меня в спину, велела Роза.

Я, спотыкаясь и заплетаясь в собственных ногах, подошла к юноше.

— Здравствуйте, — не поднимая глаз, чуть слышно поздоровалась я.

Сердце стучало как бешеное. Мне казалось, оно выпрыгнет прямо изо рта. Я невольно крепче сжала зубы.

Юноша наклонился, с любопытством заглянув мне в лицо. Темные волосы водопадом упали с его плеч. Серые глаза спокойно и слегка насмешливо смотрели на меня. Мои щеки запылали.

— *Здравствуй, меня зовут Опал. А как тебя?*

— *А-арика, — запинаясь, ответила я сквозь зубы, все еще боясь потерять сердце.*

Юноша улыбнулся. Я впервые увидела такую добрую, успокаивающую улыбку. Беспокойство и переживание вмиг испарились.

— *Приятно познакомиться, Арика.*

Тепло сжатой руки. Ощущение полной безопасности. Я забыла об осторожности и в итоге потеряла свое сердце.

— Помогите!!!

Встревоженный крик пронзил ночную тишину, заставив испуганных крыс удрать обратно в канализацию. Я встрепенулась. Из ближайшего от нас дома выбежала женщина. Она была в одном ночном халате и в бигудях. Лицо выражало тревогу. Женщина лихорадочно шарила глазами по улице, пока не заметила нас.

— Ах! Гренадеры, хорошо, что вы тут! Меня только что ограбили! Вор выскочил из окна гостиной и скрылся, кажется в том переулке, — показывая рукой, заговорила она. — Вы должны его поймать!

— Хорошо, мы разберемся, — пообещал Ким, и мы побежали в указанный переулок.

Вдалеке слышался удаляющийся бег.

— Отсюда ведет только одна дорога; если он не альпинист и не умеет летать, то должен ею воспользоваться. Но ты хорошо берешь барьеры. Сейчас будет поворот направо, там тупик — трехметровая стена. Если сумеешь ее преодолеть, то обгонишь нашего вора, оказавшись в конце улицы. Я буду гнать его на тебя. Накроем с двух сторон, — на бегу объяснил план поимки Ким.

И когда он успел все прикинуть?

— Если не перепрыгну, то просто снесу ее, — успокоила я напарника, поворачивая направо.

— Не сомневаюсь, — послышалось мне вслед.

Пробежав пару метров, я и вправду уткнулась в кирпичную кладку. Посмотрела наверх, присвистнула. Но где наша не пропадала. Я подпрыгнула, оттолкнулась от одного здания, потом от другого и оказалась на верхушке стены. Спрыгнув с нее, я приземлилась на мостовую. Приземление вышло жестким. Я вложила слишком много силы. На месте моего приземления можно было распознать характерные вмятины в форме ног. А, ладно, не в первый раз и, чую, не в последний. Я побежала дальше. Как и предсказывал Ким, на месте я оказалась раньше вора.

Встав в конце узкой улочки, я уперла руки в бока, преграждая проход. Долго ждать не пришлось. Через пару минут в мою сторону выбежал воришка. Не ожидая засады спереди, он неся, повернув голову назад, в руках у него был небольшой мешок. Разумеется, ничего не видя перед собой, он с разбегу влетел в меня. Я даже не качнулась. Вор оказался намного ниже ростом, так что ему повезло — моя грудь смягчила удар. Но такое ли уж это везение? Он осторожно отодвинул лицо и поднял голову. Я мило улыбнулась. Он сглотнул.

— Извините, — тихо произнес он, пятясь.

— Что вы! Какие мелочи! С наступающим вас, — пожелала я, медленно надвигаясь.

— Вас также, — криво улыбаясь, сказал вор в ответ.

Я размяла костяшки пальцев. Раздался хруст. Парень побледнел.

— Ну что ж, приступим.

— А может, не надо?

— Надо! — решительно ответила я.

Наконец-то я увидела приближающегося ко мне Кима. Я радостно помахала ему рукой. Он осмотрелся.

— Где вор?

— Здесь, — ответила я, постучав по мусорному баку, на котором сидела. Раздались жалобные стоны. — А вот и добыча.

Ким поймал мешок, заглянул внутрь.

— Понятно. Значит, сегодняшнее дежурство вышло успешным?

— Вполне.

На следующий день я проснулась в довольно приподнятом настроении.

— Сегодня Новый год, — новость кому сказала я.

Спрыгнув с кровати, я начала готовиться к столь важному событию. Умывшись и сделав свой фирменный хвост, я пошла выбирать наряд. У меня как раз нашлось подходящее платье: теплое, красного цвета, отороченное белым мехом, с забавными помпонами. Надев его, я посмотрела в зеркало. Идеально.

— А теперь мы займемся твоим туалетом, — проговорила я, заглядывая под кровать и вытаскивая оттуда сонного хорька.

Мне повезло, полусонный Шнурик сопротивлялся вяло. Натянув на него крылья, я предусмотрительно нацепила шлейку. Знаю я этого пакостника, иначе быстро куда-нибудь смоеся. Покончив с хорьком, я принялась запихивать в сумку подарки. Хорошо, у меня все жемчужины благодарности, не перепутаешь! Правда, одна отличается; ее я, пожалуй, положу отдельно. Кимов подарок, аккуратно упакованный, покоился на дне, и я могла спокойно посадить в сумку хорька.

— В путь! — торжественно объявила я, вешая сумку на плечо и выходя из дома.

Подарки принято дарить часов в десять вечера, за два часа до Нового года. Но у меня было много знакомых, и я боялась не управиться за два часа. Сначала я оббежала все лавки и заведения, в которых любила бывать. Покончив с этим непростым делом (любимых заведений у меня имелось несчетное количество), я часов в пять направилась в ЗОГ. В холле находились все те же знакомые лица. Я весело подбежала к ребятам.

— С Новым годом! — поздравила я Моэги, протягивая хорька с мешочком в зубах.

Девушка засмеялась, вытаскивая мешочек из его пасти. Шнурик попытался клацнуть зубами, но Моэги ловко сунула ему в рот кусочек лакомства. Хорек деловито захрустел. Потом был черед Мая и Альмы. Каждый угостил Шнурика.

— А мне? — с завистью смотря на чавкающего зверя, спросила я.

Ребята рассмеялись.

— Вот тебе! — хором сказали они, вручая мешочки.

Я удивленно отметила, что один из них повязан фиолетовой лентой.

— Это за прошлый случай со звездой, — смущенно пояснила Альма.

— Но у меня нет белой жемчужины, — расстроено сказала я. — Я тебя еще тогда

простила.

— Значит, все хорошо! — облегченно заключила девушка.

Пожелав ребятам всего хорошего, я побежала дальше. Мне повезло. Как раз этот субъект мне и нужен.

— Инструктор Андрон!

При виде меня мужчина вздрогнул и попытался врасти в стену. Увы, не получилось.

— Инструктор Андрон, это вам, — сунула я ему фиолетовый мешочек. — За те неприятности на учениях.

— А! Спасибо, все хорошо. И ты это... Слишком сильно не усердствуй.

Поспешно забрав у меня мешок, мужчина захлопнул передо мной дверь. Наверное, он еще не отошел.

Сколько надо успеть поздравить! Выходя из кабинета руководителя, я столкнулась с Вальтером. В памяти всплыл вчерашний случай.

— С Новым годом.

— Благодарю, вас также, — сдержанно поблагодарил секретарь.

Вальтер хотел было зайти в кабинет, но я его окликнула.

— Постойте! Это вам, — протягивая подарок, произнесла я.

На лице мужчины выразилось неподдельное удивление.

— За то, что тогда поймали.

После секундной тишины за спиной послышался все еще сдержанный, но уже не такой сухой голос:

— Спасибо.

И такие зануды, как Вальтер, заслуживают подарков. На самом деле он неплохой, просто слишком придирчивый.

— Всех поздравили. Остался только один человек.

Я вышла из ЗОГа. На улице стемнело. С неба медленно падали пушистые хлопья снега. Я протянула руку. Пара комочков упала на ладонь, тут же начав таять.

— Интересно, найдет ли он меня? — произнесла я, задумчиво смотря на темное небо.

— И все же нашел!

— Ну, найти тебя в ярко-красном платье, усевшуюся на крышу одного из домов, было не так трудно, — скептически заметил Ким. — Ты там к карнизу не примерзла?

— Нет. Я на подушечке сижу. Я и тебе взяла, — протягивая другу подушку, ответила я.

Подложив ее, он сел рядом, свесив ноги.

— В двенадцать часов должно быть представление, — сказала я, смотря на площадь.

— И ты решила занять вакантные места заранее?

— Конечно! Пока я тебя ждала, мне пришлось отбиваться от конкурентов: трех кошек и двух голубей!

— Все с тобой понятно.

На освещенной площади суетился народ. Дети радостно бегали вокруг елки, взрослые обменивались подарками, артисты и музыканты готовились к грядущему представлению.

— Кстати, держи подарок, — сказала я, вытаскивая сверток.

Хорек недовольно проворчал, сворачиваясь калачиком. В сумке спать было тепло и уютно, особенно после всех вкусных поздравлений. А вот я осталась голодной. Я тонкий гурман, но от сушеных куриных шеек, свежей тушки цыпленка, кормовой мыши и прочих

деликатесов решила воздержаться. Шнурик героически принимал все подарки, и теперь; когда пузо стало волочиться по земле, он решил вздремнуть. Я вручила Киму подарок, на котором лежал традиционный мешочек.

— Я подумала кроме жемчужины сделать тебе еще один подарок, — смущенно пояснила я.

— Спасибо, — поблагодарил парень, разворачивая бумагу и извлекая горчично-золотой шарф. Почти под цвет глаз.

Шарф в некоторых местах выглядел довольно потрепанным, даже проглядывали дырки.

— Я сама его вязала. Ты всегда мерзнешь, и я подумала, шарф должен быть подходящим подарком. Проще было купить, но я решила — связать будет лучше. Откровенно говоря, рукодельница из меня все равно что маг, да и Шнурик помогал, поэтому он и выглядит слегка потрепанным... Но тепло я гарантирую! Я в него столько нервов и бессонных ночей вложила! — клятвенно заверила я парня.

Ким замотал шарф вокруг шеи, спрятав кончики вовнутрь. Вышел оригинальный воротник а-ля мумия по самые глаза. Да нет, цвет в цвет.

— И вправду теплый, — одобрительно заметил он.

Я облегченно вздохнула.

— А это тебе, — доставая из кармана знакомый мешочек, сказал друг.

Приняв подарок, я удивилась его весу. Сколько он туда жемчужин засунул? И зачем? В порыве любопытства я быстро высыпала содержимое себе на руку. Там оказались розовая жемчужина и кольцо. Да не простое кольцо, а сделанное в форме пончика. Нет, не может быть. Я поднесла кольцо ближе к глазам. Нет, и вправду пончик! Коричневого цвета, покрытый розовой глазурью и посыпанный цветной крошкой маленьких разноцветных камней. Пончик выглядел очень правдоподобно, мне даже захотелось его попробовать.

— Ты только его кусать не смей. Зубы сломаешь, — словно прочтя мои мысли, предупредил Ким.

Я просунула средний палец правой руки в дырку пончика. Сидит как влитое! Я бросилась обнимать напарника, чуть не свалив его с крыши.

— Ким! Спасибо, спасибо, спасибо! Чудесный подарок!

— Я, несомненно, тронут твоими чувствами, но не могла бы ты меня отпустить? У меня ощущение, словно я в объятиях медведя, — прохрипел парень.

Я поспешно выпустила друга.

— Прости. Оно, наверное, дорогое? — с тревогой спросила я, указывая на кольцо.

— Нет. Камни полудрагоценные, а металл — медь и сплав титана. Я специально заказал металл как можно прочнее. Чтобы оно не разлетелось вдребезги от твоих ударов. Но все же я бы не советовал с кольцом на пальце крушить стены.

— Ты мне подарил такой хороший подарок. А я тебе какой-то потрепанный шарф, — расстроено произнесла я.

— По мне уж лучше носить «какой-то потрепанный шарф» на шее, чем пончик на пальце, — изрек парень. Я удивленно на него посмотрела. — Ну, я заказывал кольцо для *тебя* и *по-твоему* вкусу, а не по-своему. А ты любишь еду и все неординарное.

— Да, люблю.

— И еще кое-что. Какой-то парень просил передать тебе это, — сказал Ким, вручая мне мешочек с фиолетовой лентой.

— Какой парень?

— Я столкнулся с ним у выхода из ЗОГа. Но раньше не встречал. Лет двадцати, высокий, с темными стриженными волосами до плеч и с серыми глазами. Довольно милостивый, тем не менее сила чувствуется. Описание весьма размыто, но особых примет у него не было.

Мне было достаточно и этого. Я крепко сжала мешок. Потом быстро вытряхнула из него жемчужину, швырнув как можно дальше.

— Никогда!

Перепуганные голуби слетели с карнизов. Ким со спокойным выражением лица следил за моими странными действиями. Он ничего не спросил. Раздался бой часов. Люди на площади замерли. Когда часы пробили двенадцать, раздались радостные крики. Заиграла музыка. Мы сидели и молчали.

— Ким, как ты думаешь, что нас ждет в этом году? — первой нарушив молчание, спросила я.

— Не знаю. Я не умею предсказывать будущее.

Глаза его равнодушно скользили по верх людской толпы.

— Я думаю, — резко вставая, заговорила я, — все в наших руках!

Ким посмотрел на мою величественную фигуру.

— Возможно, ты и права. Не упади.

— За прошлый год работы в Отделе столько всего произошло. Я узнала много нового, много чему научилась, много чего добилась. И этот год, я думаю, он будет еще интересней! И все будет зависеть от нас!

— Или от начальства, — внес свой скептицизм парень. — Ладно, пойдем поедим, что ли. Я с утра ничего не ел, а ты всегда голодная. Отведешь нас в одно из твоих любимых мест.

Я долго и внимательно смотрела на Кима. Снег хлопьями налипал на его растрепанные волосы, свежеподаренный шарф.

— А я тут такое местечко знаю! Там такая отбивная! — внезапно вымолвила я, раздвигая руки показывая ее размеры.

От резких движений я чуть не слетела с крыши. Ким поспешно ухватил меня за руку.

— Уговорила, идем к твоей отбивной. Только наливать тебе даже в честь Нового года не стоит. Дури своей хватает, — критически сказал напарник, таща меня за собой.

Высоко над людскими головами в безмятежном танце кружились снежинки. Они танцевали под свою неведомую мелодию. Опускались на улицу, крыши, плечи и головы. Покрывали все вокруг. словно вражеская армия захватывали город. Так четко, так быстро. Они таяли, погибая, и тут же ложились новые. Не продохнешь, когда идет метель. Не разомкнешь глаза. В эти зимние месяцы все принадлежало им.

Да, со временем все будет и в моих руках. Но пока в них вилка с сочным куском отбивной. Пожалуй, не так уж плохо для начала.

Отчет 4

Промысел

Авантюра — теоретически разработанный и практически реализованный обман.

Георгий Александров

— Зря вы приехали! Покуда вам жизнь дорога, лучше убирайтесь отсюда! Не хочу, чтобы на моей совести и ваша смерть была.

Ничего не скажешь, душевная приветственная речь. На дороге до Восьмерова озера (своим названием озеро было обязано форме восьмерки) у нас ушел день на поезде и полдня в повозке, а теперь, не успев понять, что от нас, собственно, хотели (заказ пришел довольно смутный, требовали гренадеров для разбирательств с некой проблемой), посылают назад. Мы с Кимом не спешили следовать совету.

Была весна. Деревья зеленели, цвела мать-и-мачеха. Точно маленькие солнца распускалась она на земле. Животные вылезали из нор, недовольно осматривая произошедшие за зиму изменения. Летали редкие бабочки. Темная вода озера приветливо искрилась на солнце. Легкие волны выбрасывали на песочный берег опавшие ветки и прочий мусор. Трудно понять, что так напугало мужчину, стоявшего перед нами.

— Мы много времени потратили на дорогу. Уходить, не разобравшись с делом, глупо, — устало начал объяснять Ким мужчине. — Да и вам придется платить неустойку, — цинично добавил он.

— Что там деньги?! Нужно отсюда ноги делать, пока шкура цела!

Теплая погодка действовала успокаивающе, но мне надоело слышать ни к чему не приводящие речи.

— Вы лучше, дяденька, скажите, в чем дело. А мы сами посмотрим, куда нам податься.

Мужчина обреченно махнул рукой — что с вас взять.

— Меня зовут Клемент, я хозяин небольшой охотничьей гостиницы «Сохатый», на том острове, — указав себе за спину на один из двух островов посреди озера, заговорил Клемент. — Гостиница пусть и маленькая, но пользуется спросом, особенно с наступлением теплых месяцев. Сюда приезжают городские жители отдохнуть, полюбоваться природой, поохотиться и порыбачить. И все шло прекрасно не один год. Но примерно месяц назад начались неприятности. На озере стали твориться странные вещи. За это время у меня бесследно пропали два постояльца! Ну куда они могли деться с острова, окруженного со всех сторон водой?! Их явно сожрало чудовище, живущее в нем! В самой гостинице тоже творится черт знает что! Постояльцам то и дело грозит какая-то опасность. Все рушится и валится. Одного чуть деревом не пришибло. Оно, правда, было ветхое, но могло же еще и сто лет простоять! У другого ни с того ни с сего лодка прямо посередине озера течь дала, а он плавать не умеет. Хорошо, рыбаки мимо проплывали, спасли. Лодки, бывает, дают течь. Не редкость. Только тем утром я ее сам проверял, и она была в порядке! Потом в подвале внезапно взорвались все банки с огурцами, еле отмыли (до сих пор воняет маринадом). Одна женщина чуть не угодила в волчью яму, невесть откуда взявшуюся. А волков у нас в помине нет. Они бы там все с голоду подошли. Ну и прочие мелкие недоразумения. Днем на самом

озере еще тихо, спокойно. А ночью-то я за порог выходить боюсь! Воеет что-то. Да так, что у меня кровь стынет в жилах! Те, пропавшие, по ночам-то догулялись, и все с концами! Из-за этого проклятья у меня все дело рушится! Клиенты не приезжают, боятся, оно и понятно.

— Что еще за проклятье? — неожиданно спросил Ким, словно очнувшись ото сна.

— А как же без него? Тут за пару недель до случившегося какой-то странник пришел ко мне на остров и начал втолковывать, мол зря я здесь построился. Видите ли, какой-то там дух недоволен будет, и если я не уберусь, то проклятье его на меня падет. Разумеется, послал я этого колдуна куда подальше, несколько лет здесь живу, и никакое чудовище мне претензий не предъявляло. Видно, зря. Вот после этого все и началось.

— Интересно, — задумчиво протянул Ким, склонив голову. — В любом случае мы остаемся.

— Ну и оставайтесь, раз вам жизнь не мила! А я на остров, пока вы там порядок не наведете, ни ногой, — твердо сказал мужчина, показательно беря свои сумки. — Только теперь вы мои новые служащие.

— Чего?! — вскрикнули мы в один голос.

— А как же? У меня на днях вся прислуга уволилась, пятеро постояльцев осталось. Больные, видно, на голову люди. Должен же кто-то о них заботиться. Будете уборщиками и поварами, ну и так, за порядком смотреть.

— А своей работой мы когда будем заниматься? — возмутилась я.

— Как с общественной справитесь! Форма висит в шкафу за стойкой, и список дел там же валяется. Лодок всего три. Вот одна из них, на ней и доберетесь. Ну, думаю, разберетесь. Удачи! — радостно пожелал нам мужчина, поспешно удаляясь с глаз подальше.

Мы с Кимом остались стоять возле печально колыхающейся на воде лодки.

— Мы на лодочке катались — золотисто-золотой! Не гребли, а...

— Акира?

— А?

— Я лично не имею ничего против народного фольклора, но только не в твоём исполнении. Не могла бы ты прекратить выступление, как бы местные чудовища не решились тебе подпеть, — попросил меня Ким, неожиданно прекращая грести.

Привыкшая к обыденной критике напарника, я не стала обижаться.

— Ты не устал? Хочешь, я погребу? И вообще с чего вдруг ты решил сесть на весла. Ты и физическая работа — две несовместимые вещи. И вдруг сам вызвался! Да и я бы нас раза в два быстрее довезла!

— Ты права. Физическая работа не по моей части, но я исходил из умственных соображений, — изрек парень, отстегивая от пояса поводок и убирая его в сумку.

Удивившись его действиям, я решила снять ошейник.

— И в чем же они заключаются?

— В гостинице мы будем работать в качестве персонала, и лучше постояльцам пока не знать, что мы гренадеры. Тебе понадобится платок, — заметил Ким, указывая на белую, незагоревшую полоску, оставшуюся от ошейника.

Я поспешно застегнула куртку, пряча шею.

— А при чем здесь весла?

— При том. Девушка, которая гребет, в то время как рядом с ней находится кто-то противоположного пола выглядит довольно странно. В особенности если она гребет со

скоростью маслобойщика.

— Ну, это смотря какой парень.

— И смотря какая девушка.

— Ладно. Но с чего ты решил вести тайную деятельность? Чтобы чудовище не догадалось? — шепотом спросила я.

— У меня есть несколько вариантов насчет происхождения этой твари и самого проклятья. В первую очередь меня беспокоят несчастные случаи. Слишком они подозрительны. Но сначала мы должны увидеть происходящее своими глазами. Там и решим, как поступить. И будет лучше не напрягать постояльцев появлением гренадеров. Неизвестно, как они отреагируют на наше участие в деле. А парочка новых работников не должна вызывать подозрений.

— Ага, парочка ненормальных работников, спешащих в злосчастную гостиницу, откуда все порядочные люди давно сделали ноги, совсем не подозрительна!

— Хочу напомнить, нам платят. А вот пятеро оставшихся самоубийц сидят там за свой счет. Так что кто тут более ненормальный, надо подумать.

Причалив к берегу, мы привязали лодку и направились по протоптанной тропинке к дому. Гостиница «Сохатый» оказалась двухэтажным бревенчатым срубом. Над крыльцом на цепях висела деревянная табличка с выжженным названием гостиницы, увенчанная лосиными рогами. Войдя внутрь, мы очутились в просторном предбаннике. Побросав на скамейку свои походные рюкзаки, я заметила висевшие на крючках две мужские куртки.

Пройдя к стойке, Ким начал разбираться с лежащими на ней бумагами. Я решила заглянуть в шкаф, в котором должна была находиться униформа. Она там и находилась. Как раз мужской и женский костюмы. Достав их из шкафа, я скептически осмотрела.

— Надеюсь, они будут нам по размеру. Ты что-нибудь нашел? — спросила я, смотря, как парень откладывает в сторону бумаги.

— Нет, обычная макулатура. Счета, подписки, увольнительные, инструкции. А это тебе должно быть интересно, — протягивая мне тонкую книжку, ответил он.

— Что это?

— Меню.

— Смеешься? Я умею готовить, но только простые блюда. Если, конечно, хочешь, чтобы они были съедобными, — предупредила я, изучая книжку.

Посмотрим: «Завтрак — каша, обед — суп или др., ужин — любое мясо». Справлюсь.

— Я думаю, травля посетителей разнообразит список несчастных случаев. Но, пожалуй, с этим не стоит торопиться, — серьезно решил напарник. — В гостинице всего восемь комнат. Пять заняты и три свободны. Можем занять любые оставшиеся. Ты какую хочешь: «Клен», «Березу» или «Дуб»? — разбирая ключи с деревянными брелоками в форме листьев, спросил он.

— Чур мне «Клен»! У него листья осенью красивые, — хватая ключ, отозвалась я. — А в «Дубе» сам живи. Название как раз для тех, кто хочет оно дать.

— Спасибо. Я пока не собираюсь, — решил Ким, на всякий случай беря ключ от «Березы».

Порешили для начала расположиться в своих комнатах и переодеться, а потом заняться «рабочими» обязанностями. Поднимаясь по лестнице в жилой отдел гостиницы, я с интересом рассматривала убранства охотничьего домика. Картины, изображающие сцены охоты, удочки, ружья, трофейные чучела рыб и черно-белые фотографии бородатых мужчин

в клетчатых шапочках украшали стены. Второй этаж состоял из длинного коридора, утыканного с двух сторон дверьми номеров. На дверях висели большие копии миниатюрных ключных брелоков.

Наши с Кимом номера оказались друг напротив друга. Открыв дверь, я вошла в маленькую, но уютно обставленную комнатку. Убранство состояло из двуспальной кровати на кривых ножках, прикроватной тумбочки со стоящей на ней лампой, шкафа и пары столиков, на которые можно было разместить различные вещи. Простенько, но со вкусом. На одной из стен висела голова лося. Интересно, такая в каждой комнате висит? Если да, тогда у местной популяции явная нехватка голов. Стряхнув пыль с чучела, я повесила ему на рога рюкзак. Разувшись, я с благодушным вздохом плюхнулась на кровать. Удобно. Потягивание всех четырех конечностей сопровождалось пугающим треском. Эх, как лениво вставать! Но надо. Подняв свое брненное тело в вертикальное положение, я решила переодеться. Посмотрим, что у нас за форма. Пышная юбка коричневого цвета с белой рюшей и полосатым бантом на поясе, простая льняная рубашка с коротким рукавом и корсет. И вот с корсетом у меня как раз возникли трудности. Размерчик, прямо-таки сказать, был не мой. Шнуровка никак не хотела сходиться. Мне повезло, в этом фасоне она находилась спереди. А если бы сзади?! Смирившись с мыслью завязать ее до конца, я решила, и так сойдет для сельской местности. Что у нас осталось? Хм, непонятно, к какому месту шелковая синяя лента. Ну и куда ее? Ладно, прикрою полоску на шее.

Как только я закончила поправлять новоприобретенный наряд и думать, как в нем, собственно говоря, работать, раздался стук в дверь.

— Кто там? — невинно поинтересовалась я, прикидывая расстояние для внезапного удара. На случай, если он, конечно, понадобится.

— Я, — лаконично ответили за дверью.

— Кто «я»?

— Ты — тугодумка, а я — несчастная жертва сурового распределения, обреченный на работу с тобой.

От такого наглого заявления я быстро распахнула дверь. Разумеется, трогательные речи принадлежали Киму.

— Это кто тут несчастный и обреченный?! А как насчет меня?! Мне достался циничный, холодный и острый на слова тип! Вдобавок еще и чахоточный! Плюнуть страшно.

— А ты не плюй, — посоветовал парень, закрывая за собой дверь.

Насупившись, я стала разглядывать униформу напарника. Она была весьма проста: коричневая рубашка с воротом под горло и кожаными вставками на локтях да брюки. «Везет же некоторым», — с завистью подумала я. Ему в корсет впихиваться не надо. Ким тем временем изучал меня.

— Чего-то не хватает... — задумчиво изрек он после осмотра. — А, понял. Вот, ты забыла, — парень протянул мне белый фартук.

Я, возмущенно пыхтя, повязала его. Ну, все.

— Я в таком виде отказываюсь выходить на люди! — протестующе взвыла я.

Я понимаю, работа и все такое, но всему есть предел! Корсет ужасно жмет, не продохнуть, а с такой шуршащей юбкой вообще непонятно, как можно вести тайное наблюдение! Хорошо хоть чепчик не выдали!

— Не получится. Именно тебе придется общаться с постояльцами. Я пойду осмотрю окрестности вокруг гостиницы, а ты познакомься с жильцами и попытайся у них выяснить,

что здесь происходит.

— Почему я? Давай лучше я по лесу погуляю, а ты поспрашиваешь?

— Во-первых, я иду не гулять, во-вторых, я скорее, чем ты, замечу что-либо странное, и, в-третьих, для общения с народом ты подходишь больше.

— Почему это?

— Посмотри на меня, — вздохнув, попросил Ким.

Я посмотрела. Бледное лицо, уставшие глаза с синяками и равнодушно-кислое выражение мины. М-да, в самый раз для разговоров на загробную тему. Убедившись в остывшем энтузиазме на бунт, друг продолжил:

— Теперь поняла, почему в моем случае задушевные беседы не вести? Я к ним не располагаю. А ты — другое дело. Дружелюбная и любопытная служанка не вызовет подозрений. Постарайся втереться в доверие. Думаю, у тебя получится, — обнадежил Ким, с опаской косясь на потрескивающую шнуровку.

Я поспешила ее немного ослабить. Трещать перестало. Подумав, я стянула с пальца подаренное напарником кольцо и положила в карман рюкзака. Здесь оно не к месту. Выйдя в коридор, мы прошли мимо дверей, на одной из них висела табличка с надписью «*Не беспокоить*». Не очень-то и хотелось. Мне скоро убирать комнаты, и у меня на поясе висит связка всех ключей, не спрячешься, ха-ха.

Оказавшись внизу, Ким, как и обещал, отправился на улицу. Я решила осмотреть общую комнату. Интерьер был таким же, как и во всем доме. Множество картин и фотографий, самодельная деревянная мебель, чучела разнообразных животных, один книжный стеллаж и огромный камин, напротив которого расположилась пара кресел и диван. В таком камине можно целого кабана запечь! Я почувствовала, как у меня начинается обильное слюновыделение от представления крутящегося на вертеле кабанчика. Я даже запах жареного мяса почувствовала. Так, все! Надо взять себя в руки. Я на работе. Пройдя дальше в комнату, я заметила сидящего возле окна мужчину, который читал книгу. Склонив голову, я прочла название: «Рыболовство: как это делается».

— Ну и как это делается? — заинтересованно спросила я.

Мужчина поднял глаза — лет сорока, уса́тый, с седеющими волосами. Проследив мой взгляд, он усмехнулся.

— Я пока сам не до конца понял. А вы, судя по форме, новая служанка? — изучая меня, спросил он. Я кивнула. — Смелая вы девушка! Здесь такие вещи происходят!

— Вам тоже в храбрости не откажешь, раз все еще здесь живете. А что за вещи такие?

— Как?! Вам не рассказали?

— Рассказывали, что по ночам кто-то воет, но и от волков столько же шума бывает, — небрежно отмахнулась я.

— Это не волки. Да на острове их и нет. Это нечто другое, и звук как будто из воды исходит, — зловеще проговорил мужчина.

— И вам не страшно? — недоверчиво спросила я.

— А чего бояться? Такое только по ночам творится. Ночью я сплю, мне все равно. А днем здесь тишь, красота! — уже веселым тоном добавил он.

— Мне говорили, одного постояльца чуть деревом не убило, а у другого лодка прохудилась. И все днем было.

— Обычное невезение! — махнул рукой рыболов. — Дерево старое было, а лодка и в любое другое время течь могла дать. Между прочим, со мной за всю неделю ничего плохого

не случилось, жить можно! — преувеличенно бодро заключил он.

Станный человек. Сначала удивляется тому, как у меня хватило духу устроиться сюда работать, а потом нарочито радостно заявляет, что все это «семечки»! Семечки. Я завтракала четыре часа назад. Все! Я начала быстро мотать головой из стороны в сторону, пытаюсь вытряхнуть навязчивые голодные мысли. Мужчина удивленно посмотрел на мои действия.

— А меня Акирой зовут, — успокоившись, улыбнулась я, протянув руку.

Рыболов радостно ее пожал.

— Интересное у вас имя. Какое-то восточное. Но вы похожи на уроженку этих мест. Я Фросий Бритвар.

— Это от бритвы?

— Мой прадедушка был брадобреем. Так что я не исключаю такой возможности, — рассмеялся усач.

Да, его усам бритва не помешала бы. Не люблю растительность на лице. В ней часте застревают еда, а такого перевода продуктов я не могла пережить.

— Простите, я только приехала, вы не подскажете, кто еще проживает в «Сохатом»? — решив исполнить роль любопытной служанки, спросила я.

— Конечно! Тут не так много людей, вы легко всех запомните. Один хмурый и здоровый мужчина — это охотник; кажется, сейчас он отдыхает в своей комнате. Потом один молодой человек, он любит наблюдать за птицами и часто пропадает в лесу, из-за чего у него нередко происходят стычки с охотником. Понимаете, у них разные взгляды на жизнь. Они оба любят животных, но один предпочитает их в жареном виде под соусом. Вот и проблема, да. Потом в гостинице проживают две дамы. Одна не старше вас — музыкантша, постоянно носит с собой контрабас, как у нее только руки не устают? А вторая уже в возрасте, и, судя по всему, она принадлежит к людям «высокого искусства». Любит поэмы и любовную лирику. Лично я не понимаю, что их привело на этот остров. Но кто знает? — пожал плечами Фросий.

Понятно, следует поглядеть на этих сожителей.

— Спасибо, приятно было с вами поговорить. Мне пора приступать к своим обязанностям, — поклонившись, поблагодарила я.

— Всегда пожалуйста! А что у нас сегодня на ужин? — задал весьма щекотливый вопрос мужчина.

Не напоминайте мне о еде!

— Что-то под маринадом, — туманно ответила я, выходя из комнаты.

Чтобы приготовить «что-то под маринадом», надо сначала найти это «что-то». Я отправилась на поиски. Заглянув на кухню, я отыскала мешки с овощами, все возможные крупы и прочие съестные запасы, больше подходящие для гарнира, чем на роль главного блюда. А как у нас обстоят дела с мясом? С мясом было грустно. Меня не радовала мысль ужинать тушеной морковкой с картошкой. Я, несомненно, всеядная и вечно голодная, но всему есть предел. Пошарив по всем полкам, я заглянула в холодильный шкаф. Для полного антуража там не хватало повешенной мыши. Ничего, еще чуть-чуть, и я займу ее место. Как тут люди выживают без еды? В расстроенных чувствах, но греясь последней надеждой, я дернула люк, ведущий в погреб. Темновато. Включив свет, я начала спускаться вниз. Погреб был заставлен стеллажами с бутылками вина и пива. Нет, ну что за жизнь?! Выпить есть, а закусить? Закусь где, я вас спрашиваю? Обведя стеллажи мрачным взглядом, у меня

родилось дикое желание напиться с горя. Проблема в одном — я не особо любила спиртное. И если уж приходилось пить эту гадость, то остановиться мне было трудно (гулять так гулять). Тяжело вздохнув, я присела на бочку позади себя. Минутку. Что еще за бочка? Вскочив, я резким движением сдернула крышку. Повеяло маринадом.

— Лучшая рыба — это колбаса. Но за неимением колбасы селедка может именоваться лучшей.

Когда я закончила перетаскивать мешок с картошкой, мне понадобилась вода. Я прошлась по кухне. Воды, пригодной для готовки, не оказалось. Та, что лилась из крана, меня не устроила из-за насыщенного цвета ржавчины. «На улице должен быть колодец», — подумала я, беря ведро. Колодец я нашла быстро, и, к счастью, вода в нем оказалась намного чище. Собираясь повернуть назад, я неожиданно услышала звуки музыки. Классическая музыка вызвала во мне смешанные чувства, нечто среднее между отчаянием и рвотным рефлексом (не судите строго, у меня есть на то причины). Но мне стало интересно. Поставив ведро, я направилась на доносящиеся из леса звуки.

Тропинка вскоре вывела меня на небольшую полянку. Поляна была вся в зелени, и на ней россыпью сухого гороха цвели желтоватые морозники, перемешивающиеся с кровавыми пятнами неизвестных мне цветов. Но самое завораживающее было не в цветах, а в девушке, играющей на контрабасе. Она играла сидя на пне, в шелковом изумрудном платье, с колыхающимся на ветру водопадом медных волос. Играла на инструменте, который был почти с нее ростом. Мне тут же вспомнились слова рыболова о том, что она таскает его повсюду. И откуда силы в столь хрупком теле? Изящные пальцы перебирали струны, смычок двигался плавными и точными движениями. Тонкие черты лица девушки были расслаблены, но в глазах виднелось полное сосредоточение. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь кроны деревьев, блестели на лаковой поверхности контрабаса. Музыка растекалась по всему лесу, создавая спокойную и умиротворенную атмосферу. Меня даже не сильно подташнивало. Но я выдала себя с потрохами, наступив на сухую ветку. Раздался треск. Струны пронзительно взвыли. Девушка вздрогнула так, словно ее неожиданно встряхнули за плечи, выдернув из крепкого сна. Она бросила на меня отнюдь не ласковый взгляд.

— Кто вы? — звонким голосом спросила она.

— Здравствуйте, меня зовут Акира. Я новая служанка, — глупо указывая на фартук, ответила я.

Музыкантша обвела меня высокомерным взглядом с ног до головы. Мне сразу захотелось провалиться сквозь землю.

— Понятно, — медленно протянула она, кладя контрабас в футляр. — Значит, в дурдоме прибыло. А я надеялась, мне удастся уединиться. Не судьба. Прошу не беспокоить меня по пустякам и очень аккуратно убираться в моей комнате. АККУРАТНО. Надеюсь, вы меня поняли? — поравнявшись со мной, спросила девушка.

— Разумеется, госпожа. Все будет в лучшем виде! А как вас зовут? — запоздало спохватилась я.

— Гортензия, — не оборачиваясь, ответила она.

Любопытно, всех рыжих и кудрявых называют цветочными именами? И у всех них такой гадкий характер?

Странное расписание в «Сохатом»: завтрак в девять, обед в час, а ужин аж в семь! До ужина времени много, но стоит поторопиться. Интересно, где шляется Ким? Хочется верить,

он и правда занимается делами, а не дрыхнет где-нибудь в кустах. С него станется.

Поглощенная мыслями, я вышла к парадному входу в гостиницу. Блин, ведро у меня стоит возле черного! Придется обходить. Я готова была направить свои стопы за угол, но заметила на причале лежащую фигуру. Подумав, решила пообщаться и с ней. До ужина я сегодня точно не доберусь.

На деревянных мостках лежала дама лет шестидесяти. Весьма помпезного вида. В серебристом купальнике, с накинутой на плечи цветастой шалью и непонятным абажуром на голове. Между пальцами у нее была зажата тонкая сигарета. Заметив меня, она театрально закатила глаза и произнесла речь:

— Дитя! Ты только посмотри, какой чудесный вид! Словно раскаленное золото зеркальная гладь воды трепещет в объятиях бархатного ветра! Диск солнца скрывается за горизонтом, как блудная девушка, возвращающаяся, домой после свидания с возлюбленным! Вы не находите это чудесным? — спросила она меня, окидывая рукой заход солнца на озере.

Я не сразу нашлась что ответить. Мозг закипел. Наконец я сообразила, о чем речь.

— Нахожу. Это очень красиво!

Дама осталась довольной. Видимо, ей польстил произведенный на меня эффект.

— Вы, должно быть, новая служащая? — смотря на меня более дружелюбным взглядом, чем музыкантша, спросила она.

— Да. Я и мой друг устроились сюда на работу.

— Молодой человек? Он ваш парень?

— Нет же. Друг. Просто друг, — удивилась и смутилась я.

— Просто друзей противоположного пола не бывает, моя дорогая. Вы так молоды. Сейчас он друг, а вот потом... — многообещающе протянула она.

Представить это «потом» я при всем желании не смогла. Я знала Кима второй год. С этим человеком я проводила больше всего времени, да и то только благодаря работе. Не спорю, для меня он не просто друг. Он первый человек, пробивший мою стену. Стену, которую я когда-то считала неприступной, но она оказалась сплошь пронизана дырами. Именно Ким указал мне на них. Глупо иметь такую защиту. И я от нее избавилась. Он помог. Ким всегда мне помогал. Но представить его чьим-нибудь парнем выше сил моего воображения! Если не обращать внимания на синяки под глазами и неизменно утомленный вид, его можно считать симпатичным, но характер! Характер ничем не сгладить.

Вероятно, на моем лице живописно выразились все сомнения. Дама улыбнулась.

— Неужели все так плохо?

— Нет, что вы. Ким хороший друг, но парень — эта роль совсем не для него. Когда увидите, сами поймете.

— Понятно. Но под ласковой, заботливой женской рукой любой мужчина откроет свои лучшие стороны, — выпуская дым, проговорила женщина.

Я невольно посмотрела на свои руки. Бесспорно женственные, тонкие. Потом вспомнила, как недавно «ласковым» рукопожатием сломала одному верзиле четыре пальца и вывихнула плечо. Но он сам виноват. Как можно в пьяном виде так настойчиво приглашать девушку потанцевать, когда она не доела свой десерт? Никакого воспитания. Да, бедный Ким. Лучше ему смириться со своими худшими сторонами, чем я помогу ему открыть лучшие.

— Как вас зовут, дитя?

— Акира. А вас?

— Луиза Гренколив.

— От гренок? — с надеждой спросила я.

— Как можно! От знатного и многовекового рода Гренколив. Фамилия не склоняется, — пояснила высокочтимая дама.

Я разочарованно отвернулась. Знаем мы этих знатных. От гренок больше пользы. Ой, мой ужин!

— Извините, но мне нужно готовить ужин.

— Разумеется, дитя мое. Лети же навстречу со сковородками и кастрюлями! И пусть огонь плиты освещает тебе дорогу в этом нелегком деле!

Дожили.

— Чем это пахнет? — спросил Ким, заходя на кухню.

— Афтофкой.

— Знаешь, ты должна готовить еду, а не есть ее.

— Я не ем! Я снимаю пробу.

— И сколько картошек вошло в пробу? — с опаской спросил парень, заглядывая мне через плечо.

— Три штуки, — смущенно ответила я.

— Значит, я пришел вовремя.

— Еще как! Вот, держи, — протягивая напарнику миску картошки и толкушку, сказала я. — Кувшин молока на столе позади тебя, масло в холодильном шкафу.

— Это еще зачем?

— Как зачем? Ты же умный! Знаешь, как готовить пюре?

— Знаю, — обреченно кивнул парень. — А может, пусть будет просто вареная картошка?

— Нет. Селедка с пюре естся лучше, — наставительно объяснила я.

— У нас на ужин селедка?

— Можешь предложить другое? Эта гостиница действительно проклята! В ней нет никакой нормальной еды! Хорошо, бочку селедки отыскала. Завтра нужно сплавить на «большую землю» и купить в ближайшем поселке мясо. Не знаю, как постояльцы, но я точно завую от одной картошки! Слушай, а может, в этом весь секрет? Постояльцы звереют от неполноценного питания?

— Сомневаюсь, но прибережем твою версию на крайний случай, — ответил парень, критически разглядывая налипшую к толкушке картошку. — Ты в нее клей добавила?

— Нет, это от крахмала. Этим картофелем можно отлично отбеливать простыни!

— А также заклеивать щели. Что еще в меню?

— Компот. Нашла в закромах мешок сушеных яблок. Только он должен настояться, но с голодухи сойдет, — ответила я, отхлебывая питье из половника. — Ким?

— Что? — отстраненно отозвался напарник, активно тряся толкушку.

Пюре доблестно держалось.

— Чем ты занимался сегодня целый день?

— Шлялся по острову.

— И?

— Что «и»?

— Что-нибудь обнаружил?

— В целом, ничего. Правда, кое-что меня заинтересовало. Мне понадобится твоя

помощь. Упс...

Я обернулась. Парень стоял запрокинув голову кверху. Я последовала его примеру. На потолке живописной кляксой приклеилось желтоватое пятно недодавленной картошки.

— Ночью выйдем на разведку.

— Ночью?

— А когда? Днем, как и говорил Клемент, все тихо. Выть начинает с темнотой. Посмотрим, кому там не спится. Я исполосовал добрую половину острова вдоль и поперек, пусть и хуже, но в темноте смогу сориентироваться. Где здесь вилки? — оглядываясь, неожиданно спросил Ким.

— Тебе зачем? — раскладывая селедки по тарелкам, поинтересовалась я.

— Есть жутко хочется. От клея... в смысле пюре я воздержусь, а селедку, пожалуй, съем.

— Тем более зачем тебе вилка?

— Предлагаешь есть руками?

— Эх, мой милый и недалекий друг. Сейчас я покажу тебе, как правильно нужно есть правильную селедку, — доставая одну рыбу, начала рассказывать я. — Вот, это правильная селедка. У нее нет головы, и из нее вытащены все кости. Даже самые мелкие. Берем селедку за хвост, запрокидываем голову, открываем рот и отпускаем. М-м-м-м, — я проглотила рыбу целиком. — Вот так! Готов попробовать? Эй, Ким, рот ты открыл правильно, но нужно запрокинуть голову, и где же сама селедка?

Парень подобрал челюсть.

— Знаешь, Акира, я все-таки выдам постояльцам столовые приборы. Думаю, тут нет таких утонченных гурманов, как ты. Скорее всего они привыкли есть селедку неправильным способом.

— Значит, их нужно научить! — с готовностью отозвалась я.

— Им уже поздно учиться. Да и мне тоже, — заключил Ким, как-то странно смотря на рыбу. — Что ты узнала от постояльцев?

— Да ничего интересного. Но если хочешь, сейчас расскажу.

Картофельная лепешка со шлепком упала между нами. Мы уставились на пол. Ужин сулит быть многообещающим. Если жильцы решатся к нему притронуться.

Стук в дверь бесцеремонно вырвал меня из сладких объятий Морфея. Я недовольно перевернулась на другой бок. Знала же, что придется вставать, решила просто полежать. Полежала. Отрубилась. Да не стучи ты! Я уже встаю. Встаю. Точнее, сползаю, сползаю. Сползла. Доползла. Повернула ключ.

Удивленно приподняв одну бровь, Ким критически посмотрел на мою взлохмаченную фигуру, сидящую на полу и обнимающую дверную ручку.

— Это что?

— Это сонная Акирочка-а-а, — зевнув, ответила я.

Друг сам выглядел не лучше. Глаза так и норовили сомкнуться. Ким посекундно смаргивал, вытирая проступающие от зевоты слезы. Пусть времени было всего двенадцать часов ночи, а не пять утра, особой разницы мы не ощущали. Накопившаяся за день усталость беззастенчиво давала о себе знать. Приготовление ужина, затем долгое и терпеливое выслушивание язвительных придилок Гортензии (не нравится — готовьте сами!), поэтических размышлений мадам Гренколив о тяжелой судьбе выпотрошенной селедки и

поддерживающих речей рыболова, который умял все за милую душу, выжали все соки и вынесли все нервы. Кажется, меланхоличное создание, сидящее на краю стола, был любитель птиц. Но мне с ним заговорить не удалось. Размазав ужин по тарелке, он быстро удалился к себе в номер. Охотник так и не вышел. У меня появились сомнения насчет того, жив ли он, но издаваемый из-за двери храп быстро их развеял. Далее была самоотверженная мойка посуды. Вопрос стоял ребром: либо Ким — тарелки с налипшим мертвой хваткой «клеем», либо они его. После двух часов борьбы победили тарелки. Но я отомстила за проигрыш друга. Поскользнувшись на мокром полу, я их разбила. Здравомысленно рассудив, что посуда бьется к счастью, мы разошлись в свои комнаты, договорившись отправиться на разведку в двенадцать часов. И вот настали эти роковые часы.

— Подымай свое брэнное тело. Нам пора выходить, — скомандовал напарник, прикрывая рот от ответного зевка.

— Ким, а может, ну его, это чудовище? Поставим капкан под дверь, и все дела?

Чудовищ я не особо боялась (правда, смотря каких), но уж очень не хотелось выходить из теплой комнаты в холодную ночь на поиски непонятно кого.

— Хорошая идея, но, насколько я помню, чудовище у нас обитает в воде. Туда ты тоже предлагаешь капкан закинуть?

— А вдруг у него и ноги имеются? Эдакий универсальный зверь. Ну, или давай в воду динамит кинем. Заодно и рыбу наловим, — деловито предложила я.

— У тебя он есть?

— Кто?

— Динамит.

— Нет, — обреченно призналась я.

— У меня тоже. Значит, идем.

Я обреченно вздохнула.

Выйдя на улицу, мы оба поневоле вздрогнули. От воды ощутимо тянуло холодом. Ким застегнул куртку, а я лишь энергично потерла себе руки. Находясь в сонном состоянии, я забыла надеть куртку. Возвращаться в дом не хотелось. Мало ли кому из постояльцев не спится? Потом объясняй, чего нам на ночь глядя приспичило свежим воздухом подышать. Насчет холода я особо не переживала. Кровь у меня горячая, моча тоже, быстро согреюсь. Ким беззвучным шагом направился к тропинке, ведущей в лес. Я за ним.

— Ты не могла бы шуршать потише? При нашем приближении все монстры разбегутся.

— Я стараюсь. Но эта несчастная юбка отказывается издавать меньше шума, — проскрипела я зубами, задирая предмет одежды выше колен.

— Так сними ее, — серьезно посоветовал парень.

— Снять?

— Боишься замерзнуть?

— Нет, просто... Ладно, я сниму.

В конце концов, кто меня будет ночью без юбки разглядывать? Кима я не стеснялась, ему доводилось меня и не только без юбки видеть. Избавившись от шумного предмета туалета и повесив ее на ближайший сук (главное, не забыть на обратном пути), я радостно сообщила напарнику:

— Я готова! — Ким обернулся, его глаза удивленно округлились. — Что-то не так? — обеспокоенно поинтересовалась я.

— Ты в панталонах?

— Они прилагались к форме, — смущенно призналась я.

— Ладно, пошли, — поспешно отворачиваясь, велел он.

Я послушно поплелась следом.

Вскоре вокруг нас начал образовываться туман. Чем дальше мы шли, тем гуще он становился. Ким замер.

— Так не пойдет, — неизвестно кому сказал он. — Разворачиваемся.

— Дальше не идем?

— Как ты себе это представляешь? — ответил вопросом на вопрос Ким, указывая на туман, сравнимый по своей густоте со сметаной.

И чего выбирались из постели?

— Ким, а в чем я должна была тебе помочь? — вспомнив разговор на кухне, решила полюбопытствовать я.

— Уже неважно, — отмахнулся он, — мы все равно не дошли. Днем сходим.

Днем так днем. Я потянулась. Сейчас в кроватку. А завтра вставать в семь часов утра и готовить завтрак. Ужас. Внезапно со стороны озера раздался вой. Весьма характерный вой, щекочущий нервы. Вот тебе и симфония ужаса. Мы с Кимом застыли, прислушавшись.

— Это оно? — настороженно спросила я.

— Скорей всего. У нас вроде был один кандидат.

— Давай посмотрим! — оживилась я, рванув вперед.

Ким еле успел схватить меня за воротник. Раздался треск.

— Куда ты несешься сломя голову? Если хочешь покончить жизнь самоубийством, то предварительно бы помазалась мясным соусом, — остудил мой пыл напарник.

— А откуда ты знаешь, что оно именно мясом питается? Может, кровь пьет или душу высасывает?

— Трупы тех двоих не нашли, — коротко ответил он.

Я успокоилась. Мило, ничего не скажешь.

— Что предлагаешь?

— Разделимся. Я подойду к озеру со стороны дома, а ты через лес.

— А если воеет вообще с другого конца острова?

— Нет, с этого, — прислушавшись, заключил парень.

— Ким, а ты уверен? — забеспокоившись, спросила я.

— У меня абсолютный слух.

— У меня тоже! Я не про это! Я про то, что нужно разделиться. А вдруг оно тебя...

— Не волнуйся. Скорее всего, оно съест тебя, — утешил меня парень.

— Почему? — удивилась я.

— Ты поаппетитнее будешь, — подметил худощавый напарник, направляясь к гостинице.

А я пошла продираться сквозь кусты, так и не поняв, был ли это комплимент или повод для драки.

Пока я доколыпала до берега, выть перестало. Вода была спокойной. Серебряные лучи луны скользили по ее поверхности. «Интересно, как поэтично выразилась бы об этом Гренка?», — улыбнувшись, подумала я. И тут наши глаза встретились: мои карие и его светящиеся желтые, с раскосыми зрачками, как у козы. Каждый глаз был размером с арбуз. Соревнование «кто кого переглядит» продолжалось полминуты. Потом желтоглазое

чудовище начало медленно плыть в мою сторону. Расценив поражение в размере глаз, я здраво рассудила, что и в другом уступаю.

— Извините, я, кажется, забыла погасить свет, — пробормотала я и дала деру.

Моему не очень героическому побегу помешали. Я во что-то впечаталась. Раздались весьма лестные слова в мой адрес.

— Ким! — радостно вскричала я. — Там это... глазища во... светятся... и ко мне буль-буль... схарчить хотело! — активно жестикулируя, пожаловалась я напарнику.

Ким встал, отряхивая штаны.

— Ты нормальным языком объяснить можешь, что у тебя «во»?

— Чудовище!

— Где? — встрепенулся парень.

— Там! — показала я рукой.

— Пошли, — таща меня, велел он.

Ну, чего нам не спалось?! Когда мы дошли, чудовища и след простыл.

— Может, оно в засаде сидит, — с опаской предположила я.

— Ну его, — махнул Ким. — Идем спать.

Ага, поспишь тут.

Пожелав друг другу спокойной ночи, мы разошлись по комнатам. Я погасила свет и, не раздеваясь, легла в кровать. Мне не спалось. Интересно, что это было за существо? Питается ли оно аппетитными девушками? Как оно съело тех несчастных? Выходит ли оно из воды? И, судя по глазам, какого оно вообще размера?! Мучая себя вопросами без ответов, я исползала всю постель. Прошел примерно час. Я перевернулась на другой бок и посмотрела в окно. Светило три луны. Одна белая, а две другие желтые с черными горизонтальными полосками.

— Здравствуйте, — кивнув головой, поздоровалась я.

Потом последовал крик и звук бьющегося стекла. Первым в комнату вбежал Ким. Оценив ситуацию, он вышел и закрыл за собой дверь. Послышался топот ног, возбужденные голоса. Потом спокойный баритон друга.

— Все хорошо. Не беспокойтесь. У нашей служанки от ветра в комнате разбилось окно. Ничего страшного. Она просто испугалась. Мы разберемся. Пожалуйста, идите в свои номера. Приносим извинение за доставленное беспокойство.

Недовольный гомон, звук удаляющихся шагов. Ким снова появился в моей комнате. Сложив руки на груди и облокотившись о дверь, он заговорил:

— Ну, а теперь расскажи мне, «какого» ты решила посреди ночи выкинуть из закрытого окна прикроватный столик?

— Там снова был он, — несчастным и виноватым голосом ответила я.

— Кто?

— Монстр!

Ким, аккуратно ступая по полу, обходя осколки стекла, подошел к проему от бывшего окна. Высунул голову.

— Надо будет все здесь утром осмотреть, — решил он. — Судя по тому, что я не вижу внизу никакого тела, ты его не нокаутировала.

— Жалко.

— Согласен.

— Ким?

— Что?

— А где мне теперь спать?

— Я сейчас принесу ключ от «Дуба».

— Я не хочу туда селиться.

— Ты права. Будет еще одно разбитое окно. Может, мы тебе сразу на мостках постелим?

— Ты злой! — обиделась я.

— Нет. Это чудовище злое, а я уставший, — зевая, поправил Ким. — Так тебе нести ключи?

— Неси, — обреченно кивнула я.

После того как Ким вышел из комнаты, раздался новый грохот. Рюкзак вместе с головой лося упал на пол. Теперь в комнате был действительно полный разгром.

— Что это? Блины? — заходя на кухню и разглядывая золотистую башенку, возвышающуюся на тарелке, спросил парень.

— Ага. Каша у меня не получилась. Решила обойтись блинами, — ответила я, отходя от сковородки.

— Тоже вариант. Но куда их так много? Думаешь, настолько постояльцы оголодали после вчерашнего ужина? — изучая метровую постройку, засомневался он.

— Это не им. Их порции я разложила по тарелкам, — объяснила я, указывая на рядком стоящие блюда.

— Тогда кому?

— Мне!

— Мог бы догадаться, — садясь за стол, протянул Ким. — И сколько ты готовила?

— Примерно три часа, — немного подумав, ответила я.

Ким посмотрел на часы, висящие над столом. Было восемь утра.

— Тебе не спалось?

— Поспишь тут, когда к тебе в окошко чудовища стучатся!

В «Дубе», на случай повторного визита, я забаррикадировала окно шкафом.

— Так открыла бы. Впустила, замотала в покрывало, и все, работа сделана, — невозмутимо предположил напарник, отщипывая кусочек от «башенки».

Я поспешно отодвинула свой завтрак от друга. Конструкция опасно зашаталась.

— В следующий раз, когда всякие плотоядные нелюди будут ночью стучаться мне в окно, я посоветую им сходить в соседнюю комнату. И посмотрю, как ты их будешь скручивать простыней!

— Ты же понимаешь, мои шансы скрутить какую-нибудь нелюдь минимальные. Разве только она не будет на последнем издыхании, — честно признался Ким. — Кстати, я осмотрел место ночной баталии.

— И как?

— Никак. Битое стекло, обломки стола и поломанные кусты. След обрывается рядом с водой. Отпечатков когтей на деревянной стене дома нет.

— А какие могли быть отпечатки когтей? Оно же вроде водоплавающее!

— Угу, водоплавающее. И умеет на плавниках или лапах взбираться по вертикальной стене, — скептически согласился парень.

— А может, оно летает?! Или такое огромное, что только голову к окну поднесло? — поделилась я своими фантастическими мыслями.

— Нет. Следов тогда было бы больше. Огромная туша не может передвигаться бесшумно и бесследно. А насчет полетов — это вряд ли, — подумав, протянул парень. — Меня завтраком кормить будут?

— Держи, — щедро кладя перед другом тарелку с тремя блинами, произнесла я. — Сметана в горшочке. Но пока ты не приступил к трапезе, не мог бы сходить в лес за моей юбкой? — смущенно попросила я, прикрывая фартуком панталоны.

Вчера я ее все-таки забыла. Ким усмехнулся и кинул мне сверток. Это оказалась моя юбка.

— В некоторых вещах ты бываешь весьма предсказуема, — обмазывая блин сметаной, проговорил он.

— Спасибо! — радостно поблагодарила я, пропуская мимо ушей последнюю фразу.

Ким лишь покачал головой.

— Я сегодня сплаваю на «большую землю», схожу в ближайший поселок, — после поедания блинов сообщил он.

Я подняла голову от своей тарелки. Блинная горка стала заметно ниже.

— Зафем?

— Хочу кое-что купить.

— Отлично! Купи заодно и несколько килограммов мяса, — оживилась я.

Ким поморщился, но кивнул.

— Лады, — он протянул руку.

— Чего? — недоуменно косясь на нее, спросила я.

— Дай свои деньги.

— А как же твои? — напряглась я.

— Не уверен, что хватит. Лучше возьму больше, чем потом придется возвращаться. Акира, не ломайся. Скажи, зачем тебе здесь деньги? — задал весьма интересный вопрос Ким.

— Кошелек в рюкзаке, — обреченно протянула я ключ.

— Спасибо, — поблагодарил он, вставая из-за стола.

— Постой! А когда же мы сходим туда, где ты обнаружил что-то интересное? Ночью, если опять будет туман, не получится, — вспоминая наше вчерашнее похождение, спросила я.

— Я не на целый день уезжаю. Вернусь — сходим.

— А если оно к тому времени исчезнет? Я теперь ни в чем не уверена.

— Тогда это будет еще интересней. И к одному из моих предположений добавится плюсики, — подозрительно ответил напарник, удаляясь с кухни.

«Что он задумал?» — через пару минут спросила я себя, смотря на исчезнувшую «башню». Секундочку, значит, мне придется одной убирать вчерашний погром, мыть посуду, наводить порядок в номерах и готовить обед?!

— Ким! А ну стой!!!

Напарник уже спокойно плыл в лодке. Быстро собирается, ничего не скажешь.

— А что, господин охотник так и не спустился к завтраку? — спросила я, убирая со стола грязную посуду.

Завтрак на постояльцев произвел куда большее впечатление, чем вчерашний ужин. Правда, госпожа Гортензия удостоила свой желудок лишь одним блином, а любитель птиц

со страдальческим вздохом отодвинул от себя тарелку и ушел гулять. Зато правнук брадобрея не постеснялся и в дополнение к своей порции съел еще и их, одарив меня кучей комплиментов за мой кулинарный талант. Я даже зарделась.

— Он просил отнести завтрак к нему в номер, — ответил Фросий, довольно поглаживая живот. — Акира, скажите, что случилось у вас вчера ночью?

— Ветер разбил окно. Я испугалась, — вспоминая вчерашнюю речь Кима, коротко ответила я.

— Правда? — усмехнулся мужчина. — Я плохо спал, и, как мне помнится, никакого ветра той ночью не было.

— Ладно! Ко мне в окно залезло ваше местное чудовище. Мы просто не хотели пугать постояльцев, — нехотя призналась я.

— Серьезно?! — удивленно спросил он, подскакивая с места. — Я надеюсь, с вами все в порядке?

— Да, все хорошо. — Тут уже я решила поинтересоваться: — Мне стало интересно, не могли бы вы рассказать, какие несчастные случаи случились с какими жильцами?

— Ну, — Фросий задумался, — молодой человек, кажется, чуть не утонул, даме повезло не угодить в волчью яму, а наш необщительный охотник сумел спастись от падающего дерева. Кажется, так.

— А какой промежуток времени был между происшествиями?

— Точно сказать не могу. Возможно, через день или два. Я не помню. Знаю лишь то, что все мы здесь живем вторую неделю. Знаете, вы задаете такие вопросы, прямо как детектив, — улыбнулся он.

— Что вы! Какой из меня детектив? Я вон как монстра испугалась! Просто любопытно. Ладно, пойду отнесу соне еду, — сказала я, прощаясь с рыболовом.

Поднявшись, я постучала в дверь «Ясеня».

— Тук-тук. Откройте дверь. Я принесла вам завтрак, — сообщила я, прислушиваясь. Раздался скрип кровати, тяжелые шаги. Дверь открылась. — Здравствуйте-е, — ошарашенно протянула я.

«Такого деревом не прибьешь», — промелькнула мысль в моей голове. Охотник был среднего роста, но весьма накачан, плечист и в ширину занимал весь дверной проем. Наверное, выходить ему приходилось боком.

— Это мне? — прогудел он, указывая пальцем на поднос в моих руках. Я кивнула. — Что там?

— Блины.

— Хорошо, спасибо. — Верзила забрал поднос и протянул мне пару монет.

Я автоматически сжала руку.

— Мне потом комнату бы убрать, — робко предупредила я.

— Хорошо. Позавтракаю и пойду в лес, — сказал он, и дверь закрылась.

Зачем такому человеку ружье! Он и голыми руками медведя уложить сможет. Жалко, забыла имя спросить. Так он у меня и будет безымянный охотник. Пора за уборку.

Наведя порядок в собственном разгромленном номере и подумав, не лопухнулся ли Клемент, когда оставил нам на попечение свою гостиницу, я направилась на уборку комнат постояльцев. Ничего интересного мне обнаружить не удалось. У Фросия везде валялись удочки и всевозможные снасти, покрытые таким вековым слоем пыли, что у меня возникли сомнения, пользуется ли он ими вообще. В берлоге медведя... то есть номере охотника в

хаотичном беспорядке были разбросаны вещи. Такая обстановка сразу напомнила мне родную квартиру. Надеюсь, за время моего отсутствия Влас не доведет ее до полного разгрома. В комнате Гренки то там, то сям лежали различные любовные романы и сборники стихов. В шкафу висела весьма специфичная одежда (некоторую я даже не представляла, как и куда надеть). Но насколько я знала, люди искусства все с придурью. В апартаментах Гортензии я старалась смахивать пыль как можно *аккуратней*, параллельно критически изучая листки с нотами. А вот в номере малахольного создания я нашла интересный журнал, в который были вставлены разнообразные птичьи перья с подписью, кому они принадлежат. Журнал я просмотрела с удовольствием. Теперь можно и по улице прогуляться. На обед осталась селедка под маринадом, от пюре стоит отказаться. Настругаю простой салат, это быстро.

Выйдя из дома, я радостно начала греться под солнечными лучами. Погода с каждым днем становилась теплее. Скоро придет жаркое лето. О, Гренка на своем неизменном месте.

— Доброе утро! — поздоровалась я, садясь рядом на мосток.

Дама подняла «абажур» с глаз, приветливо улыбнулась.

— Доброе утро, дорогая. Я вижу, вы тоже пришли принять солнечные ванны? — спросила она, переворачиваясь на живот ко мне лицом.

— Я решила проветриться и отдохнуть после уборки, — ответила я, снимая шлепки и щупая ногой воду.

— Разумеется, моя дорогая, вам нужен отдых. Особенно после такой бурной ночи, — многозначительно согласилась она.

Ничего не заподозрив, я беззаботно согласилась.

— Да, ночь действительно была бурной.

Госпожа Гренколив довольно усмехнулась, пододвигаясь ко мне поближе.

— В ваши годы я тоже сгорала от страсти, — выпуская очередное облачко дыма, проговорила она.

— Страсти? — удивилась я, пытаюсь вспомнить, горела ли в желтых глазах страсть. Только не говорите мне, что у него брачный период!

— А как без нее? Двое юных созданий, поддавшихся пылким чувствам! Ох, как я вам завидую!

— Эм... — протянула я. По-моему, я чего-то не понимаю. — Извините, а, собственно, о чем разговор? — решила разобраться я, старательно пытаюсь достать пальцем ноги водомерку.

— Как о чем? Да вы не смущайтесь, моя милая! Я говорю о том, как вы провели страстную ночь в объятиях того молодого человека. Ким, так его, кажется, зовут?

— Что?! — Я чуть не свалилась с мостков. — Ничего не было! У меня ночью от ветра разбилось окно. А Ким первым прибежал на мой крик.

— Ну разумеется, — произнесла Луиза тоном, говорящим «знаем мы эти разбитые окна», но больше не приставала.

С трудом успокоив свое сердце и разыгравшуюся фантазию (у меня даже аппетит пропал), я справедливо решила, что настала моя очередь задавать вопросы.

— Простите, госпожа Гренколив, я слышала, с вами здесь произошел несчастный случай. Не могли бы вы о нем рассказать?

— О, это было просто ужасно, моя дорогая! — пронизывающе начала она. — Прошло два дня после моего приезда. Обычно я провожу все время на пристани, где загораю, или у

себя в номере. Но в тот день я решила пройтись по лесу. Не иначе как темные силы меня туда повели. Я шла, ничего не подозревая, любуясь красотой дивного леса, как вдруг почувствовала, что почва уходит у меня из-под ног! Я еле успела отскочить в сторону! Знаете, в моем возрасте такие акробатические движения даются весьма нелегко. Когда я решила посмотреть, что это было, там оказалась волчья яма, весьма умело замаскированная, и в ней торчали колья! Представляете, какой ужас! Мне чуть дурно не стало, когда я представила свое тело, насквозь пронзенное ими. Нет, такая смерть явно недостойна меня. Я рассказала об этом случае хозяину гостиницы. И самое поразительное, он сам удивился, что здесь оказалась волчья яма. Ведь на острове волки не водятся. Кому она могла понадобиться? Вот что я вам скажу, моя дорогая, — никогда не изменяйте своим привычкам. Видите, что иначе происходит.

Занимательный рассказ, и, правда, зачем нужна волчья яма? Разве что она была рассчитана не на волков.

— А где находилась яма?

— На другом конце острова, возле развалин башни.

— Башни? Здесь раньше были какие-то постройки?

— Насколько мне известно, Восьмерово озеро расположено на границе Запада и Востока. Этот остров располагается в нашей стране, а вон тот, соседний, — женщина указала на пятно, виднеющееся на горизонте, — принадлежит Востоку. Раньше по озеру проходило множество торговых судов. Подобная доставка товаров была намного эффективнее и безопаснее, чем везти груз в обход по земле, ведь тут имеется прямая связь двух государств. Наш остров был своего рода портом, принимающим товары с кораблей Востока и доставляющим их на материк уже своими кораблями. Странная система, но она работала. Только это было сто лет назад. Потом правители сменились, отношения с Востоком испортились, и порт забросили. На острове вскоре вырос лес, порт развалился, и здесь построили маленькую гостиницу.

А я и не знала. Нужно будет рассказать Киму, когда он вернется.

— Спасибо за познавательную беседу.

— Всегда рада с вами поговорить, моя дорогая.

Стоит прогуляться по лесу, заодно и посмотреть на него при дневном свете. С тропинки я не сворачивала и вскоре уткнулась в поваленное дерево, преграждающее дорогу. Интересно, это то самое дерево, которое чуть не убило охотника? Не мешает осмотреть. Деловито обойдя ствол и даже постучав по нему костяшками пальцев, я не вынесла ничего умного. Сюда нужно вести Кима. Единственное, что я могу сказать, — дерево и впрямь сухое и трухлявое. Я вздохнула. Прокру от меня, только в мордобоях участвовать и могу. Я бросила взгляд на то место, где произошел слом, пригляделась.

— Что это? — спросила я сама себя и уткнулась носом.

— Ой, извините. Я не знал, что здесь кто-нибудь есть, — раздался смущенный голос за моей спиной.

Я подскочила. Передо мной, смущенно опустив глаза, стоял парень лет двадцати со светлыми волнистыми волосами, одетый в сиреневый свитер и окутанный зеленоватым шарфом. В руках юноша держал бинокль. Ага, любитель птиц!

— Все в порядке. Я просто изучаю работу термитов, — отходя от дерева и улыбаясь, сообщила я. — Вы не знаете, это ли дерево чуть не упало на охотника?

Юноша слегка побледнел, но все же ответил:

— Точно сказать не могу, но, кажется, оно.

— Понятно. Вы себя хорошо чувствуете?

Птичник испуганно отступил.

— Да, хорошо. А почему вы спрашиваете?

— Вы ничего не ели вчера на ужин и сегодня на завтрак. Я беспокоюсь.

— У меня плохой аппетит, но в остальном все хорошо. Спасибо за беспокойство, — скромно улыбаясь, поблагодарил он.

— Ясно. Меня зовут Акира, а как вас?

— Мирт. Приятно познакомиться.

— Взаимно. За кем наблюдаем? — спросила я, указывая на бинокль в его руках.

— За зеленушкой.

— Кем?!

— Это такая небольшая птица. Она получила свое название из-за окраса, — пояснил парень. — Вы можете услышать, как поет сейчас самец зеленушки.

Я прислушалась. «Ж-ж-ж», — было все, что я слышала.

— Я слышу только жужжание, — разочарованно призналась я.

— Так это и есть его пение! Пение самцов не очень музыкальное и громкое. Но зато концовка, это самое жужжание, разносится далеко.

— А, здорово! Вы много знаете о птицах?

— Достаточно. Я знаю около пятидесяти видов птиц, их повадки, пение и другие характерные черты, — скромно признался Мирт.

— Потрясающе! — восхитилась я. Парень смущенно покраснел. — Вы приехали сюда, чтобы наблюдать за птицами?

— Да. Пусть остров маленький, но на нем обитает множество птиц. Это хорошее место для наблюдений. Если бы не...

— Если бы не озерный монстр?

— Он и еще кое-кто.

— Вы имеете в виду медведя, ой, простите, то есть охотника?

Мирт опечаленно кивнул головой.

— Я боюсь чудовища и всех этих странных вещей, происходящих на острове, но больше всего меня беспокоит господин Бадрий.

— Так его Бадрием зовут? — обрадовалась я.

— Да, — подтвердил Мирт, не поняв моей радости.

— Насколько я понимаю, он любит наблюдать за птичками через прицел?

— Это ужасно! — внезапно оживился Мирт. — Варварство! Недавно он подстрелил озерную чайку! А ведь этих птиц даже не едят!

— Жалко птичку, — сочувственно протянула я.

— Еще как! Иногда мне хочется, что бы его... — Мирт испуганно осекся. Я удивленно на него посмотрела. — Только хочется. Я ничего плохого не делал, — поспешил оправдаться он.

Я ободряюще хлопнула его по плечу. У парня подкосились ноги.

— Успокойтесь, вы не похожи на того, кто из-за птицы готов свалить на человека дерево, — успокоила я Мирта. Он облегченно вздохнул. Хотя внешность бывает обманчива. Мне ли не знать. Но об этом я пока промолчу. Тут лесную тишину нарушили звуки музыки. — Кажется, птички так не поют.

— Это госпожа Гортензия играет на своем контрабасе, — вновь покраснев, сообщил Мирт.

— Вам она нравится?

— Она красивая и очень талантливая девушка, но...

— Но характер у нее не сахар.

— Что поделатъ. Она творческая и возвышенная личность.

— А что возвышенная личность делает в таком захолустье?

— Госпожа Гортензия — молодая и многообещающая музыкантша. Как я понял, у нее скоро будет большое выступление, и она приехала сюда, что бы в тишине и спокойствии к нему подготовиться.

— Странное она для этого выбрала место, — скептически заметила я.

— Поначалу тут и вправду было тихо и спокойно. До недавнего времени.

— Извините, мне рассказывали, что вы чуть не утопли. Это правда? — в лоб спросила я.

Юноша замялся.

— Не очень приятный был случай. Я выплыл на лодке рано утром, чтобы понаблюдать за кряквами. Это такие утки, — пояснил Мирт, увидев мое недоумение. — Только успел отплыть на достаточное расстояние от берега, как вдруг в лодку начала поступать вода. Я до смерти испугался! Я не умею плавать. На мое счастье, мимо проплывали рыбаки, они меня и спасли.

— Хозяин клялся, что он проверял все лодки утром.

— Я не хочу на него наговаривать, но факт остается фактом. Лодка дала течь, — печально заключил парень.

— Да, факт неоспорим. Но хорошо, что вы спаслись. Сама лодка затонула?

— Нет. Ее вытащили. Лодку успели взять на буксир, прежде чем она погрузилась под воду полностью. Господин Клемент хотел починить ее. Видно он не любит лишние расходы, но лично я в эту лодку больше не сяду. Впрочем, как и в другие, — категорично заявил юноша.

— Именно поэтому вы и сидите на этом острове, хоть вам здесь и не нравится? — улыбнувшись, поделилась я своим предположением. Мирт виновато отвел глаза. Я посмеялась. — Не буду вас больше задерживать. И пожалуйста, съешьте сегодня на обед хотя бы салат, очень прошу.

— Хорошо, — пообещал он, и я, довольная, пошла гулять дальше.

Сколько интересного я сегодня узнала! Помимо посещения развалин порта не будет лишним сходить в «док» посмотреть на злосчастную лодку, но это все с Кимом. Не забыть бы рассказать ему про дерево. Неожиданно кусты возле меня зашуршали. Я остановилась. Тут из них стало вылезать что-то лохматое, с растущими из головы ветками, боевого раскраса и к тому же с ружьем в лапах. После прошлой ночи мои нервы были натянуты до предела, я не выдержала. Без разборок я ударила неизвестное существо ногой в живот, и оно, пролетев пару метров, звучно врезалось в дерево. Посыпались сосновые шишки. Я с опаской подошла к противнику. И тут я поняла, на кого напала. Существо оказалось странно одетым охотником. И почему я никак не могу выучить порядок: сначала задаем вопросы, а потом бьем. Всегда путаю.

— Простите меня, пожалуйста, я случайно. Эй! Вы меня слышите? — я начала шлепать мужчину по щекам.

Издав нечленораздельные звуки, он наконец смог сфокусировать взгляд на мне. «Сейчас мне достанется», — печально подумала я.

— А у тебя хороший удар, — пытаюсь встать, одобрительно прокряхтел охотник. — Чуть мне ребра не проломила.

— За ребра я ручаюсь, а вот за печенку нет. Я в нее целилась, — виновато призналась я, помогая жертве подняться.

— Ну, тогда беспокоиться не о чем. Раз ее столько лет употребления алкоголя не сгубило, то это она точно переживет! — усмехнулся он. Я критически на него посмотрела. Будем надеяться. — Бадрий, — протягивая мне здоровенную руку, представился он.

— Акира. А вы от кого прячетесь? — спросила я, с нескрываемым любопытством рассматривая экипировку Бадрия.

Охотник поправил сползающие на глаза ветки, прикрепленные к шапке, и отряхнул шкуру.

— Я охочусь.

— На чудовище? — уточнила я, решив, что такой нелепо-устрашающий вид впечатлит кого угодно.

— Нет. Сдалось оно мне! — брезгливо отмахнулся Бадрий. — Я на птиц охочусь.

— А-а-а! Тогда вы в ту сторону не ходите.

— Почему?

— Там Мирт гуляет. И вряд ли он обрадуется вашей затее.

— Этот сопливый мальчишка? Да чтоб он понимал! Только и делает, что ноет-ноет о своих птицах! Толку с его нытья, желудок им не накормишь!

— Согласна.

Животных я любила, но и поесть тоже. Поэтому всегда смотрела на такие вещи трезвым взглядом. Правда, одно дело идти на охоту, чтобы реально добыть себе еду, а другое — когда тебя и так кормят и делаешь ты это из чистого азарта. Такого развлечения я не понимала. Человек, который с ружьем ради удовольствия идет на относительно беззащитное животное, все равно что маньяк, идущий на девушку с топором. Все едино. Но тут я спорить не хотела. Не моя война. Пусть Мирт права качает, у меня другая работа.

— Вы придете сегодня на обед?

— Не знаю, как освобожусь, — коротко ответил он. — Послушай-ка, а не могла бы ты мне по-быстрому сварганить какой-нибудь бутерброд? И сюда принести? Очень прошу.

— Ну, наверное, могу. Только у нас колбасы нет. Сыр подойдет?

— Сгодится!

— Хорошо. А вы точно здесь будете? Мне не хочется по всему лесу с бутербродом бегать.

— Да здесь я буду. Боишься, что на бутерброд все звери и чудовища сбегутся? — пошутил охотник.

— Нет. Боюсь, что я его съем.

— Хлеб — есть, салат — есть, помидоры — есть, — тыча палец в перечисляемые ингредиенты, говорила я. — А сыр? Если это бутерброд с сыром, то где же сыр? — спросила я, шуруя по ящикам.

Вроде я видела головку сыра в погребе. Нужно посмотреть. Как только я открыла люк, меня окатил сильный запах алкоголя. Неужели какая-нибудь бутылка протекла? Я

спустилась вниз. Да, здесь погром почище, чем в моей комнате! Половина бутылок была разбита. По полу растекались лужи несостоявшейся выпивки. И кто же здесь похозяйничал? Тут я услышала хлопок закрывающегося люка, а потом лужи вокруг меня вспыхнули огнем. Кто-то бросил спичку. Пламя стало быстро расходиться по всему погребу. Но страшнее всего был дым. Если я не поджарюсь, то скоро задохнусь. Прикрыв лицо фартуком, я направилась к люку. Разумеется, он был закрыт. Я и не предполагала обратного. Я осмотрела дверцу. Она была сделана добротнo, из крепкого дуба.

— Не на ту напали, — усмехнувшись, сказала я.

Удар! Щепки разлетелись по всей кухне. Я быстро вылезла наружу. Надо срочно потушить огонь, иначе сгорит весь дом. Я завертела головой. Ага! Подбежав к раковине, я, не церемонясь, выдернула кран. Струя воды брызнула в потолок. Схватив первую попавшуюся сковородку, я прихлопнула ею струю, тем самым направив ее в погреб. Послышалось шипение. Из отверстия повалил пар. Я заткнула трубу лежащим на столе огурцом и с облегчением осела на пол. Мимо меня проплыли ингредиенты бутерброда. Помидор обгонял салат на два корпуса. Бедный хлеб потоп. Я бездумно смотрела на их плаванье.

— Обед сегодня определенно задержится.

— Здесь произошло еще одно сражение с чудовищем? — с порога спросил Ким, осматривая кухонный погром.

Пол был мокрый, кое-где остались лужи, кругом валялись щепки, местами продукты. Короче, вид удручающий.

— Нет. Я всего лишь тушила пожар, — ответила я, старательно мажа ногу мазью от ожогов. Нога была единственным, что у меня пострадало. Да и она лишь слегка подпалилась, быстро пройдет.

— Больше похоже на то, что ты устроила потоп, — заметил Ким, вытирая рукавом стул, прежде чем сесть. — Что с обедом? Постояльцы есть хотят.

— Ужин уцелел. Сейчас подам. Ким, а ты можешь отнести этот бутерброд в лес? Пройдешь по тропинке, за вторым поворотом охотник должен быть. Отдашь ему, — попросила я, запоздало вспомнив про обещание.

Ким посмотрел на бутерброд, лежащий на тарелке. Взял его и надкусил. Прежде чем я успела возмущенно завопить, он ответил.

— Уже отдал.

— Как?!

— Когда я вернулся, то встретил охотника. Он спросил, не видел ли я тебя. Ты должна была принести ему какой-то бутерброд. Ну, я и отдал.

— Откуда у тебя был бутерброд?

— В поселке на дороге купил. Ладно, иди корми жильцов, потом расскажешь, что у тебя за пожарные учения проходили.

Я с измученным видом пошла выполнять свою работу.

Покончив с обедом, я рассказала Киму про пожар и про все остальное, что сумела узнать от постояльцев. Напарник спокойно слушал, не задавая никаких вопросов, задумчиво крутя в руках пустую тарелку.

— Хорошо. Сейчас сходим в «док» взглянем на лодку, затем пойдем изучать дерево и оттуда до развалин порта. Заодно наконец посмотрим на то, что меня заинтересовало, —

решил он, отряхивая от крошек руки.

Мы оказались на улице, когда я вспомнила, что Ким так и не рассказал, зачем он ездил в поселок. Я задала вопрос.

— Я уже тебе говорил. Чтобы кое-что купить.

— Купил?

— Купил.

— А что это «кое-что»?

— Вечером покажу.

— А как насчет мяса?

— Его не купил.

— Ну вот! Толку с тебя, — разочарованно заключила я.

Парень лишь пожал плечами. «Док» оказался сараем, где хранилась куча «нужного» хлама. Банки с краской, лестницы, доски, инструменты, удочки, сети, поломанные весла. В общем, все то, что жалко выкинуть. Посредине сарая, окруженная эти хаосом, стояла небольшая белая лодка. На ее боку голубыми буквами было написано: «Сохатый 03».

— Наверное, она.

— Да ну? — протянул Ким, заглядывая внутрь лодки. — И как такую дырку он мог не заметить?

Я тоже решила посмотреть. На дне лодки виднелась круглая дырка размером с монету.

— Возможно, ее могли сделать после того, как Клемент проверил лодку? — предположила я, припоминая рассказ нанимателя.

— Как вариант. Но даже если этот любитель птиц совсем слепой, в чем я сомневаюсь, и не заметил дыру, лодка должна была тут же дать течь. А как он сам тебе рассказал, он смог отплыть от берега на достаточное расстояние, и только потом она начала тонуть. Не сходится.

— А если ее в воде продырявило само чудовище? Рогом там, клыком или еще какой частью тела? — продолжила я свои наезды в адрес не полюбившегося мне монстра.

Ким поморщился, но смолчал. Оторвавшись от лодки, он начал осматривать содержимое сарая. Я, не понимая, что надо искать, решила не путаться под ногами и, присев на лодку, стала за ним наблюдать. Напарник быстро пробежал все взглядом и мало на чем задерживался. Подойдя к полке с различными банками и пузырьками, он начал их поочередно рассматривать. На одну пустую (судя по легкости, с какой Ким ее поднял) банку с краской он потратил больше времени, чем на другие. Ким внимательно изучал написанное на ней краткое содержание и метод применения. Потом парень довольно усмехнулся и поставил банку на место. Дальше он завис возле станка. Проведя по нему пальцем и задумчиво изучив его, друг спросил:

— Ты не видела, в гостинице есть мел?

— Да, есть. В столовой стоит доска, на ней мелом нужно писать, что будет подаваться к столу. А в шкафу я нашла куски размером с кирпичи. Никогда такой большой мел не видела! А тебе зачем?

— Да так. Теперь мне все понятно. Идем в лес.

В лесу нас ожидал не очень приятный сюрприз. Вместо поваленного дерева на тропинке лежали угли и пепел. Еще теплые.

— Как так?! — в сердцах вскрикнула я.

— Похоже, поджигатель решил избавиться не только от тебя. Идем, здесь не на что

смотреть.

Мы прошли еще немного, как вдруг Ким велел:

— Подсади меня.

— Куда?

— Вон к тому дереву, у которого дупло, — указал он.

Я послушно подставила спину, а затем и плечи. Поймав равновесие, Ким заглянул в дупло.

— Ну что там?

— Ничего, — коротко ответил он, спрыгивая вниз. — Кроме вот этого. — В руках друга лежала непонятная ручка.

— От чего она? Есть соображения?

— Пока нет. Но кто-то явно замечает следы. Не удивлюсь, если и волчья яма окажется зарытой. На, положи к себе, — сказал друг, протягивая мне странную ручку.

Прежде чем положить ее в карман, я покрутила в руках. Что-то она мне напоминает, но что?

До развалин старого порта мы дошли примерно через полчаса. От порта осталась лишь небольшая башенка и часть стены, увитая плющом. Больше ничего. Ни на какую волчью яму мы не наткнулись. Ким обошел все вдоль и поперек. И, решив, что делать больше нечего, скомандовал идти домой.

— Подожди минутку. Я сейчас только в кусты отойду, — попросила я, понимая, что идти дальше мне невмочь. Рискую лопнуть.

— Где ты здесь кусты нашла? — спросил Ким, с сомнением оглядывая пустырь, на котором росли редкие деревья.

— Ну, значит, возле этой стенки. Ты только отвернись.

— Я уже, — сказал напарник, демонстративно показывая свою спину. Я присела по своим делам. Но спокойно завершить их мне не удалось. — Чем ты там гремишь? — прислушавшись, спросил он.

— Я не специально. Это от земли такой звук исходит, — смущенно ответила я.

— От земли? — Ким быстро развернулся.

Я еле успела натянуть панталоны. Подойдя ко мне, он постучал ногой по указанному месту. Раздался металлический звук. Парень, звонко топая, прошелся вдоль стенки. Остановился на месте обрыва звона. Ким скинул листву. Под ней оказался люк. Вот что значит вовремя присесть!

— Можешь открыть? — спросил он.

Я подобрала палку покрепче, подцепила край люка и налегла. Крышка со звоном откинулась. Потянуло сыростью.

— Не видно ничего, — засовывая голову, пожаловалась я. Ким достал из-за пазухи фонарик и осветил. Внутри стояли ящики. Открыв один, мы обнаружили какие-то черные отполированные шарики. — Что это?

— Черный мрамор. Один из самых дорогих.

— И что он тут делает?

— Не знаю. Но могу догадаться. Закрывай люк, возвращаемся.

— Мы оставим его здесь?

— Не беспокойся, мы еще вернемся.

Вернувшись в «Сохатый», Ким начал крутить диск единственного телефона, находящегося на стойке.

— Кому звонишь?

— Сестре, — с неохотой ответил он, прислушиваясь к гудкам на линии.

— Зачем?

— Хочу проконсультроваться. Посторожи, чтобы никто сюда не заходил, — попросил Ким, облакачиваясь на стойку. Разговор обещает быть долгим.

Я встала возле прохода, ведущего одновременно в гостиную и на лестницу. Разговор занял час. От Кима я почти ничего не слышала. Видно, ему что-то рассказывали на другой стороне провода. Вскоре он повесил трубку. Вид у друга был задумчивый, но довольный.

— Сегодня в двенадцать встретимся у меня в комнате и выйдем на дело. При хорошем раскладе это будет наша последняя ночная вылазка.

— И это хороший расклад?!

— Я имею в виду, у нас больше не будет в этом необходимости, а не то, что нас съедят, — пояснил друг.

Но ведь если нас съедят, то всякая необходимость отпадет? Но я решила промолчать.

Ровно в двенадцать часов я постучала в дверь «Березы». Меня впустили. Почти весь пол комнаты занимала расстеленная сеть.

— Так вот что ты купил! — догадалась я.

— Угу, — кивнул Ким. — Помоги скатать ее обратно.

— А зачем она нам?

— Чтобы чудовище поймать.

— Думаешь, она его удержит?

— Должна. Я купил самую крепкую. Все деньги потратил.

— Все?!

— Успокойся. Расписку я сохранил. Будет что предъявить Вальтеру.

— Надеюсь, она того стоит, — проворчала я.

В этот раз нам повезло, на улице не было тумана. Ярko светила луна, освещая дорогу. Стояла тишина.

— Не воеет, — заметила я. — А куда мы идем?

— Ищем место, где можно расположить сеть, — придирчиво изучая обстановку вокруг, ответил напарник. — Это подойдет. Закрепим ее между деревьями, тут как раз недалеко до воды.

Закрепив сеть, я решила поинтересоваться:

— Что дальше? Будем просто сидеть в кустах и ждать, что оно здесь ни с того ни с сего пройдет?

— Нет. Мы поместим приманку, и наши шансы увеличатся.

— А где же приманка?

Ким показал пальцем.

— Я?! Почему?

— Потому что из всех живущих в гостинице только ты произвела на него неизгладимое впечатление. Хватит возмущаться, стой под сеткой и делай аппетитный вид.

— Это как? — забыв про возмущение, удивилась я.

— Не знаю. Тогда просто стой, — разрешил «добрый» напарник.

Прошло минут сорок. Луна скрылась за облаками. Поле видимости ухудшилось. У меня затекли ноги, и я стала нарезать круги. Киму в кустах тоже сиделось несладко. С интервалом в несколько секунд оттуда доносились остервенелые хлопки. Не знаю, как насчет чудовища, но комарам мы точно понравились. Я надеялась, нашим мукам скоро придет конец. Вдруг со стороны воды послышался плеск, и мне навстречу двинулись знакомые желтые «арбузы». Сейчас моим точно придет конец. Притом радикальный. Я невольно попятилась. Ким быстро пресек мое отступление:

— Стоять.

Я, стиснув зубы, замерла. Внезапно я почувствовала, что земля под ногами периодически трясется, и желтые глаза то подымались вверх, то опускались вниз. «Оно что, скачет?» — догадалась я. Когда до неизвестного скакуна оставалось не больше метра, Ким дал команду:

— В сторону.

Я отскочила. Сеть упала. Чудовище поскакало вместе с сетью за мной.

— Ким, такого в плане не было! — прокричала я, проносясь мимо друга.

Ким, видимо, пытался поймать меня за ворот куртки, но промахнулся и схватил за синюю ленту, висевшую на шее. Разумеется, я не затормозила. Лента осталась в руках напарника. Чудовище остановилось и направилось на парня. Такого произвола я не ожидала и, забыв, кто кого догонял, запрыгнула на монстра. Меня начало подкидывать, но я крепко держалась за сетку. А вот сетка плохо держалась за чудовище. При очередном прыжке она слетела и накрыла меня. Я возмущенно начала брыкаться. Тут подул ветер, и луна вышла из-за облаков, озарив место наших сражений.

— Да это же большая лягушка! — ошарашенно вскрикнула я, увидев «чудовище» в лунном свете.

И правда, самая обычная лягушка коричневого цвета, с перепончатыми лапками и бледным надувающимся горловым мешком. Только трехметрового роста... Лягушка, надувшись, громко квакнула, подтверждая мою догадку.

— Вижу, — согласился Ким, снимая с меня сетку. — Теперь понятно, как она смогла добраться до окна на втором этаже.

— Интересно, а чем она питается? — спросила я, живо представляя муху размером с кошку.

Мимо нас пролетела ночная птица. Лягушка выстрелила язык, поймала ее и с хрумканьем проглотила.

— Еще вопросы будут?

Я сглотнула и покачала головой. Но скоро вопрос нашелся.

— Почему она за мной носилась, а потом внезапно переключилась на тебя?

— Я думаю, она носилась не за нами, а вот за этим, — парень помахал синей лентой. Лягушка внимательно следила за ней глазами. — Похоже, лента от чего-то оторвалась, — сказал он, изучая надорванный конец.

Раньше я его не замечала.

— Допустим. Но зачем лягушке лента?

— Скоро узнаем, — протянул Ким. Вдруг лягушка встрепенулась и направилась обратно к воде. — Надо за ней проследить.

Мы быстро побежали к мосткам, где были привязаны лодки. Отвязав одну, мы поплыли за темным пятном, маячившим на поверхности озера. Оплыв остров, лягушка привела нас к

развалинам порта. Под башней, возвышающейся над водой, оказалась пещера. Земноводное заплыло в нее, мы следом. В пещере была ниша. Выйдя из лодки, мы увидели кучу знакомых ящичков с мраморными шариками. Видимо, это еще один вход в тот люк. На этот раз в пещере было светло. Горели факелы. Помимо ящичков мрамора здесь находился стол, на котором лежали различные предметы. Мы подошли к столу. На нем была расстелена карта Восьмерова озера с какими-то пометками. Рядом лежала книга. Я прочитала название: «Искусство гипноза». Ким взял книгу и начал ее пролистывать. Рядом со столом на одном из ящичков стоял граммофон, но чего-то в нем не хватало. Я порылась в кармане. Так вот от чего эта ручка! Я вставила и покрутила ручку. Игла коснулась пластинки. Раздался звук — душераздирающий вой. Ким чуть не выронил книгу из рук.

— Ты чего творишь?

— Я граммофон завела, а он завыл, — ответила я, поспешно отодвигая иглу.

Напарник ничего не успел сказать, как за нашими спинами послышался голос:

— Какие любопытные работники оказались.

Мы обернулись, во втором проходе стояли три человека. Два неизвестных, а третий...

— Господин Фросий Бритвар? — удивилась я.

Вот уж кого не ожидала увидеть!

— Здравствуй, Акира, — улыбнувшись в усы, поприветствовал мужчина.

— Странное у вас «здравствуй» после того, как вы меня чуть не поджарили! А это что еще за дядьки? — указывая на двух незнакомых типов с ножами, спросила я.

— Думаю, это те «пропавшие» постояльцы, — ответил мне Ким.

— Вы очень догадливы, молодой человек. К сожалению, такие долго не живут, — вздохнул Фросий, направляя на нас ружье.

— Мне казалось, вы рыбак, — заметила я, скептически смотря на ствол.

— Это было прикрытием. Ружье я временно позаимствовал у нашего охотника. Надеюсь, он не будет против.

Тут из воды между нами выскочила знакомая лягушка.

— Вижу, вы познакомились с моим хладнокровным другом. Вы ему даже понравились, но меня он слушает лучше. — Фросий вытащил из-за пазухи какую-то побрякушку на надорванной синей ленте.

Лягушка, как замороженная, попрыгала к нему.

— Ко мне, — внезапно сказал Ким, помахивая своим куском ленты.

Лягушка развернулась. Фросий удивленно поднял брови.

— Нет, ко мне! — настойчиво потребовал он.

Бедное животное не знало, куда направиться. Но вскоре выбрала бандита.

— Вам ее не перенять, — довольно заявил он.

— Вы правы, — спокойно согласился Ким, убирая ленту в карман. — Но мне и не нужно. У меня своя зверюшка. Акира, взять!

Я сорвалась с места, чуть не сбив Фросия с ног. Схватив его за руку, держащую ружье, я повернула ее на сто восемьдесят градусов. Раздался хруст и стон боли. Ружье плюхнулось в воду. Быстро развернувшись, я двинула ногой бандита, что стоял справа, в челюсть. Он отлетел к стенке. Краем глаза я заметила, как над моим плечом что-то блеснуло. Не успею. Рассекающий воздух свист, звон металла. Я обернулась. На полу валялся кинжал, а его обладатель был пришиблен ладонью к стене метательным ножом Кима. Напарник стоял на том же месте, неспешно убирая руку в карман.

— Ого, спасибо!

— Всегда к твоим услугам. Но Фросий уходит.

— А? Эй, это же наша лодка!

Черт, я выпустила его, когда отбивалась от второго! Фальшивый рыболов уже выплывал из пещеры.

— Надо же, как быстро он гребет с вывихнутым плечом!

— Жить захочешь, и не так погребешь.

— И как мы его теперь догоним?

Ким нагнулся и поднял с пола оброненную Фросием подвеску. Мы переглянулись. По моему лицу растеклась улыбка — ух и весело же будет!

Отплыв на достаточное расстояние от пещеры, насколько позволили силы, мужчина решил передохнуть. Прогулочная лодка не была гондолой, и грести стоя одним веслом — ужасно тяжело. Проклятая девчонка повредила ему руку! Но ничего, сейчас он потихоньку догребет, а там они его не същут. Ночную тишину стали пронзать непонятные воющие звуки. Что это? Мужчина завертелся на месте. Звук приближался. Это же... Не может быть!

— Виу-виу-виу!!!

— Акира, а тебе обязательно выть?

— Но, Ким! Это же сирена! А мы морской патруль! Точнее, озерный. Ой, еще одна волна! Прыгаем!

— Прекрасно, — вздохнул друг, в очередной раз чуть не соскользнув в воду.

На голове лягушки не было предусмотрено никаких ремней безопасности. Ко всему прочему она была ужасно скользкой, а это не добавляло удобства нашему плаванию. Единственное, за что мы могли держаться, это друг за друга. Ким крепче сжал мою руку.

— Ты его видишь?

— Нет. О, вижу-вижу! Полный вперед!

Мы нагоняли лодку.

— Готова к десантированию? — поинтересовался парень, когда до лодки оставались считанные метры.

— Ага. И раз, и два, и три! — я подскочила с лягушки. Перекувыркнувшись в воздухе, я ровнехонько приземлилась на корму лодки, которая на мгновение опустилась под воду. Нос судна, напротив, взмыл в небо вместе с нашим главным бандитом. Красиво полетел! А погружение не очень. Много брызг. Как только из воды вынырнула отфыркивающаяся голова Фросия, упала сеть.

— Хороший улов, Ким!

— Ага. Именем Правителя и Западным отделением гренадеров вы арестованы-ы-ы, — зевая, протянул парень.

— Я так и не поняла, ради чего была вся эта бодяга? — спросила я у Кима, который, закинув голову, спокойно нежилась на солнце, пока я гребла.

— Эти люди были контрабандистами. Они нелегально доставляли черный мрамор на Восток, — лениво начал говорить он. — После того как мы нашли тайник, я позвонил сестре и спросил у нее, не было ли примерно месяц назад крупной кражи черного мрамора. Она ответила — была. Банда неизвестных ограбила торговый поезд. Грабителей так и не нашли.

— Понятно. Но зачем им понадобилось выселять постояльцев?

— Они могли заметить их нелегальную деятельность.

— А почему им приглянулась именно эта гостиница?

— Гостиница им не приглянулась. Им приглянулся остров. Ты мне сама рассказывала, что Восьмерово озеро — самый быстрый и надежный способ доставки товаров на Восток. Они решили воспользоваться старым торговым путем.

— Значит, тот странник, который навешал лапшу хозяину про проклятье и чудовище, был одним из тех головорезов?

— Именно. Но Клемент его не послушал, и они решили поселиться на острове в качестве постояльцев и устроить другим жильцам райскую жизнь, чтобы те испугались и покинули злосчастный дом. Дырявые лодки, упавшие деревья, взорванные банки — все это их рук дело.

— А как же лодка? Ты сказал, с такой дырой она бы сразу потонула.

— Преступники были не совсем дураки. Они заткнули дырку мелом.

— Мелом?

— На станке я обнаружил белый порошок, который оказался мелом. Они взяли один из тех «кирпичиков» и сточили его до нужного размера и формы. Он идеально исполнил роль затычки.

— Почему именно мел?

— Лодка белая, мел белый. Заглушка не бросается в глаза. К тому же мел растворяется в воде. Такой кусок растворился не сразу, а постепенно, позволив отплыть на достаточное расстояние от берега.

— Хорошо. А что насчет дерева?

— Ты сказала, что на месте разлома увидела странные коричневые следы. Когда мы были в «доке» я изучил местный ассортимент красящихся веществ. Там была пустая банка коричневой краски одной очень интересной и в свое время нашумевшей фирмы.

— И что за краска такая? — заинтересовалась я.

— В состав данной краски входило одно вещество. Ею можно было спокойно красить железо или камень, но древесину она чудесным образом растворяла. Позже после жуткого скандала данная краска была снята с производства. Но ее остатки еще возможно где-нибудь раздобыть.

— Ого! Получается, контрабандисты покрасили ствол дерева чудо-краской и оно рухнуло?

— Верно.

— А...

— Отвечаю заранее на твой вопрос: если бы они срубили дерево, было бы видно, что это сделали умышленно. Они хотели придерживаться версии о проклятье, поэтому им пришлось импровизировать. Коричневая краска на коричневом стволе мало кому бросится в глаза.

Я задумалась.

— А зачем им лягушка?

— Чтобы доставлять мрамор на Восток.

— Как в лягушке, что ли?

— Угадала. Помнишь, в пещере мы нашли книгу? В ней было написано, как научиться гипнозу. Записи, правда, примерные, но все же. В книге говорилось о том, что проще всего

гипнотизировать на какую-нибудь определенную вещь. Этой вещью стала та подвеска на синей ленте. Мозг у лягушки проще человеческого. Даже такие профаны смогли ее загипнотизировать. Она перевозила по коробке с этого острова на другой. Там груз получали их восточные сообщники.

— Почему они не могли воспользоваться лодкой?

— Это привлекло бы внимание. А им нужно было делать свою работу скрытно.

— Допустим. Но откуда у меня взялся кусок ленты?

— Я поговорил с хозяином «Сохатого». Предыдущая служанка, от которой тебе досталась форма, нашла кусок ленты, когда убирала комнату постояльца. Она забыла ее выкинуть и просто положила в карман. Как и тебя, ее вскоре стало преследовать «чудовище». Она не выдержала и уволилась. Еще вопросы?

— Да. Зачем был нужен граммофон с воющей пластинкой?

— Ответь мне, лягушки воют?

— Нет.

— Ну вот. Как считаешь, что будет более эффективно: пугающий вой или устрашающее кваканье?

— Понятно. — Утолив свое любопытство, я успокоилась. Мы почти подплыли к берегу. — Ким?

— М-м-м?

— Откуда взялась эта лягушка?

— Чего не знаю, того не знаю. Но у нас много необычных созданий водится. Гигантская лягушка — только цветочек.

— Ты прав, — согласилась я. — Ким?

— Что еще?

— Что тебе вручил Клемент, когда мы уходили?

Ким достал из куртки лист бумаги, развернул и начал читать:

— «Бутылок вина — тридцать штук; бутылок пива — двадцать штук; люк от погреба — одна штука; погреб — требуется ремонт; кухня — также требуется ремонт; кран — одна штука, окно...»

— Погоди, это что, список убытков?

— Именно он. Представляешь, каким счастливым будет Вальтер?

— Дай мне его, — не своим голосом попросила я.

Ким недоумевающе дал. Я быстро смастерила из листа кораблик и пустила на воду. Качаясь на волнах, он медленно поплыл от нас.

— Бумага для письма — одна штука, — проконстатировал Ким, смотря ему вслед.

Отчет 5

Сверхурочное

Нередко сам порок толкает нас на добрые дела.

Мишель Монтень

— Свежее золотистое тесто, белоснежная сахарная пудра, идеальная форма — верх совершенства! — вещала я, с обожанием смотря на плюшку.

Но хватит любоваться. Пора переходить к делу. Попробуем. М-м-м, я в раю!

Ясный теплый весенний день. Я сидела у фонтана на Соборной площади. Брызги воды блестяли на солнце. Из струек фонтана появлялись маленькие радуги, а в нем самом отражалось голубое небо. Чудное место. Передо мной находился главный собор Крушицы. Я никогда не ходила в соборы (не видела особого смысла), но со стороны он выглядел потрясающе! Витиеватые шпили уходили высоко в небо. Лепнина, карнизы, разноцветные витражи, статуи горгулий, — собранное в одну кучу, оно могло казаться нелепым, но, как ни странно, сочеталось и дополняло друг друга, создавая непередаваемый шедевр архитектуры. Я повернула голову. Соборную площадь полукругом окружали жилые и торговые дома. Сегодня здесь оживление. Первый солнечный день после долгих дождей заставил выйти людей на улицу. Разношерстные художники бродили с мольбертами и блокнотами, выбирая место для самого лучшего ракурса. Тележки с цветами яркими пятнами разбросаны по серым камням мостовой. В витринах магазинов отражалась людская суета.

Я доела плюшку и прыгнула со скамейки. Небрежно отряхнула платье от крошек, закинула на плечо сумку. Тут мне больше нечего делать. На Соборной площади не находились никакие интересующие меня заведения. Нет смысла оставаться более. Я порылась в сумке и достала список. Почти все куплено, значит, я свободна.

— Навестим больного, — сказала я, направляясь к менее шумным улицам.

В гости не принято ходить с пустыми руками. Пройдясь по Центральной улице, я зашла в небольшую продуктовую лавку. При открытии двери зазвенел колокольчик.

— Добрый день! О! Это вы, Акира. Чем могу вам помочь? — улыбаясь, спросила хозяйка лавки, расставляя товар по полкам.

— Здрате! У вас есть малиновое варенье? — рассматривая ассортимент магазина, спросила я.

— Конечно, найдется. Такое подойдет?

— В самый раз, — довольно кивнула я, отдавая чек. Теперь все готово, можно идти.

Мне нравилось гулять по улицам города. Рассматривать дома, людей, жизнь вокруг. Вот я прохожу мимо здания Городского совета. На его крыше стоят несколько мужчин в костюмах. Один из них, в лиловом пиджаке, активно машет руками небу. Со стороны казалось, будто он ему грозит кулаком. На самом деле это главный маг Крушицы, который отгоняет от города злосчастную грозовую тучу. Похоже, даже успешно. Дальше находился театр. Шикарное здание темно-бордового цвета с золотой отделкой. Внутри оно было не менее впечатляющее, чем снаружи. А какой там буфет! Чуть дальше располагался Первый Западный госпиталь. Сюда вели широкие улицы, по которым то и дело проезжали белые

кареты с красными крестами. Но место моего визита не здесь. Оно находилось дальше от центра и оживленных районов города. Я направилась в одну из тихих улочек, где располагались старые дома. К одному из них, с потрескавшейся от времени черепицей и почти целиком увитому плющом, лежал мой путь. Скрипучая ступенька, выцветшая дверь. Я постучалась. Послышались шаги. Дверь распахнулась.

— Привет, Ким!

— Ага, заходи, — пригласил друг, щуря глаза от проникшего в комнату солнца.

Войдя внутрь, я очутилась в просторной гостиной, обставленной старой потертой мебелью, покрытой столетним слоем пыли. На обшарпанном диване сидел Ким, укутанный в плед и обложенный со всех сторон книгами. Одна из них была открыта и лежала на подлокотнике, судя по всему, ее только что читали. Я обвела взглядом удручающую обстановку.

— Что ли, шторы хотя бы открыл? — предложила я, постепенно привыкая к полумраку дома.

— Зачем? — удивился друг, громко высмаркиваясь в платок.

Вид у напарника был не лучше самого дома. Ночные прогулки по Восьмерому озеру определенно не пошли на пользу его и без того шаткому здоровью. Через неделю Ким слег с температурой и насморком. К счастью, работы на ближайшие дни пока не предвещалось, и Ким мог спокойно отсиживаться дома, а я периодически приходила его навестить.

Рассмотрев обстановку, я решила открыть шторы. Но стоило мне за них потянуть, как на меня посыпалось столько пыли, что я была вынуждена ретироваться.

— Кхе-кхе, и как ты здесь вообще живешь? Убираться пробовал? Говорят, помогает.

— Ведро со шваброй за дверью, — невозмутимо сообщил парень, возвращаясь к чтению. «Наглеж», — подумала я, разумеется не подходя к швабре. Мне своего дома хватает, чужой убирать желания нет.

— А я тебе гостинцы принесла, — сказала я, ставя на стол перед Кимом банку варенья и маленькую статуэтку быка.

У нас было принято дарить фигурки быков больным людям. Ведь не зря говорят — здоров как бык. Когда дарят его изображение, подразумевается желание крепкого здоровья. Ким мельком взглянул на подарки.

— Спасибо. Поставишь чайник?

— Сейчас, — кивнула я, проходя в соседнюю комнату, где находилась небольшая кухня. Здесь пыли было не меньше. Сам Ким никогда не готовил, еду ему привозили на дом. — Как самочувствие?

— Паршиво, — коротко ответил он. — Но самое худшее — я помираю от скуки. Я уже все книги перечитал, — пожаловался парень, со вздохом откладывая вновь прочитанную.

Теперь понятно, что вокруг него делает вся эта макулатура.

— Раз скучно, так займись уборкой, — невинно предложила я.

— Спасибо, нет. Мне скучно, но не до такой степени.

Я дождалась, пока закипит чайник, разлила воду по чашкам (предварительно помыв их) и отнесла на подносе в гостиную. Ким положил ложку варенья в чай и стал задумчиво ею мешать.

— Как ты?

— Отлично! Работы пока нет, и я занимаюсь своими делами, — ответила я, старательно мажа хлеб вареньем.

— Что за дела?

— Провожу марафон закусовых. За сегодняшний день я посетила шесть наших забегаловок. А вчера в «Кабане» съела тридцать порций их фирменного супа и получила приз в качестве бесплатного десерта! Про меня даже статью в газете написали. Посмотри, — похвасталась я, доставая из сумки газету.

Ким пробежал ее глазами.

— Заголовок «Ненасытная девушка-гренадер» звучит впечатляюще, — отметил он, отхлебывая чай.

— А то!

Когда мы допили чай, Ким внезапно предложил:

— Давай в шахматы сыграем.

Я косо посмотрела на лежащую на столе шахматную доску.

— Ну, я плохо играю и всегда тебе проигрываю. И постоянно забываю название фигур и как они должны ходить.

— Согласен. Умом ты не блещешь. Но все лучше, чем играть самому с собой. К тому же я никогда не могу понять логику твоих ходов. Хоть какое-то развлечение, — сказал Ким, расставляя фигурки.

Не можешь понять логику? Неудивительно, ее просто нет.

Мы играли примерно час. Как всегда, Ким победил. Я начала собираться.

— Завтра зайду. Кстати, если тебе больше нечего читать, хочешь, я заскочу к твоей сестре и возьму для тебя пару книг?

По Кимову лицу пробежало неприязненное выражение, какое всегда у него бывает, когда речь заходит о его сестре.

— Возьми. И раз ты туда пойдешь, то заодно отнеси ей вот эти книги. Я все забываю их вернуть, — сказал он, указывая на горку толстенных фолиантов.

Я вздохнула. Ну кто тянул меня за язык?

Сестра Кима владела букинистическим магазином, который располагался в Крестовом переулке. Магазин легко узнать по железному флигелю в форме раскрытой книги. Покачиваясь под башней пыльных книг, я боком открыла дверь и зашла внутрь.

— Ау! Здесь есть кто живой?

Книжная лавка была сплошь заставлена высоченными полками, до отказа набитыми книгами, по своему количеству соперничающими с библиотекой. Здесь можно разыскать книги, имеющие собственную вековую историю. Сменяя владельца за владельцем, они видели всю подноготную жизни, ведали все секреты, все пороки, пока однажды кто-то не принес их сюда.

— А кто их просит? — раздался знакомый голос. Я высунула голову. — А, госпожа гренадер, не часто вас здесь увидишь. Особенно не с кулинарным чтивом в руках. Чем помочь?

— Привет, Жюли! Я от Кима. Он просил тебе передать, вот, — ответила я, с грохотом опуская книги на стол.

Девушка пробежала по корешкам пальцем.

— Он их год возвращает, — усмехнулась она. — Составишь мне компанию? У меня как раз перерыв. Не откажешься от чая?

— Еще спрашиваешь! — с готовностью приняла я приглашение.

Мысль о недавнем чаепитии с Кимом меня не мучила. Ведь прошло полчаса. Жюли провела меня в комнату за прилавком. В нос сразу ударил ни с чем не сравнимый запах кофе. Девушка жестом указала на кресло.

— Кофе тебе не предлагаю, насколько помню, ты его не пьешь. Кстати, почему?

— У меня на него неадекватная реакция, — неохотно призналась я.

— В самом деле? И какая же?

— Ну, я становлюсь довольно буйной. Даже сильнее, чем обычно. А потом мне отшибает память. Я ничего после него не помню. Кофе для меня хуже алкоголя.

— В самом деле? Как интересно. — Жюли протянула мне чашку чая, а сама вместе с кофе села на соседнее кресло.

Жюли приходилась старшей сестрой Кима, на пять лет старше его. Худая девушка, с черными короткими всклокоченными волосами и такими же, как у Кима, золотыми глазами, под которыми темнели круги. Безразмерная кофта в пеструю полоску, вечно сползающая с одного плеча, рваные брюки, подкованные ботинки и массивные браслеты на тонких руках — внешний вид производил весьма смазанное впечатление. Жюли редко заботилась о своей внешности, но, как и у брата, у нее был острый ум. Днем она продавала книги, а ночью занималась специальными заказами. Она переводила старые свитки, книги, карты, а также работала внештатным шифровщиком и дешифровщиком ЗОГа. Но в отличие от Кима Жюли была милой и улыбчивой девушкой.

— Так как поживает братик?

— Чахнет, — небрежно бросила я. — Я удивляюсь, как он еще астму себе не заработал. В его доме пыли больше, чем в любом запущенном склепе! Можно? — спросила я, указывая на тарелку с печеньем.

— Угощайся, — кивнула Жюли, и я быстро накинулась на угощение. — Да, с тех пор как Ким стал жить в доме один, он, похоже, ни разу не наводил там порядок. Брата нельзя назвать грязнулей, за собой он, конечно, следит, разве что не причесывается, но уборка — это выше его сил. В конце концов, он лентяй, каких свет не видывал.

На кресло рядом с девушкой запрыгнула Гроза. Замурлыкав, она начала ласкаться. Жюли, не глядя, принялась ее гладить. Я прекратила изображать хомячка с печеньем и посмотрела на черную кошку. Многие считали кошек ласковыми и милыми существами. Лично я им не доверяла. Как говорят, люди делятся на две категории — те, кто любит собак, и те, кто любит кошек. Я любила хорьков. Но если придется выбирать из первых двух, то я остановлюсь на собаках. Может быть, работа дает свое.

— Ким просил взять у тебя пару книг. Ему больше нечего читать, — вспомнила я, когда с тарелки исчезла последняя крошка.

— Вот как. Когда ты навестишь его в следующий раз?

— Собиралась завтра.

— Сперва зайди ко мне. Я отберу книги, а завтра передам тебе.

— Отлично! Спасибо за угощение. Было вкусно, — поблагодарила я. — А для меня никакой литературы не найдется?

— Мне попался на глаза сборник «Кухни Востока» с иллюстрациями. Если найду, то передам вместе с книгами брата.

— Было бы здорово! — улыбнулась я, прощаясь с Жюли.

Остаток дня также напоминал марафон. Домой я вернулась сытой и счастливой. Я прошла к себе в комнату и, довольная, упала на кровать. Подо мной что-то зашевелилось, я

перевернулась. Из-под складок одеяла выполз Шнурик, по виду напоминающий оладушку. Хорек недовольно обшипел меня, вновь приняв свою сардельковидную форму.

— Прости, дружок, я тебя не заметила, — извинилась я.

Меня клонило в сон. Сладко зевнув, я обняла подушку, готовясь проспать до самого утра. Тут над моим ухом раздался звон, точно два локомотива столкнулись друг с другом. Я подпрыгнула на месте. Перевернувшись на живот, я ошарашенно открыла глаза. Передо мной стояла знакомая и отнюдь не желанная фигура. Влас держал в одной руке сковородку, а в другой кастрюлю. Вот тебе и «локомотивы». Хорошо, по голове не догадался постучать.

— Подъем! — скомандовал он.

Я старательно начала тереть глаза, пытаюсь избавиться от жуткого видения.

— Какой еще подъем?

— Ты мне нужна, — коротко сказал Влас.

— Чего?!

— Для работы, — уточнил он.

— Чего?! — Тут сон окончательно от меня сбежал. — Какая работа?

— В моем баре. Мне нужен гренадер.

— Так обратись в ЗОГ! Меня зачем трогать! — проворчала я, переворачиваясь на бок, спиной к Власу.

Мужчина дернул за край одеяла, и я скатилась с кровати.

— А ты кем работаешь? — едко уточнил он.

— Гренадером, — ответила я, потирая ушибленное место. — Но не за спасибо, и не в сверхурочное время! А деньги нам лично нельзя принимать, так что топай в Отдел!

— Бегу и спотыкаюсь! И кто сказал, что ты будешь работать бесплатно?

— И чем ты собираешься платить?

— Едой, — с ходу ответил Влас.

— Не смей мои тапочки! Кстати, где они? А, нашла! Откуда у тебя в баре приличная еда?

Раз это бар, то там преобладают спиртные напитки. А за орешки я работать отказываюсь.

— Выходит, утиная грудка в кисло-сладком ананасовом соусе для тебя неприличная еда?

— Я согласна! — не задумываясь, выпалила я.

— И всего-то, — проворчал Влас. — Держи — форма моего бара.

— На кой она мне? — удивилась я, подбирая с кровати одежду.

— Я не могу притащить туда гренадера. Пойдут слухи. Будешь работать под прикрытием в качестве официантки.

— Что?! Учти, такое не обойдется тебе в одну утку!

— Ладно, дам тебе и молочного поросенка за вредность. Идет?

— Не обманываешь? — насторожилась я внезапной щедрости.

— Нет. Я держу свое слово, — серьезно ответил мужчина.

— Что за работа хоть? — смягчилась я.

— Необходимо кое за кем присмотреть.

— Присмотреть?

— Придешь в бар, объясню. Будь там в десять. А мне пора. И не опаздывай, а то шею сверну!

Я почесала затылок, опустила глаза и посмотрела на раскиданную по кровати форму. У меня что, судьба такая — все время работать прислугой?

Ночной город. Прекрасный и опасный. Он олицетворял дьявольскую красоту. Разноцветный свет иллюминаций притягивал особый тип людей. Люди тянулись к нему словно мотыльки к огню. Как и огонь, злачные заведения несли наивным невеждам гибель. Ночь — время хищников, точащих днем когти, а с темнотой обнажая их. Я никогда не считала себя добычей. Но сегодня шла осторожно, прислушиваясь к каждому шороху втайне надеясь не наткнуться на коллег, патрулирующих улицы. Хоть сейчас на мне не надет ошейник, в лицо меня знала каждая собака Отдела, и не только собака. А мне меньше всего хотелось быть застигнутой в подобном виде. Что за форма в баре у Власа! Ха, а я, наивная, жаловалась на одежду в «Сохатом»! Она, по крайней мере, была приличной! Сейчас же на мне черная обтягивающая юбка такой длины, что, наклонись я, обзор будет самый лучший; чулки; лакированные туфли на высоких каблуках, предательски цокающие по мостовой; белая строгая рубашка и черная жилетка. Не спорю, я девушка свободных взглядов и неробкого десятка. Вид и количество одежды меня слабо волновали. Но я боялась попасть знакомым на глаза. Не хочется придумывать глупые оправдания, почему в мини-юбке я шляюсь ночью по подворотням. А признаваться, что я «продалась» за еду, хочется еще меньше.

— Вроде пришла, — сказала я невесть кому, сверяя запись на листочке с надписью на указателях: «Улица Мракобеса». — И где бар?

Я покрутила головой. Взгляд упал на железный козырек, прикрывающий ступени, которые вели вниз под мостовую. Неоновая надпись: *Бар «Порок»*, горящая кровавым светом, приветствовала посетителей. Многообещающее название. Интересно, Влас сам его придумал? Постояв пару секунд, я набрала в легкие побольше воздуха и принялась спускаться вниз. Вначале я слышала лишь цоканье своих каблуков. Затем с каждой ступенью до меня все четче и четче стал доноситься гомон голосов и звуки музыки. Внезапно возникла дверь. Крепкая такая. Я даже в потемках треснулась об нее лбом. Костеря соседа за излишнюю экономию электричества, я дернула на себя ручку двери и очутилась в совершенно незнакомом мире.

В глаза ударил яркий свет. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы проморгаться. Разноцветные пятна начали принимать форму людей. Мужчины в изысканных костюмах и женщины в вызывающих платьях, смеющиеся, флиртующие, курящие, сжигающие свою жизнь и деньги. Сигаретный дым душащим туманом заполонил весь потолок. В центре зала стояла рулетка, возле которой толпились заядлые игроки. Им ничего не стоило спустить все состояние за раз. Чуть поодаль играли в бильярд. Игра менее азартная, но ставки здесь не уступали рулетке. На постаменте возле стены возвышался белоснежный рояль; облокотившись на него, пела женщина в искрящемся платье, с накинутым на обнаженные плечи боа из перьев. Бар был отделан темным деревом и бордовыми коврами. Смотрелось очень шикарно и дорого. Но обилие шика и роскоши, отсутствие правил и ограничений медленно, незаметно вытягивали из глубины человеческих душ самые порочные мысли и желания. Не стесняясь, не стыдясь, оставляли их на виду. Здесь нечего было скрывать. Да, название подходило идеально.

Я раньше не посещала бары. Привыкшая к грязным трактирам, дорожным пивным и домашним рестораникам, я пребывала в культурном шоке. От сигаретного дыма начинала

кружиться голова. Я чувствовала, как меня неумолимо тянуло в этот омут. Еще чуть-чуть, и я утону. Вдруг меня неожиданно дернули за плечо, вырвав из оцепенения. Я повернула голову и увидела Власа.

— Сделай лицо попроще! Всех посетителей распугаешь! Челюсть-то подыми!

Челюсть-то я подняла, только это не помогло. Она тут же упала обратно. Я не узнавала своего соседа. Обычно я видела Власа или бессознательным телом, валяющимся на диване, или небритым субъектом в мятой рубашке, ворчливо бродящим по дому. Но сейчас... В шикарном костюме, гладковыбритый и причесанный, он вызывал у меня внутреннее чувство восхищения, смешанное с отвращением. Я еле смогла отвести взгляд от его величественной фигуры. В ту секунду, к своему стыду и задетой гордости, я поняла, почему на него вешаются женщины. Мужчина, смекнув, что не добьется от меня адекватной реакции, вздохнул, взял за руку и куда-то повел. Обойдя перегородку, отделяющую узкий коридор от зала, мы зашли в комнату, которая оказалась кабинетом. Усадив меня, Влас сел в кожаное кресло за стол.

— Вау! — смогла наконец выдохнуть я.

— Впечатлена?

— Еще как! Ты говорил, что *всего лишь* владеешь небольшой ночной забегаловкой! Хороша «забегаловка», ничего не скажешь!

— Мой бар не самый популярный в городе. Его можно назвать забегаловкой, — небрежно махнул рукой Влас.

— А что, таких в городе много?

— Еще как! — усмехнулся он. — Но речь не об этом. В себя пришла? Работать будешь или и дальше ртом мух ловить?

— Буду! В смысле работать. За кем смотреть?

Влас кинул на стол три фотографии. На них изображались два парня и одна девушка.

— За ними. Это мои работники. Тит, Шо и Фуми.

— А кто из них кто? — растерялась я.

— На месте разберешься.

— И по какому поводу им такая честь?

— Последние несколько недель эти трое постоянно исчезают во время работы.

— Исчезают?

— Да, притом в самом прямом смысле.

— В прямом?!

— В баре только один вход и выход. Нет никаких окон, люков и тайных ходов. При покупке помещения я лично все проверил. Возле выхода постоянно дежурит охранник. Войти или выйти, оставшись незамеченным невозможно. Тем не менее эта троица каждый вечер куда-то пропадает. Иногда они возвращаются обратно в тот же день, но в таком неадекватном состоянии, что толку с них нет. Я устроил им допрос с пристрастием. Ничего кроме клятвенных заверений о добросовестной службе я не услышал. На вопросы об их состоянии ссылаются на духоту в зале. Согласен, там душно. Я работаю над улучшением вентиляции. Но, как правило, от нехватки кислорода теряют сознание, а не ходят как очумелые. У меня нет времени с ними нянчиться. Поэтому я поручаю это тебе. Узнай, как и куда они пропадают.

Я вновь посмотрела на снимки. Люди как люди. У магов, конечно, на лбу не написано, что они маги. Проблемка. Но если магическая молодежь решила подработать, то выбрала бы себе заработок, связанный со своей будущей специальностью, а никак не работу

официантами. Купили магические артефакты? Влас, скорее всего, проводил личный досмотр. Нашел бы какую-нибудь подозрительную побрякушку, проверил бы. Какие еще варианты? Эх, сюда бы Кима.

— Может, они напиваются?

— Если только внутривенно. Алкоголем от них не несет. Чем-то другим, но слабо.

— А уволить их и не страдать головной болью ты не думал?

Влас посмотрел так, будто я ляпнула полную глупость.

— Уволить, и все? Дешево и сердито. Меня не устраивает. Когда за *моей* спиной, в *моем* баре творятся странные вещи, я не успокоюсь, пока не разберусь с ними. Если я закрою глаза на проблему, не узнав причины, какой из меня начальник? И где гарантия, что все не повторится? Нет, исключено, — скрестив руки на груди, твердо сказал он.

Дело ясное, что дело темное. Легких путей мы не ищем. Большое Власово это не облегчит мне работы.

— Все с тобой понятно. Пожалуй, мне пора приступать. А кстати, что мне делать?

— Я только что объяснил. Ты чем слушала?

— Я не про слежку! — отмахнулась я. — А про работу официантки.

— Будешь разносить выпивку. Дело несложное, даже такая бестолочь справится. Но что-нибудь разобьешь — вычту с твоего Отдела. Думаю, он будет счастлив. Иди к бару, там Кронид даст указания. Клиенты бывают весьма развязными. Ты не должна ввязываться в драки. Будут проблемы, зови охрану. Акира! — окликнул меня Влас, когда я подходила к двери. — Шарф зачем напялила? — спросил он, указывая на пеструю ленту, повязанную у меня на шее.

Я, наученная горьким опытом, обреченно показала незагорелый след. Вопросы отпали.

— Привет! Это вы Кронид? — спросила я, заглянув за барную стойку, у сидевшего на корточках человека.

Мужчина резко встал, я еле успела убрать голову.

— Я. Ты новая официантка?

— Угу. Я Акира. Влас сказал, вы будете давать мне указания.

— Ясно. Два коктейля отнесешь вон к тому столику. Потом вернешься обратно. Понятно?

— Да, — кивнула я, ставя на поднос напитки.

Протолкнувшись через людей, я дошла до нужного столика. Увлеченные беседой люди даже не заметили меня. Выполнив поручение, я взяла поднос под мышку и пошла в обратную сторону. Тут я заметила девушку с модной стрижкой лесенкой. Она тоже шла с пустым подносом. А вот и один из трех объектов наблюдения. Мы столкнулись возле стойки.

— О! Ты новенькая? Раньше я тебя не видела, — с интересом спросила она.

— Да, я только первый день работаю. Я Акира, — протянула я руку.

— Фуми, — пожала она.

— Эй, девочки, поговорите потом! У нас много заказов, — прервал наше знакомство Кронид, нагружая подносы.

— Конечно, конечно. Не ворчи. Идем работать, крошка Акира, — шутливо подхватив меня под локоть, сказала девушка.

Два часа я провела, то и дело бегая по залу, разнося напитки. Когда я в двухсотый раз

подошла к стойке, Кронид объявил:

— Можешь отдохнуть. У тебя часовой перерыв. Хорошо поработала. Шо! А вот твой перерыв как раз закончился, — сообщил бармен, вручая подошедшему парню поднос.

— Я в курсе, — сонно отозвался он. — А ты кто?

— Я новенькая. Меня зовут Акира.

— А! В нашем полку прибыло? Приятно познакомиться, я Шо.

— Шо! Хватит филонить! Принимайся за работу, — не унимался Кронид.

— Да иду я, иду. Поговорить уже нельзя, — проворчал парень, удаляясь.

Я внимательно посмотрела ему вслед.

— Советую не общаться с этим дуралеем, — сказал бармен, протирая бокалы.

— Почему?

— Он, Фуми и Тит, вон он убирает с крайнего столика, потерянные люди.

— Они так часто теряются?

— Это тоже, — усмехнулся бармен. — Сами по себе они неважные работники. Не понимаю, почему босс их до сих пор держит?

— Самолюбие, — проворчала я.

— Что?

— Ничего. — Вдруг я заметила, как Фуми скрывается за какой-то дверью. — Что там?

Кронид пригляделся.

— Туалет. Тебе туда нужно?

— Уже да, — ответила я, идя в заданном направлении.

Туалет оказался малопримечательным. Ряд кабинок и раковины с большими зеркалами. Я облокотилась об одну из раковин и стала ждать. Прошло десять минут. Сколько можно? Она хоть в женский туалет зашла? Вдруг в мужской? Да нет, вроде сюда. Я нагнулась. Ног нигде не было. Странно. Мне сразу представилась парящая над унитазом фигура. Не выдержав, я начала поочередно распахивать двери. На одной из них висела табличка с надписью: «Не работает», но я и туда заглянула. Пусто. Ее что, засосало?! Я с опаской подошла к рабочей кабинке и осторожно дернула за рычажок. В толчке спокойно зашумела вода, спускаясь в канализацию. Я простучала стены и изучила раковины. Я исползала туалет вдоль и поперек. Ничего. Не понимаю. В расстроенных чувствах я вышла из туалета. Ну вот одну упустила! Главное — не падать духом. У меня в запасе две жертвы. Но куда, святая ватрушка, она могла деться?!

— Эй, детка, чего скучаешь? — Я удивленно подняла голову, с запозданием сообразив, что обращаются ко мне.

Напротив стоял слегка пошатывающийся мужчина с пустым стаканом в руке.

— Я не скучаю. Задумалась, — вежливо ответила я, вспоминая наставления Власа про «не ввязываться в драки».

— Думать — неподходящая работа для такой симпатичной девушки, — развязно произнес мужчина. Да, Ким мне тоже часто говорит, только без «симпатичной девушки». Я глупо улыбнулась и попыталась его обойти. Он сделал шаг, преградив мне дорогу. — Давайте я вас угощу?

— Спасибо, я не пью, — ответила я, делая попытку обойти ухажера с другой стороны.

Мужчина последовал за мной.

— Вы за здоровый образ жизни? Правильно. Алкоголь только портит людей! — сказал он, демонстративно разбивая стакан об пол. — Тогда, может, займемся чем-нибудь другим?

Я тихо завывала. Плохо, когда девушка неспособна за себя постоять. Ужасно, когда способна, но нельзя! Я лихорадочно начала искать глазами охранника, как назло, он оказался в противоположной стороне зала. Ухажер назойливо приближался. Я лихорадочно начала прикидывать, смогу ли тихо его вырубить и спрятать в туалет? Заодно проведу эксперимент по исчезновению. Но я была спасена. Точнее, ухажер. Сильная рука легла на плечо мужчины. Он вздрогнул.

— Извините, выход находится в другой стороне, — раздался властный голос Власа.

Мужчина с опаской повернулся.

— Но мне не нужно... — Хозяин бара посмотрел на него взглядом, не допускающим возражений. — Хотя вы правы. Да, мне пора уходить, — затараторил он, убегая от нас.

Я облегченно вздохнула. Потом пискнула. Влас больно схватил меня за руку выше локтя и повел к бару.

— Ты чего стояла как вкопанная?! Ждала, пока он тебя разденет?!

— Чего?! Нет! Я не хотела ломать ему нос, то есть идти на конфликт!

— И поэтому решила сложить лапки?!

— Скорее он бы их сложил! До твоего охранника было слишком далеко!

— А чего поперлась на другой конец зала? У тебя же перерыв!

— Я работала! Фуми пропала, — сообщила я нерадостную новость. Влас остановился.

— Ну и толку с твоей работы! Вон, — он повернул мне голову, — Тит и Шо. Следи за ними. И не разговаривай с клиентами! Морду кирпичом и иди мимо.

— Это как?

— Мне принести кирпич для демонстрации? — сквозь зубы спросил мужчина.

Я покачала головой. Влас удалился. Тоже мне благодарность за нелегкий труд! Я обиженно надула губы и, сложив на груди руки, стала следить за суетящимися фигурами. Прошел час.

— Акира, перерыв закончен. Приступай к работе, — сообщил мне Кронид.

Я уныло взяла поднос.

Я работала до пяти утра. Бар потихоньку начал закрываться. Последние клиенты ушли, и в зале стало непривычно тихо и пусто. Тит и Шо за весь вечер никуда не пропадали. А вот Фуми так и не вернулась. Я закончила вытирать столы и теперь сидела за стойкой, болтая льдом в стакане.

— Жизнь не удалась, и ты решила утопить свое горе в стакане вишневого сока? — саркастически поинтересовался Влас.

Я угрюмо посмотрела на него. Сейчас он был без галстука, с расстегнутым воротом и держал в руках пиджак. Мужчина присел рядом.

— А не пошел бы ты, Влас... бегать? Знай, я до правды докопаюсь.

— Конечно, докопаешься! Иначе я не заплачу. — Влас посмотрел на часы. — Тебе пора домой. Выспись. Этой ночью ты снова будешь на ногах.

Я допила залпом сок и покинула «Порок». Выйдя на свежий воздух, я остро почувствовала всю свалившуюся усталость. Не помню, как я добралась до дома и повстречался ли мне кто на пути. Мне было совершенно плевать. Главное, я упала на свою кровать. Или все-таки мимо? А, ладно, потом разберусь!

Проснулась я оттого, что мне старательно отгрызали ухо. Не открывая глаз, я привычно

убрала с лица хорька. Разлепила веки. Сфокусировала взгляд на часах. Двенадцать. Пора вставать. Мне нужно сходить за книгами и навестить Кима. Я подняла свое тело в вертикальное положение. У-е! От боли у меня заныла левая рука и обе ноги. А чего я ожидала? Весь вечер проходить на каблуках, таская одной рукой тяжелый поднос! Я посмотрела на свои ноги, на одной проступила мозоль. Чудно. Стиснув зубы, я принялась одеваться. Сегодня ночью мне предстоит пережить этот кошмар снова. Я умру! Нужно крепиться. Все мучения ради утки и молочного поросенка. Я смогу! Я сильная!

Оказавшись на улице, я вздохнула полной грудью. Немного полегчало. А завтрак в кафе на Художественной площади, состоящий из копченого лосося, жареного бекона, трех булочек, чашки чая и яблочного пирога, окончательно поставил меня на ноги. Но не избавил от тяготящих мыслей. Что вчера случилось? Куда, а главное, как пропала Фуми?

Забрав книги у Жюли, я двинулась к Киму. В этот раз у напарника на столе громоздился метровый картонный домик. Здоровье не спеша шло на поправку.

— Что тебя беспокоит? — неожиданно спросил Ким за моим третьим чаепитием.

— С чего ты взял, что меня что-то беспокоит?

— В задумчивости ты десятый раз макаешь печенье в чай. От него почти ничего не осталось.

Я, ойкнув, поспешила спасти остатки печенья.

— Ты прав. Меня кое-что беспокоит, — призналась я.

— И?

Я замаялась. Не могу решиться, стоит ли говорить о сверхурочной работе Киму или нет. Мне не хотелось иметь лишних секретов от друга, но меня коробило при мысли выложить все начистоту. Ким вздохнул.

— «В этом нет секрета, но я не знаю, стоит ли ему говорить». Угадал?

Я ошарашенно уставилась на парня.

— Да, но как?

— У тебя все на лице написано, — пояснил он. — Тебе решать, говорить мне или нет. Но если хочешь получить совет, хоть намекни, в чем проблема.

— Бесследно пропал один человек... — начала я, но Ким меня перебил:

— Так не бывает.

— Люди не пропадают?

— Пропадают — да. Бесследно — нет. Что-то всегда остается. Следы, отпечатки, выделения, запах...

— Запах? Запах! Ким, ты гений! — вскричала я, радостно поцеловав напарника в щеку. Ким ошарашенно отшатнулся. — Мне пора! Спасибо!

— Да не за что, — проговорил он, смотря на оседающую на полу пыль.

— Привет, Адзурро! — поприветствовала я главного смотрителя Отдела за собаками.

Парень поднял голову и улыбнулся. Сейчас время кормежки, и он стоял с тележкой, заполненной собачьими мисками. За сеткой с лаем носились голодные подопечные.

— Привет, Акира. Ты по работе?

— Нет, по личным нуждам. Тебе помочь?

— Не откажусь.

Я принялась накладывать еду по мискам. На жилетке Адзурро блестел серебряный значок Отдела — ошейник и поводок. Значки, в отличие от оперативников с их «собачьими»

атрибутами, носили штатные сотрудники ЗОГа. Молодой парень в своей залихватской бандане, с торчащими то там, то сям прядями волос выглядел слегка небрежно. Но он мог позволить себе подобный вид. Вальтер редко заглядывал во внутренний двор. Главной отличительной особенностью Адзурро был необычный цвет глаз насыщенно-синего цвета. Очень красивые глаза! Только непонятно, кого им очаровывать, когда целые дни проводишь с собаками.

— Так что ты хотела? — закончив кормить собак, поинтересовался смотритель.

— Можешь дать мне Нероша?

— Зачем он тебе? — удивился Адзурро.

— Мне нужно кое-что вынюхать. Пустяк. Ты же мне его дашь, а? — с надеждой посмотрела я на парня.

— Мне не жалко. Но тебе придется официально подать прошение забрать собаку в канцелярии.

— С ума сошел! Вальтер замучает меня расспросами и заставит подписать гору бумаг! Нет, на такое геройство я не могу пойти.

— Но иначе все шишки свалятся на меня.

— А ты говори, что не при делах! Мало ли кто у тебя собаку украл!

— Выбора нет. Иначе ты его и правда украдешь. Я тебя знаю, — вздохнул Адзурро.

Через минуту он привел ко мне рыжего спаниеля. Нерош радостно завилял обрубок хвоста и начал лизать мне руки.

— Он твой, — протянул поводок смотритель. — На сколько забираешь?

— Постараюсь уложиться в два дня. Спасибо! — поблагодарила я, беря собаку на руки.

«Сейчас главное — не столкнуться с Вальтером», — думала я, крадась к выходу.

— Гренадер номер семьдесят семь, что вы делаете с собакой? — раздался назойливый голос.

За что?!

— Несу.

— Вижу, — согласился секретарь. — Прошу показать расписку с разрешением на вынос собаки.

— Ой, смотрите! Несанкционированное сжигание хозяйственных документов! — вскричала я, указывая пальцем за спину Вальтера.

— Где?! — испуганно оглянулся секретарь. — Там ничего нет. Гренадер номер семьдесят семь? Семьдесят семь!!!

— Эй, подъем! — теребила я спящего на диване Власа.

Жаль, сковородку с кастрюлей не догадалась взять. Мужчина поворчал, но соизволил открыть глаза.

— Чего надо?

— Шоколада! У тебя в баре есть раздевалка для сотрудников?

— Есть.

— У Фуми там хранятся вещи?

— Хранятся.

— Дай ключи от бара.

— На столе.

— Спасибо.

— Минутку, — наконец проснулся Влас. — Что за допрос?

— Если все получится, вечером расскажу, — пообещала я. — Нерош, идем.

Влас недоуменно посмотрел на закрывающуюся дверь. Махнул рукой и лег спать дальше.

Я достала из шкафчика расческу и дала понюхать Нерошу.

— Ищи, — скомандовала я.

Пес уткнулся носом в пол. Сделав несколько кругов по залу, мы зашли в туалет. Пес поскреб лапой по «неработающей» кабинке. Я открыла дверь. Нерош понюхал и сел.

— Выходит, здесь она была последний раз. Но куда потом делась? Поищем на улице.

На улице собака потеряла след. Мне пришлось побродить по нескольким переулкам, прежде чем она его вновь взяла. Вскоре Нерош не отнимал носа от земли и так тянул поводок, что мне приходилось бежать. Пес завел меня в темный закоулок, где пахло помоями и валялась гора мусора. Но собака ничуть не смутилась. Спаниель уверенно принялся рыть лапами горку. Меня стали терзать нехорошие догадки. Я присела на корточки и приподняла рваную газету. Знакомое лицо с модной стрижкой лесенкой.

— Вот мы тебя и нашли, — печально вздохнула я.

— Ну что там? — спросила я, поднимаясь со стула.

Больничное крыло ЗОГа мало отличалось от обычной больницы. Белые стены, бледные доктора в белых халатах. Здесь также имелся свой морг. Очень удобно. Тело Фуми доставили сюда для вскрытия.

— Передозировка опиумом, — ответила Роза.

— Смерть ненасильственная?

— Кто знает? Она вполне могла отравиться сама. Но место, где ты ее нашла, выглядит подозрительно. Так или иначе, опиум у нас вне закона. Если где-то в городе открылся опиумный притон, его необходимо найти и закрыть, — твердо решила Роза.

— Угу.

— Акира, а как ты нашла эту девушку?

— Случайно, — туманно ответила я.

— Собаку ты тоже «случайно» взяла без разрешения?

— Почему без разрешения? Нерош согласился со мной прогуляться. Извините меня, шеф, если больше нет вопросов, я пойду.

— Акира, стой! У меня есть вопросы!

— У меня тоже, — хмуро проворчала я. — Не переживайте, шеф, если еще кого-то найду, обязательно вам сообщу!

— Это меня и пугает, — покачала головой женщина.

Придя домой, я застала Власа в бодром состоянии.

— У меня для тебя две новости: хорошая и плохая.

— Ну?

— Хорошая новость — я нашла Фуми. Плохая новость — она мертва.

— Что?!

Я рассказала мужчине все, что узнала сама. Выслушав меня, Влас оделся и направился в бар. Из-за смерти девушки ему придется выполнить какие-то дела. Я здраво рассудила, что имею право до вечера устроить себе перерыв. Усевшись на диване, я решила почитать

«Кухню Востока». Я раскрыла книгу, и мне на колени упала страница. Я удивленно подняла ее. «Не успела книжку прочесть, порвала. Жюли будет не в восторге», — хмуро подумала я. Но мне повезло. Страница оказалась не книжной, а вырванной из газеты. Наверное, предыдущий читатель использовал ее вместо закладки. Я прочитала заголовок: «Искажение пространства. Естественные порталы». Научная статья? Подобные трактаты не для моего ума. Я лениво пробежала статью глазами. И зачиталась.

Этой ночью я пребывала в полной боевой готовности. Разнося напитки, я не спускала глаз с оставшихся двух объектов. Как только Тит и Шо направились в сторону туалета, я последовала за ними. Я так целеустремленно шла, что не заметила летящего мне навстречу официанта с нагруженным подносом. Мы столкнулись, напитки взмыли в воздух. Не растерявшись, я схватила поднос и мастерски поймала все стаканы, не пролив ни капли. Люди вокруг меня захохали и восторженно зааплодировали. В критической ситуации я могу быть весьма ловкой. Игнорируя овации, я всучила поднос недотепе и ринулась в туалет. Разумеется, пусто. Я не растерялась. Распахнув дверь злосчастной кабинки, я сделала шаг внутрь. Реальность вокруг меня начала расползаться. Я с трудом подавила желание опереться о стену. Еще пара секунд головокружения, и все закончилось. Я осторожно ощупала себя. Вроде цела. Ноги, руки на месте. Осмотрелась вокруг. Я все еще в кабинке туалета, но теперь в другой. Эта была намного грязнее. Покинув пределы туалета, я вошла в сильно задымленную комнату. В нос ударил незнакомый вязкий запах. Я быстро прикрылась платком. Мне совсем не хотелось подсесть на опиум. В дымном полумраке на грязном полу сидели и курили люди. Некоторые из них уже мало чем напоминали людей. Здесь были и два моих знакомых, правда в полуобморочном состоянии. Осторожно перешагивая тела, я подошла к незнакомому человеку, который сидел за единственным столом.

— Извините, я воспользуюсь вашим телефоном? — спросила я, указывая на аппарат. Он удивленно кивнул. Я набрала номер. — Здравствуйте, шеф, я нашла опиумный притон. — Мужчина попытался встать со стула, но я схватила его за голову и быстрым движением усадила на место. — Секундочку. Простите, какой у вас адрес? — спросила я у слабо дрыгающейся под моей рукой жертвы.

— Улица Крестonosца, дом четыре, — пропищал мужчина.

— Спасибо! Улица Крестonosца, дом четыре. Хорошо, жду. — Я повесила трубку. — Благодарю за сотрудничество! — улыбнулась я сползающему под стол телу.

— Ну как?

— Восхитительно! — от всего сердца сказала я, доедая утку.

Рядом лежал дочиста обглоданный скелет поросенка.

— Откровенно говоря, я не верил, что в тебя столько влезет, — сказал Влас, смотря на опустошенные блюда.

Я довольно вылизала тарелку.

— И зря. А слово ты действительно держать умеешь, господин невежда. Работа того стоила.

— До сих пор не могу поверить, что у меня в туалете естественный портал! Как ты о нем узнала?

— Прочла умную статью.

— Ты такие читаешь? — съязвил мужчина.

— Представь себе! Тогда я подумала, что странные исчезновения могут происходить по

вине портала. И я угадала!

— Но раньше его не было!

— А теперь есть! Прорвало магическую жилу, и он сформировался. Бывает.

— И что мне с ним делать?

— Вызови мага и попроси закрыть. А здорово твои ребята придумали таким путем попадать в опиумный клуб! Тебе стоит лучше выбирать рабочих. Одни наркоманы!

— Молчи, мелочь, — ворчливо отмахнулся Влас. — Это они перенесли тело Фуми?

— Наверное. Она скончалась от передозировки. А им не нужны трупы в качестве антуража. Ну, мне пора.

— Давай. И спасибо за работу.

— Пожалуйста. Но не всегда!

— Не дай бог!

Зайдя к Киму, я застала его читающим газету.

— Ну, рассказывай.

— Что рассказывать?

Ким развернул газету и указал на заголовок: «Опиумное разоблачение». Под заголовком была фотография, на которой я выводила связанного Шо.

— Фотография в «Кабане» мне понравилась больше, — почесав затылок, призналась я.

— Еще бы. Я слушаю, — скрестил руки друг.

Я вздохнула.

— Все началось с утиной грудки в кисло-сладком ананасовом соусе.

Отчет 6

Север

Успех — это умение двигаться от неудачи к неудаче, не теряя энтузиазма.

Уинстон Черчилль

— А вот и я! Смотри, что я принесла! — Тарелки со звоном водрузились на стол. От кусков мяса потянуло щекочущим ноздри запахом. — Какой аромат! Есть прелесть в простой деревенской еде! Ким, хватит хмуриться! У меня складывается впечатление, что ты уже родился с морщинками на лбу. Давай есть, — бодро толкнула я в бок сидящего на кровати напарника.

Ким косо посмотрел на еду.

— Лучше бы ты мне грелку принесла, — проворчал он, кутаясь в одеяло.

— Ну извини. Я честно спрашивала. Грелки ни у кого не нашлось. Сейчас весна. Морозы не такие сильные, — пожала я плечами, садясь на кровать и приступая к еде.

— Страшно представить, что у них зимой, — пробурчал Ким себе под нос, критически тыкая вилкой в мясо. — Это кто?

— Бобр, — ответила я, уже вылизывая пустую тарелку.

Эх, жалко, порции маленькие.

— Его едят?

— Да, и на вкус он неплох. Эй, прекрати! Вот твоя порция, — проговорила я, отпихивая неугомонного хорька ногой. Шнурик, получив тушку цыпленка, радостно потащил ее под кровать. Вскоре оттуда стало доноситься деловитое чавканье и хруст.

— Зачем ты взяла его с собой? — спросил Ким, когда хорек, облизываясь, вылез за добавкой. Я подняла Шнурика на руки.

— Мы уезжаем на долгое время, и я не могу оставить его Власу. А на Севере у Шнурика много родственников: куницы, горностаи, росомахи. Здесь мало населенных мест и дикая природа. Я думаю, он будет рад повстречаться со своей родней! Во всяком случае, подышать свежим воздухом тоже полезно! — тиская зверька, пояснила я. — Ким, что за лицо?

— Все нормально. А свитер?

Я с серьезным видом осмотрела хорька.

— Думаешь, горизонтальные полоски его полнят?

— Вопросов больше нет.

Зверек вырвался из рук и стал гнеститься в одеяле. Одетый в черно-белый полосатый свитер, он напоминал уголовника. Природная маска только добавляла сходства.

— Если ты замерз, давай я схожу вниз и попрошу чая? — милостиво предложила я напарнику.

— Давай, — согласился парень, накрываясь с головой.

Когда нам сообщили о задании по доставке некоего секретного послания на далекий и бескрайний Север, Кима чуть удар не хватил. Нам потребовалось четыре дня, чтобы добраться до Оста, первого небольшого городка на границе Севера и Запада. Несмотря на весенние дни, здесь все еще лежал снег и царил вечный холод. Становилось жутко при

мысли о дальнейшем странствии в глубь этой неприветливой страны. Но на крохотном и ветхом постоялом дворе, где сквозило из всех окон и щелей, встречались милые люди. Я подошла к столу, за которым сидел пожилой мужчина, самозабвенно чистивший морковь.

— Простите?

— Что такое? — Мужчина оторвался от работы. — А, юная воительница! Пришли за добавкой?

— А можно?!

— Вроде на кухне что-то осталось.

— Спасибо! Не нальете и чаю для моего напарника? Он очень мерзлявый, — насмешливо пояснила я.

Мужчина с кряхтением встал, поднимая чайник с углей в камине.

— Ему следует привыкать. В Осте погода нас балует. Но вы говорили, что отправляетесь дальше на север, там и весной лютые холода. Ваш чай.

— Он уже в предвкушении, — усмехнулась я. — Так что на счет добавки?

— Сейчас принесу, — улыбнулся мужчина.

Я села за стол. Пламя свечей отражалось в мутной воде чая. Электричества тут не было. Провода замерзали и обрывались. Следить тоже было некому. От чашки, закручиваясь узлами, вился горячий пар. На этом грязном дряхлом постоялом дворе возле камина было тепло и уютно. Поневоле забывалось о невзгодах, проблемах, пронизывающем холоде, жалящем случайных прохожих, и щемящем сердце одиночестве чужестранника. Иногда хотелось ничего не делать. Только сидеть и греться. Ни о чем не думать. Застыть в вечном потоке суетных дней. Лишь бы никто не трогал. Но кто-то всегда найдется.

— Вот ваша добавка. — Представшая передо мной тарелка вывела меня из оцепенения.

Всегда найдется...

— Приятного аппетита! — Я накинулась на еду.

— Спасибо!

— Что, уже все?! Так быстро?! — ошарашенно спросил мужчина, не веря своим глазам. Даже под стол заглянул, вдруг еда туда упала.

— Угу, было очень вкусно, — кивнула я, беря чашку и как можно быстрее скача по ступеням. Я боком толкнула ветхую дверь. Одна из петель жалобно заскрипела, но удержалась. — Горячо, горячо, горячо! А-а-а! Фу-фу. — Поставив чашку, я усиленно начала дуть на покрасневшие руки.

Ким протянул закоченевшие пальцы к долгожданному кипятку.

— Тебя не холодно? — задумчиво изучая меня, спросил он.

— Мне? Нет! Прохладно, но терпимо.

— А я смотрю на тебя и мерзну.

— Почему?

— Тут дубак, а ты умудряешься в мини-платье ходить.

— Не такое оно и мини, — заступилась я, разглаживая свое шерстяное обтягивающее платье.

— Ага, всего на двадцать пять сантиметров до колен не доходит.

— Зато оно теплое! И в нем глубокие карманы для мелочей. Да и я в плотных колготках.

— В дубленке тоже карманы глубокие?

— Честно говоря, не очень... А она-то тебе чем не угодила?!

— Она едва до пояса.

— Зато капюшон есть! Вообще, Ким, ты чего к моему внешнему виду прицепился? Не помню, чтобы ты разбирался в моде.

— Не разбираюсь, — признался друг, массируя виски. — Прости. У меня от холода мозг начал отмерзать. Ты узнала, как добраться до Снегиря?

— Лучше бы язык отмерз, — проворчала я. — Узнала, когда ходила за ужином. Завтра в девять часов утра отсюда уходит поезд. Он идет до портового города Айсберг, оттуда по Ледяному каналу мы можем переправиться в Снегирь, — рассказала я наш маршрут, сверяясь с картой.

— У меня от одних названий мороз по коже, — поежился парень. — Из этой глуши действительно ходят поезда?

— Да, но только в весенние и летние месяцы. Во все другое время рельсы заносит снегом, и это становится невозможно.

— Понятно.

— Эй, прекрати! — Я отобрала у хорька варежку, у которой старательно отгрызали помпон. — Еще один критик нашелся, — фыркнула я, пряча ее в карман.

Шнурик, не особо расстроившись, спрыгнул с кровати и принялся отгрызать помпон с сапога. Я вздохнула, взяла зверька и посадила его в сумку-переноску. Хорек протестующе заскреб по дну.

— Значит, завтра отправляемся, — задумчиво произнес Ким, делая маленькие глотки и смотря в окно. Горели редкие огни чужих домов. Завывающе подул ветер. Все огни разом потухли. — Давай ложиться. Если я не околею этой ночью, то завтра поедем в Айсберг.

— Не переживай. Если ты окочуришься, я могу и без тебя поехать. На обратном пути тело заберу. При такой температуре оно не протухнет!

— Спасибо, Акира, ты настоящий друг, — сдержанно поблагодарил меня Ким.

— Всегда пожалуйста! — улыбнулась я, задув свечу. Комната погрузилась во мрак. — Ким?

— Что?

— Если ты помрешь, можно я съем твой завтрак?

— Он весь в твоём распоряжении.

— Ким?

— Да?

— Ты тоже настоящий друг!

— Стараюсь.

Наутро Ким остался живым, и я лишилась второй порции завтрака. Попрощавшись с хозяином двора и получив от него по бутерброду в дорогу, мы отправились на станцию.

— Северяне такие интересные, — заметила я, рассматривая проходящих мимо людей.

— И чем же? — спросил Ким, натягивая по самые глаза шарф.

Я украдкой улыбнулась. Мой подарок неказистый, но парень честно его носил.

— На Западе русые, рыжие, брюнеты. На Севере, сколько я ни смотрю, у всего местного населения белые волосы и голубые глаза. Ресницы и то белого цвета!

— Маскировка.

— Маскировка?

— Белые волосы не выделяются на белом снегу.

— Но зачем маскировка? Животным она нужна для выживания, а людям?

— Тоже. Похоже, пришли, — сообщил Ким, останавливаясь перед аркой, на которой висела табличка «Железнодорожный вокзал Оста».

— А это у вас что? — с подозрением спросил кассир, указывая на висящую у меня через плечо переноску со Шнуриком.

— Хорек. Вы животных не возите? — с беспокойством спросила я.

— Да нет, возим: собак, мелкий рогатый скот, птиц. За всех отдельная цена. А с вашего хорька я не знаю, сколько брать. Эй, Умино! Сколько брать с пушного зверя? — спросил мужчина у соседнего кассира.

— Не знаю. А сколько стоит его шкура? Может, по такой цене билеты и давать?

— Какая шкура?! — вскипела я, стукнув кулаком по стойке. У кассира слетела фуражка.

— Акира, остынь. Люди честно выполняют свою работу. Вы же сделаете нам скидку? — спросил Ким, «невзначай» поправляя поводок на поясе.

Деловито откашлявшись я расстегнула ворот дубленки, блеснув стальными шипами.

— Ну, думаю, ради исключения можно, — быстро решил мужчина, протягивая нам билеты.

— Спасибо.

Я, обдав кассиров презрительным взглядом, развернулась и прошла к станции.

— Когда отправляемся? — спросил Ким сам себя, щуя глаза, вглядываясь в вокзальные часы.

Было без десяти девять. Мы подошли к стоящему возле платформы поезду. У вагона проводник сонно проверял билеты. Желающих прокатиться немного. Все простые провинциальные северяне — беловолосые, в потрепанных дубленках и в изношенных сапогах. Но я заметила одну темноволосую девушку в бархатном платье и белоснежной шубке. Из маленькой сумочки она достала билет и протянула его проводнику. Он равнодушно кивнул и пропустил ее в вагон. Девушка слегка дрожащими руками положила билет обратно и с опаской стала подниматься по ступеням. Интересно, что такая молодая и, судя по одежде, знатная госпожа делает на Севере, тем более одна? Я хотела поделиться своими замечаниями с Кимом, но заметила, что парень внимательно провожает девушку взглядом. Лицо напарника стало напряженным.

— Что-то не так?

— Да. — Он перевел взгляд на меня. — Наша очередь, давай билеты.

Поезд пустовал. В купе сидело по одному, и совсем редко больше двух человек. Похоже, все предпочитали проводить путь в одиночестве. Мы тоже расположились в одном из пустующих купе. Я отодвинула занавеску и посмотрела в окно. Темень. Лишь только свет фонарей дает возможность видеть очертания вокзала, окутанного мрачными тенями. Раздался свисток. Из-под поезда с шипением повалил пар. Мы медленно начали двигаться.

— Вечером мы должны прибыть в Айсберг.

— Угу.

— Ким, а ты знаешь ту девушку? — спросила я, накрыв переноску своей дубленкой. Шнурик не привык к сильным холодам.

— Какую?

— Которая стояла перед нами. В шубе и дорогом платье.

— Лично нет, — уклончиво ответил Ким, не отрывая взгляда от убыстряющего за окном блеска.

— А не лично? Кто она?

— Госпожа Ильская. Дочь директора Северо-Западного банка.

— Она здесь по работе?

Парень укоризненно покачал головой.

— Где ты видела, чтобы директор банка посылал дочь на дальний Север для работы?

— Ну, вдруг она у него способная?

— Нет. Ей девятнадцать, и, что такое работа, она, скорее всего, вообще не знает.

— А что же она тут делает?

— Без понятия-а-а-тия, — прозевал Ким, поудобнее располагаясь на сиденье. — Пока меня это не волнует. Если у тебя больше нет вопросов, я буду спать.

— Вроде больше нет.

— Хорошо.

Монотонный стук колес действовал убаюкивающе. Ким быстро погрузился в сон. За окном светало. Я подумала последовать примеру друга, но сначала решила проведать хорька.

— Дружок, ты как? — спросила я, смотря на зверька через сетку дверцы. Шнурик недовольно поскреб лапой. — Тихо! Ким спит, — шикнула я, открывая дверцу и засовывая внутрь руку. В тряпках я нащупала бутылку воды.

«Остыла», — с досадой подумала я, доставая ее. Хорек, решив воспользоваться моментом, попытался вылезти из переноски. Я быстро пресекла попытку. Взяв бутылку, я вышла в коридор. Где-то в начале вагона у проводника можно раздобыть кипяток. Я зашагала, беглым взглядом посматривая в стеклянные окна дверей купе. Большинство пустые, в других дремали обычные люди. Но на одном пассажире я задержалась. Это был, как мне показалось, молодой человек, обмотанный с ног до головы в непонятную серую одежду, отдаленно напоминающую наскоро сшитые лоскуты. По светлым, выбившимся из-под ткани волосам и спускающейся от левого виска косички с резным серебряным колечком (местная мода среди многих представителей мужского населения, оставшаяся в память о прародителях-викингах) я сделала вывод, что это северянин. Человек, словно почувствовав на себе чужой взгляд, повернул в мою сторону голову. Светло-голубые глаза подтвердили мою догадку. Я приветливо кивнула. Северянин как северянин, похож на путешественника. Только что-то в нем вызвало у меня странное чувство беспокойства.

Залив в бутылку кипяток, я увидела, как мне навстречу идет госпожа Ильская. Она шла быстрым беспокойным шагом. Именно *шла*. Через несколько секунд девушка наступила на подол своего платья. Раздался треск рвущейся ткани. Споткнувшись, сумка вылетела из рук девушки и вместе с хозяйкой полетела в мою сторону. Особой тактичностью я никогда не отличалась. Не заморачиваясь, я выставила вперед ногу. Девушка тут же повисла у меня на сапоге. Сумку я поймала свободной рукой. Госпожа Ильская с оханьем отлипла от моей ноги.

— Ай! Извините мою неловкость, вы не ушиблись? — смущенно спросила она, тяжело дыша.

— Нет, что вы. Это я должна извиняться. Я вас испачкала, — сказала я, указывая на четкий отпечаток подошвы, оставленный на ее животе.

— Пустяки! — Я протянула ей сумку. — Спасибо. — Девушка быстро достала платок, принявшись оттирать грязь.

— Вам следовало выбрать другой фасон платья для путешествий.

— Да, вы правы, — со вздохом согласилась госпожа Ильская. — Я нечасто путешествую. Подобное не пришло мне в голову.

— Ну, все приходит с опытом! — сочувственно сказала я, с удовольствием отметив, что мое мини явно выигрывает. Я обошла девушку и, сделав пару шагов, заглянула в заинтересовавшее меня ранее купе. Оно было пустое. — Простите! — громко окликнула я госпожу Ильскую.

Девушка вздрогнула.

— Д-да?

— Вы не видели, вам навстречу не шел человек, замотанный в серые лохмотья?

— Лохмотья? Нет. Кроме вас в коридоре мне никто не встретился.

Я быстро развернулась и со всех ног побежала по коридору. Затормозив, я резко дернула ручку двери и влетела внутрь.

— Ну и где ты была? — вопросом встретил меня Ким.

Напарник сидел на своем месте, вольготно закинув ноги на столик между сиденьями. Я лихорадочно окинула купе взглядом.

— Ч-что-то случилось? — обеспокоенно спросила я, переводя дыхание. На первый взгляд все было в порядке.

— Случилось, — медленно протянул парень. — Ты забыла закрыть клетку, и звереныш выбежал. Не знаю, как тебя, но меня не впечатлило просыпаться с повисшим на носу хорьком.

Я облегченно выдохнула, сползая на пол.

— И все? Тогда прости.

— Прощаю. Какой повод?

— Повод?

— Напиваться, — кивнул Ким на бутылку в моей руке.

— А, ты про это! В ней горячая вода вместо грелки Шнурику.

— Значит, мне ты грелку достать не смогла, а ему соорудила?

— Но, Ким, это ненастоящая грелка. Всего лишь бутылка, наполненная горячей водой. Тебе было бы с ней неудобно.

— Так и скажи: хорек тебе дороже напарника, — заключил парень.

— Само собой! Его я знаю дольше, — невинно согласилась я.

— Блестяще. — Ким отвернулся к окну. — Светает. Есть будешь?

— Еще спрашиваешь! Бутерброды в сумке.

— И с чем они? — поинтересовался друг, разворачивая сверток.

— С тунцом, — приняв хавшись, ответила я.

Ким приподнял хлеб.

— Угадала. Тебе в самый раз на таможне работать, вместо собак, — пошутил он, протягивая мне бутерброд. — А с чего ты как ошпаренная влетела в купе?

— Меня обеспокоило отсутствие одного пассажира, — разом откусив полбутерброда, ответила я.

— Отсутствие? Поясни.

Поезд продвигался медленно. Мучительно медленно. Через несколько часов я уже изнывала от скуки. Я успела проделать все, что только возможно: пройтись по всему вагону взад-вперед, поиграть с хорьком, завалить Кима кучей бестолковых вопросов (вследствие чего получить приказ немедленно замолчать и покинуть купе), достать проводника просьбой о чае. Оставалось только одно. Сидя в туалете, я, скучая, делала оригами из туалетной

бумаги. Чем только проводник думает?! Как можно использовать этот наждак в гигиенических целях?! Да после его использования не на чем будет сидеть! Все сотрется! На полу вокруг меня паслось стадо бумажных коров, резвились тигры, птички и один дельфин. Раздался скрип тормозов. Поезд начал останавливаться. Неужели приехали? Так быстро! Я вышла из туалета и увидела проводника.

— Мы приехали?

— Фактически да. Только не туда, куда планировали. Поезд не может ехать дальше. Рельсы занесло снегом.

— Но сейчас же весна?!

— Да, но мы держим путь в глубь страны, здесь никогда нельзя знать заранее, какая будет погода.

— И что делать?

— Пока пути не расчистят, нам придется остаться здесь.

— В поезде?!

— Нет, в Брасете. Извините, мне нужно вернуться к работе, — поклонился проводник, удаляясь по своим делам.

Я осталась стоять в задумчивости. Тут меня стукнуло по голове.

— Ай! — Я обернулась.

— Чего встала? Бери свои вещи, — сказал Ким, впихивая мне сумки.

Я обиженно взяла, с возмущением заметив, что пожитки были не только мои. Хорек обеспокоенно метался по переноске.

— Чего сразу бить? Эй, Ким, стой! Мы куда? — спросила я, догнав напарника на выходе из вагона.

— Ты собираешься ночевать в поезде?

— Э-э, нет, наверное.

— Нам стоит найти место, где мы сможем пожить, пока не появится возможность ехать дальше.

Мы вышли на улицу. От непривычного солнечного света я зажмурила глаза. Спустя пару секунд я смогла их открыть. М-да, и куда мы угодили? Со всех сторон окружал бело-грязный унылый пейзаж. На горизонте маячили заснеженные елки, а на ближайшем к нам плане находились маленькие двухэтажные дома округлой формы с проржавевшими крышами. Тихо и пустынно. Картина удручала. Брасет городом-то трудно назвать, здесь даже не было нормальной станции. Лишь небольшой пятачок, на котором неспешно стали собираться люди. Я покрутила головой.

— Ну и дыра. И где здесь можно найти постоянный двор?

— Нужно спросить у местных, — ответил Ким, направляясь к группе людей, выходящих из соседнего вагона.

Я осталась стоять. Это место, этот воздух — все чужое и незнакомое. Было неудобно, но вместе с тем ужасно интересно. Что ждет нас дальше? Интерес, он всегда спасает, когда становится страшно. Любопытство — одно из сильнейших чувств человека. Но порой оно приводит к печальным последствиям. Надеюсь, мы не будем включены в эти последствия.

— Я выяснил, куда нам идти, — сообщил напарник, возвращаясь.

— Хорошо. Идем.

— Погоди. — Ким преградил мне дорогу. — Ты знаешь, куда идти?

— Нет, — опустив голову, призналась я.

— Это во-первых. Во-вторых, есть проблема.

— Какая?

— Где находится постоялый двор, я узнал. Только он весь битком забит. Мы можем там поесть, но ночлежку придется искать в другом месте.

— Неужели этот убогий городок пользуется таким бешеным спросом?

— Не пользуется. В этом вся загвоздка. Постоялый двор всего один. И все пассажиры поезда, разумеется, направились туда.

— По мне, в поезде было всего три с половиной калеки.

— Ты слишком высокого мнения о постоялом дворе, — скептически протянул Ким. — Ладно, давай, что ли, зайдем в эту лавку. Может, сможем разузнать что-нибудь полезное.

Мы направили свои стопы в стоящий перед нами домик с потемневшей деревянной вывеской «Твар».

— Ким, что такое «твар»? Может, «тварь»? — спросила я, указывая на надпись.

Ким поднял голову, поморщился:

— Надеюсь, нет. Скорее всего — «Товар». «О» прогнило.

Лавка «Товар» напоминала небольшой склад. До самого потолка уходили полки, нагруженные всевозможными коробками, вещами, банками и просто барахлом. Под ногами скрипел пол, прогнивший, как и вывеска. На прилавке красовался сантиметровый слой пыли. Мне сразу вспомнился дом Кима.

— Ким! — внезапно я схватила напарника за руку, начав трясти.

— Ч-чего т-тебе? — стуча челюстью, спросил он.

— Дай монетку!

— Зачем? — опешил парень. Я указала на автомат с конфетами. — И только?

— Пожа-а-а-луйста, — я умоляюще сложила руки и сделала щенячьи глаза.

У Кима скривились губы.

— Ладно, — согласился он, кинув мне монетку. Поймав ее, я пулей понеслась к автомату.

— Что за шум? Неужели посетители? — К прилавку подошел грузный мужчина с повязкой на правом глазу. — Так вы и не местные! Ну, добро пожаловать в Брасет и, разумеется, в «Товар»! Надеюсь, вы найдете здесь все нужное для своих путешествий.

Я, получив леденец на палочке в форме рыбки, вернулась к напарнику. Мужчина, улыбнувшись, кивнул мне.

— Здрафте!

Друг покосился на меня и вытащил изо рта леденец.

— Не разговаривай с набитым ртом. Здравствуйте, мы приехали на сегодняшнем поезде из Оста. Но пути завалило, и мы вынуждены задержаться. Вы не знаете, где можно найти временное жилье? Кроме постоялого двора, он занят, — сразу предупредил парень.

Я сделала марш-бросок за леденцом, прыгнув на напарника. Ким, заметив движения краем глаза, как бы ненароком сделал шаг вперед. Я с грохотом рухнула на пол, подняв облако пыли. Хозяин лавки удивленно перегнулся через прилавок:

— Вы в порядке, госпожа?

— Не обращайтесь внимания, — равнодушно махнул рукой парень. — Так что вы можете нам посоветовать?

— Дайте подумать, — мужчина задумчиво поскреб щетину. — Город наш маленький и бедный. И я не уверен, захочет ли кто-нибудь вас принять даже за деньги. Народец нынче

шуганый. Не доверяет чужестранцам. Но у меня здесь есть чердак, и, как я погляжу, вы ведь наемники? Можете пожить там, заодно ночью будете сторожить лавку. Как предложение?

— Там холодно? — спросил Ким, смотря на потолок.

— Где?

— На чердаке.

— А, не беспокойтесь! Щели я заделал, да и газовый обогреватель вам поставлю.

— Тогда согласны.

— Минутку! А что насчет еды? — вскочив на ноги, задала я жизненно важный вопрос.

— Ну, вы можете поесть в местном трактире «Театр» или же на постоялом дворе.

Больше в городе нет питейных заведений.

— А... — начала я, но напарник тут же заткнул мне рот ранее отобранным леденцом.

— Хорошо, мы сейчас же туда направимся. Сумки у вас оставить можно?

— Конечно, почувствуйте себя как дома! — благодушно сказал мужчина, пожимая ему руку.

Оставив вещи, кроме переноски с хорьком, в «Товаре», мы решили посетить постоянный двор. Оказалось, Брасет разделялся на два уровня. Первый был верхним, на нем располагались станция и несколько мелких лавчонок. Они в основном были для проезжих. Сама жизнь города текла намного ниже, под железнодорожным мостом. Среди незамещенных камнями улиц, без указателей и надписей, с покосившимися деревянными заборами и вросшими до окон первых этажей домами жили люди. Так странно. Я привыкла видеть подноготную больших городов. Темные переулки, отбросы, бурлящие в канализациях, незаконные заведения, грабежи, убийства, продажа опиума — картина тяжелых будней городской стражи, сотрудников охраны порядка и ЗОГа. Здесь все было иначе. Я не могла принимать Брасет за город. Настолько он был жалким и беспомощным, прижатым железным мостом с поездом, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть. А если мост вдруг рухнет и поезд упадет? От городка не останется и следа.

— Ким, а чем занимается Брасет?

— Добычей угля.

— Уголь ведь много где нужен, да? Но почему город такой бедный?

— Потому что это Север, — вздохнув, ответил Ким. — Места малозаселенные. Городов немного. Самые большие из них — столица Снегирь и портовый город Айсберг. Остальные города — мелкие сошки, занимающиеся тяжелой работой по добыче угля и древесины. Они не приносят стране большую прибыль. Настоящие деньги идут благодаря пошлине за товар от портового города, ну и от самой столицы. Не удивляйся тому, что видишь. Это нормально.

— Меня удручает такая нормальность.

— Будем надеяться, твоя удрученность пройдет после горячего обеда, — сказал парень, останавливаясь перед входом на постоянный двор.

Я принялась.

— М-м-м, пахнет вкусно. Так чего же мы ждем? Вперед!

— Запах еды — и она позабыла о проблемах человечества. Как всегда. Погоди, ты меня забыла.

Двор оказался битком набитым, но мы нашли свободный столик.

— А лица все те же, — протянула я, указывая на знакомую фигуру госпожи Ильской. — Она не учится на своих ошибках! Платье другое, длина та же. Ой, Ким, ты куда? —

удивилась я, увидев, как напарник встает из-за стола.

— За нашими порциями.

— Возьми мне две булочки! Хорошо?

— Угу.

Парень неспешным шагом прогулялся до стойки, взял наши тарелки. Мимо Кима прошла госпожа Ильская. Удивительно припадочная натура! Она вновь не устояла на ногах. Ким невозмутимо отошел в сторону. Девушка растянулась на полу. Потом он галантно подал ей руку. Она сконфуженно улыбнулась, что-то сказав. Парень, улыбнувшись, ответил. Затем напарник преспокойно вернулся. Я поспешно протерла глаза.

— Ты зачем это сделал?!

— Сделал что?

— Зачем подставил ей подножку?!

— Заметила? — ухмыльнулся Ким, шуруя ложкой в тарелке. — Ты видела, какое у госпожи Ильской платье?

— Ну, длинное, — не поняв, к чему вопрос, наугад ответила я.

— Как всегда, не видишь главного. Оно у нее не просто длинное, а застегивается на спине тридцатью мелкими пуговицами.

— И когда это ты пуговицы сосчитать успел? — подивилась я такой наблюдательности.

— Пока она лежала на полу. Не перебивай. — Парень предупреждающе махнул ложкой в мою сторону. Шлепнувшийся мне на лоб тушеный грибок начал медленно сползать к носу. — Хм, прости. Дать салфетку?

— Не-е, не надо, — отказалась я, слизывая языком гриб. — Что такое?

— Ты можешь достать языком до носа?

— Да, а что?

— Ничего. — Ким поднял выпавшую из рук ложку. — Госпожа Ильская путешествует одна?

— Вроде как. Я с ней никого не видела.

— А я считаю, она не путешествует в одиночку.

— С чего такое мнение?

— Ты ее ногти видела? — излюбленно ответил вопросом на вопрос парень.

— Опять! Платье, ногти! Ким, чего ты к ней пристал? Разве это важно?

— Весьма. Насчет ногтей: ногти, как и подобает девушкам ее круга, длинные, ухоженные и покрашенные. Я успел их рассмотреть, когда она давала билет проводнику в Осте. И теперь ответь мне, как обладательница изысканного маникюра могла самостоятельно застегнуть себе платье? Э-э-э? Акира? — Ким удивленно уставился в свою пустую тарелку.

— Ф-то ф-такое? Ты был так занят разговором. Нехорошо, когда еда стынет, — проглотив последний кусок уже своей порции, сказала я.

— Ну разумеется, — согласился парень, барабаня пальцами по столу. — Ты меня хоть слушала?

— Ты что-то бубнил про ногти и платье. Ай! — айкнула я, когда напарник схватил меня за ухо и потянул к себе.

— Видишь вон ту девушку в сером пальто, которая сидит за дальним столиком? — спросил он, наклоняясь к оттянутому уху.

— Вижу, и?

— Теперь посмотри вправо, видишь парня с сигарой?

— Вижу.

— Девушка встанет и пойдет на улицу. Парень за ней. Ты следом. В случае чего остановишь его. Понятно?

— Да. А зачем это все? — поглаживая пульсирующее ухо, спросила я.

— Выполняй. Потом объясню.

Порой Ким бывает невыносимым. Диву даюсь, как я с ним работаю?

Девушка в сером пальто встала и направилась к выходу, указанный Кимом парень поспешно засобирался. Пора и мне выходить. Я выскочила на улицу. Парень принялся невежливо теснить девушку к забору. Ей это было явно не по душе.

— Извините? — Я, встав на цыпочки, постучала парню по плечу.

— Чего тебе надо? Отвянь! — рыкнул он.

Не очень-то вежливо.

— Честно говоря, я и сама не знаю, чего мне надо, — призналась я и, резко запрыгнув на незнакомца, зажала ему рукой горло. Он захрипел и начал крутиться. — Да не крутитесь вы! Сейчас кислород престанет поступать вам в мозг, и...

Тело рухнуло на землю. Готово. Я аккуратно слезла. Девушка испуганно посмотрела на меня.

— Не беспокойтесь. Он жив, просто без сознания.

— Ну и где ты был? — обернувшись, спросила я у Кима.

— Брал тебе добавку. А то через полчаса заведешь, что есть хочешь, — ответил он, показывая бумажный пакет, от которого веяло приятным ароматом пищи.

— Ким, ты прелесть! — радостно вскрикнула я, набрасываясь обнимать напарника.

— Кто бы сомневался, — проговорил Ким, стараясь выбраться из моих объятий. Отцепившись, я попыталась ухватиться за пакет, но парень в последний момент выдернул его из моих рук. — Я же сказал, через полчаса.

— Но я уже есть хочу!

— Снежок пожуй или съешь этого вредителя, — указав на переноску со Шнуриком, предложил парень.

— Я никогда не съем Шнурика! Он мой друг! Тем более хорьков не едят. У них мясо вонючее, — серьезно добавила я.

— Только это его и спасает.

Я возмущенно фыркнула, показала Киму язык и демонстративно повернулась спиной. Напарник лишь пожал плечами.

— Простите, вы служанка госпожи Ильской, я прав? — обратился Ким к забытой мною девушке в сером. — Не могли бы вы с нами пройти? Нам стоит поговорить.

С серого неба сыпался белый снег. Почему снег белый? Меня всегда интересовал этот вопрос. В городах можно встретить черный и коричневый грязный снег. Но он совсем не тот снег, который летел с серых небес. Когда снег летит, он выглядит таким чарующим, недостижимым. А когда ложится на землю, становится обычным снегом. Пустым снегом, покрывающим все вокруг и не имеющим в себе ничего. Часто он тает, оставляя после себя мокрый никому не интересный след. Такой вот этот снег.

Снежинка упала мне на нос, и я, ойкнув, потерла его варежкой. На Западе зима кончилась совсем недавно. Снег на Севере хоть и выглядел странно весной, но не был таким

непривычным. Шнурик, пыхтя, начал зарываться в сугроб. Белые комочки прилипли к его шерсти и полосатому свитеру. Зверек дрожал, но упрямо продолжал выкапывать что-то, углубляясь все дальше и дальше. Надеюсь, шлейки хватит, иначе мне придется ползти за ним.

— Значит, у госпожи Ильской проблемы с шантажистами, — заключил Ким, облокотившись о фонарный столб и поглубже сунув руки в карманы.

Идея вести беседу на улице, с учетом погоды, была не самой блестящей. Но возвращаться на постоянный двор глупо, а идти в трактир «Театр», который неизвестно где находился, мы поленились. Пройдя немного от места нашей первой встречи, мы остановились возле косого забора. Нам открывался вид на возвышающийся железнодорожный мост с покоящимся на нем поездом, который медленно, но верно покрывался снегом.

— Да это все из-за писем, — покорно склонив голову, сказала Юма, служанка дочери директора банка.

— Каких писем?

— У госпожи раньше был друг, здесь, на Севере. Между ними были весьма теплые чувства. Разумеется, это было давно, — поспешно добавила покрасневшая девушка. — Они переписывались, там не было ничего такого, но...

— Но с учетом положения вашей хозяйки любое случайно пророненное слово может сыграть с ней злую шутку? — закончил за девушку Ким.

— Да, — печально согласилась Юма. — Письма смогли достать те люди, и если они выйдут на свет... О, это будет ужасно! Репутация госпожи Ильской может пострадать! Госпоже было велено приехать сюда, встретиться с ними и заплатить определенную сумму, отнюдь не маленькую, я вам скажу. У госпожи есть деньги, но ей пришлось все делать втайне от отца. И когда сегодня тот человек начал мне угрожать и расспрашивать, привезла ли хозяйка деньги, я... — Девушка не выдержала и заплакала. Успокоившись, она украдкой вытерла глаза и продолжила: — Простите меня, я на пределе. Я очень боюсь за госпожу. Этим людям нельзя доверять и...

— А-а-а!!! Выплюнь это! — заверещала я, пытаюсь вытащить у хорька из пасти тухлый кусок непонятно чего. Так вот что он так старательно выкапывал!

Шнурик сопротивлялся и, не разжимая рта, умудрялся на меня шипеть. Я тоже не собиралась уступать.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Ким. — Продолжайте.

— Ах да, — произнесла служанка, отводя изумленный взгляд. — Через несколько дней мы должны будем с ними встретиться. Но если они не вернут письма, что нам тогда делать?

— Когда вы встречаетесь с шантажистами?

— Через три дня на одном из складов угля.

— Хорошо, мы вам поможем.

— Поможете?!

— Поможем?! — в один голос пораженно вскричали мы с девушкой.

— Пока поезд не отправится дальше, нам нечего делать. Мы можем заняться решением вашей проблемы. Надеюсь, наши услуги вас устроят?

— Это было бы замечательно! Я сейчас же сообщу об этом госпоже Ильской!

— Обсудите все с госпожой, а завтра мы вместе решим, как поступить, — сказал парень, отмерзая от столба.

— И чего это ты вдруг решил заняться благотворительностью? — спросила я, внимательно всматриваясь в безразличное лицо напарника.

— О чем ты?

— О том, что ты сам вызвался помочь. Причем безвозмездно. На тебя не похоже.

— Неужели в твоих глазах я такой бесчувственный человек? — усмехнулся Ким.

— Ну, ты точно не белый и пушистый.

— Я брюнет, — покрутив в пальцах прядь своих темных волос, серьезно сказал он.

— Заметно. Я о другом. Может, ты и добрый парень, но отнюдь не дружелюбный, и увидеть, как ты сам принимаешь инициативу в помощь незнакомым людям, довольно странно. Без обид, надеюсь?

— Без обид. Ведь ты права, — сказал Ким, как-то подозрительно улыбнувшись.

— Э, Ким?

— Чего?

— Ты меня пугаешь. Что ты задумал?

— Ровным счетом ничего особенного. Иди быстрее. Мне хочется поскорее добраться до лавки. Не горю желанием превращаться в снежного человека, — быстро сменил тему парень, ускоряя шаг.

— Мне кажется, нам недоговаривают, — проговорила я, посмотрев на хорька.

Шнурик на мое подозрение лишь чихнул. Значит, правда.

К тому моменту, как мы дошли до «Товара», разыгралась настоящая снежная буря. Мы оба стали похожи на снеговиков.

— Брр, — пробурчал Ким, входя в лавку и усиленно начиная по себе хлопать. Порядочные пласты снега посыпались на пол. — В следующий раз, когда нас захотят отправить на далекий бескрайний Север, напомни мне сказать им то, что ты сказала кондитеру, когда он отказался продавать тебе эклеры.

— А что я ему сказала? А, вспомнила! Я сказала...! — трясая свою дубленку, радостно произнесла я.

— Да, именно *это*, — прочистив ухо, подтвердил парень.

— О, вернулись! Ну, как вам наша погодка? — улыбнувшись, спросил хозяин лавки, направляясь к нам с метлой.

— Бодрит, — потирая замерзшие руки, угрюмо ответил Ким.

— Хо-хо! Еще бы! Сегодня больше никуда не пойдете? — сметая снег с пола, поинтересовался мужчина.

Ким прислушался к завыванию ветра снаружи.

— Нет, не пойдём.

— Хорошо. Я вам постелил на чердаке и поставил обогреватель. Можете располагаться.

— Хорошо, благодарим.

Чердак, на котором мы обосновались, по своему строению и содержанию ничем не отличался от себе подобных. Такое же количество паутины, грязи, мышиного помета и различного старья. Единственное отличие состояло в том, что в центре сего бедлама были постелены два матраса с одеялами и подушками, рядом с которыми компактно уместился газовый обогреватель. Ким, как положено воспитанному и обходительному молодому человеку, сразу же занял себе спальное место напротив обогревателя. Приведшие его к сему поступку доводы были взвешенные и обдуманные: поскольку я чаще всех совершаю ночные

прогулки до туалета, то мне, дабы, не дай бог, не споткнуться во тьме о спящее тело напарника и не влететь прямой наводкой в печку, был выделен матрас, находящийся у лестницы. Самый безопасный и самый продуваемый. Ничего не скажешь, аргументы железные и лбом не пробиваемые.

Закончив приготовления ко сну, я, ежась и трясаясь от холода, залезла под одеяло. М-да, теплее как-то не стало. Повертевшись в постели, я кинула взгляд в сторону Кима. В свете голубого пламени его бледное лицо выглядело зловеще.

— Ким, а какие у нас на завтра планы?

— Тебе обязательно о них сейчас знать?

— Ну, мне просто интересно. Мы договорились встретиться с госпожой Ильской и обсудить ее проблему, а чем еще займемся?

— Завтра и решим, — сказал Ким, демонстративно поворачиваясь ко мне спиной. Но меня подобное нежелание общаться ничуть не остановило.

— Жаль, в Брасете нет никаких занятных мест, которые можно посетить. Из-за этой бури мы можем застрять тут надолго. Я точно умру со скуки! Эй, Ким! Я вспомнила, а как же то секретное послание, которое мы должны доставить? Ничего, что доставка задерживается?

— Оно секретное, а не срочное. Переживут, — проворчал Ким.

— Но...

— Все. Тема закрыта. Спи давай.

— Мне пока не хочется! — капризно протянула я, перекатываясь с боку на бок.

Со стороны напарника раздалось непонятное шуршание. Через минуту в свете пламени возник ломик.

— Мне тебе помочь? — учтиво спросил парень.

— Нет, спасибо! Теперь захотелось. Ой, как спать охота! — Я быстро спряталась под одеяло с головой.

В эту темную весеннюю ночь я поняла одну вещь: лом — лучшее снотворное. Достаточно одного его вида, чтобы погрузить человека в сон. Главное, чтоб не в вечный.

Утром я проснулась с ощущением медленно остывающего тела. Ощущение мне не понравилось.

— Ким, зачем ты выключил обогреватель?! — взревела я, выползая из-под одеяла.

Соседний матрас оказался пустым. Напарника нигде не было видно. Я удивленно хлопала глазами. Странно, Ким — один из наиленивейших людей, каких я знаю. Он может заснуть на полу, когда ты начинаешь с криками стаскивать его с кровати. И каким же чудным образом он встал сам? Быстро одевшись и взяв с собой переноску с хорьком, я спустилась вниз. Хозяин лавки, видно в честь приезда гостей, деловито протирает прилавок. Мероприятие было безнадежным. Тряпка напоминала коврик для вытирания ног, причем давно не стиранный.

— Доброе утро, госпожа гренадер. Как спалось? Клопы не кусались? — любезно поинтересовался мужчина.

— Спалось неплохо, спасибо. Насчет клопов не знаю. Если они и были, то Шнурик, скорее всего, их съел, — ответила я, указывая на хорька. Мужчина с интересом посмотрел на зверя. — А вы моего напарника не видели? Он, похоже, ушел раньше, чем я проснулась.

— Да, молодой человек ушел рано утром. Он просил вам передать, что его, скорее всего,

не будет до обеда, — припоминая, сообщил владелец лавки.

Замечательно! Куда мог намылиться Ким, что его не будет так долго? И почему он не взял меня или хотя бы не сообщил, куда идет? Хорош напарник, ничего не скажешь.

— Больше он ничего не говорил?

— Вроде нет, — задумчиво почесав щетину на подбородке, ответил мужчина. — Он, кажется, не многословный парень.

— Это точно.

Я вышла на улицу. Пора позаботиться о своем желудке. Мои перемещения по городу вряд ли облегчат задачу Киму, но сам виноват. Нечего кидать меня. Я решила отыскать второе питейное заведение в Брасете. Я понятия не имела, где находится трактир «Театр», но грелась мыслью, что городок маленький и такое примечательное место не может остаться незамеченным. Вчерашняя снежная буря утихла. Пребывать на улице стало значительно приятней. Единственное, меня не радовали удручающие серые пейзажи. Глазу не за что было уцепиться! Однотонность картин навевала сон и медленно вгоняла в депрессию. К моему счастью, вскоре предстал небольшой домик, своим архитектурным видом напоминающий коровник. Висящий над входом штандарт с изображением красного театрального занавеса с позолоченными буквами намекал, что здесь пасся скот другого уровня.

— Трактир «Театр», — прочла я вслух. — Похоже, нам сюда.

Распахнув дверь, я вошла внутрь «коровника». Меня встретили полумрак и тепло спертого воздуха. «Хорошо, не милые буренки и свежие лепешки высококлассного навоза», — отметила я. Когда глаза свыклись с новым освещением, я смогла рассмотреть высокий потолок с подвешенными к нему массивными хрустальными люстрами, островки круглых столов, сцену, скромно приютившуюся сбоку, и полукруглую барную стойку. Немного вычурно, немного грязновато, но со вкусом. Я подошла к стойке, за ней стоял полный мужчина, покуривавший трубку и задумчиво теребящий длинный ус.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Здравствуйте. Чего изволите? — спросил мужчина.

— Еды. Желательно вкусной. Желательно много, — коротко, но ясно изложила я свои требования.

— Прямо сразу к делу? Вы, я вижу, девушка решительная!

— Нет. Просто очень голодная, — не моргнув глазом сказала я.

Мужчина рассмеялся:

— Да еще и с чувством юмора! Хорошее сочетание, хорошее. Ну-с, посмотрим, чем вас может порадовать наш ассортимент. — С этими словами мужчина скрылся за стойкой, а потом вынырнул оттуда с какой-то бумагой в руках. Видимо, это было меню.

Смахнув с меню крошки, его протянули мне. Я быстро пробежала глазами по предлагаемому выбору блюд. Скажем прямо — выбор был невелик.

— Мне вот это, это, и что это за блюдо? Я не могу разобрать название из-за сального пятна, — ткнув пальцем в пятно, поинтересовалась я.

— Дайте глянуть. А, это пельмени в горшочке.

— Хорошо, тогда и их тоже. И все это в количестве шести порций, — закончила я свой заказ.

Лицо мужчины вытянулось.

— Ш-шести?

— Да, к сожалению, большего не позволяет бюджет, — печально ответила я, изучая содержимое кошелька.

— Тогда понятно, — многозначительно протянул он.

— Ой, постойте! Можно еще сырой куриный окорочок?

— Сырой?!

— Угу. Это ему, — я ткнула пальцем в стоящую на соседнем стуле сумку с хорьком. — И заверните с собой оставшиеся от кур субпродукты. Сердечки там, печень, если не жалко.

— Эм, хорошо. Нужно признать, хорьков обслуживать еще не доводилось, м-да. Но исполним в лучшем виде! Подождите немного, ваш заказ скоро будет готов.

Торопиться мне совершенно некуда. Крутясь на стуле, я вновь осмотрела трактир. Ничего занимательного мне разглядеть не удалось. Пьяные осунувшиеся лица, звон стаканов, дым табака, гомон — все как и положено заведению данного рода. Я переводила взор с одного небритого лица на другое, пока не встретила с отнюдь не пьяным взглядом. Ясное стекло голубых глаз. Голубые глаза были в наличии у каждого северянина, но в этих скрывалось нечто особенное. Казалось, они вытягивали тепло твоего тела. Тепло души. Мороз проникал глубоко внутрь, ледяными иголками пронизывая каждую клеточку организма. Я чувствовала, как медленно покрываюсь инеем. Не спеша, сантиметр за сантиметром. Сердце билось все медленней и медленней. Чуть-чуть — и оно вовсе остановится. Отвернись! Сейчас! Немедленно! Не могу. Я застыла на месте.

— Простите, я хотел у вас спросить. Вы будете заказывать какой-нибудь напиток? А то есть всухомятку не очень полезно, — спросил мужчина, похлопав меня по плечу. Я моргнула и ошарашенно посмотрела на него.

— Что? Напиток? — переспросила я, потом быстро обернулась, глянув обратно в зал. Но там уже не было того, кого я искала — человека в серых лоскутах, с холодными глазами. — Да, можно мне чай? Горячий. Очень. Я замерзла.

Улыбнувшись, мужчина удалился. Я задумчиво провела рукой по губам, на пальцах остались быстро тающие комочки. Что за черт?! Еще бы чуть-чуть...

Пронизывающий холод внутри меня постепенно уходил. Еда и литр горячего чая с мятой сделали свое дело. Осталось лишь колкое ощущение на кончиках пальцев. Жизнь снова казалась приятной штукой. Мужчина с трубкой забрал у меня последнюю тарелку.

— У вас здоровый аппетит, госпожа. У вас и вашего хорька, — сказал он, изучая пустые тарелки.

— Мы и не то можем! — улыбнувшись, заверила я. Шнурик согласно облизнулся. — Как-то у вас скучно. Сцена есть, а никакой развлекательной программы.

— И не говорите. Раньше, когда Брасет был более процветающим городом, сюда приезжали люди. В основном мимоходом, но все же. Можно было нанять странствующих актеров, певцов, а сейчас... Эх! — он досадно махнул рукой. — Брасет превратился в город-призрак. Город старых воспоминаний.

— Если бы здесь и правда водились призраки, мне было бы куда веселее. Я не знаю, чем себя занять!

— Ну, вы можете съездить посмотреть Ледяные пещеры.

— Ледяные пещеры? — заинтересовалась я. — А что это? И где находится?

— Ледяные пещеры — это ледяные пещеры. Подробно о них вам расскажет местный гид, а находятся они всего в нескольких километрах от Брасета.

— А как туда добраться? Железную дорогу ведь занесло.

— Железную дорогу да, но до Ледяных пещер добираются по изъезженной тропе на оленьих упряжках.

— Оленьих упряжках? У меня был опыт только на собачьих. И большую часть пути я была вместо собак. Не удивляйтесь. В моей работе и не такое случается! А самая излюбленная мною роль — роль приманки. Правда, она у меня добровольно-принудительная. Но поверьте, у меня большой опыт! Главное в этом деле, выглядеть аппетитно! — наставляюще пояснила я.

— Какая у вас интересная работа, госпожа гренадер, — с тихим ужасом в глазах заметил мужчина. — Экскурсии проводятся два раза в неделю, и сегодня как раз в три часа они отправляются.

— Отлично! Расскажите, пожалуйста, поподробнее. — Я радостно потерла руки в предвкушении интересных событий. Эх, знала бы я, *насколько* они будут интересными.

— Ага! Попался, который не кусался!

Я набросилась на Кима. Напарник, не ожидав внезапной атаки со спины, потерял равновесие. Рухнув, мы покатались по снегу. Остановившись, я быстро села на Кима, прижав его лопатками к земле.

— Какого? — недовольно спросил он.

— Такого! Я весь город оббежала, пока тебя нашла. Пошевеливайся, нам нужно успеть!

— Во-первых, я не могу пошевелиться, пока ты на мне сидишь. Во-вторых, успеть куда?

— Успеть на сбор. В три часа мы отправляемся в Ледяные пещеры! — обрадовала я друга.

— Какие еще Ледяные пещеры? Зачем нам вообще туда надо?

— Мне сказали, там может быть интересно. А мне скучно, поэтому я хочу туда поехать, — капризно заявила я, подпрыгивая на месте. Напарник подо мною нехорошо закричал.

— В глаза бы посмотреть тому человеку, который тебе об этом рассказал.

— Посмотри, если хочешь. Он хозяин трактира «Театр»! Ну что, едем?

— Вообще-то... — начал было Ким, но я его прервала, замотав рот шарфом.

— Нет, никаких отговорок вроде встречи с госпожой Ильской. Я в курсе, ты с ней уже встретился, причем без меня, но это мы пока опустим. Хочешь знать откуда? Все просто! Я у нее спросила. Я согласна, с моей стороны было невежливо врываться в ее ванную комнату, но зачем так орать? У меня до сих пор в ушах звенит! И чего, по ее мнению, я там не видела? Короче, ты вчера сказал, что после того, как поговорим с госпожой Ильской, мы решим, чем заняться. Так радуйся — я решила!

В глазах Кима радость не наблюдалась.

— Ким, либо я еду с тобой, либо без тебя. А беря в сравнение наши физические качества, исход должен быть тебе ясен, — улыбнувшись, объявила я.

Ким, конечно же, не смог отказать даме. Но нужно было только видеть этот взгляд! Во всех ближайших домах неизбежно скисло молоко.

В назначенном месте нас ждали упряжки. Желаящих посетить пещеры кот заплакал. Наверное, местные жители раз сто там были. К моему счастью, упряжками управляли специально обученные люди, и мне не пришлось возобновлять не очень удачный опыт.

Мы уселись по упряжкам. Я впереди, Ким позади меня, прячась от холодных ветров и снега за моей могучей спиной. Как всегда.

— Отправляемся! — громогласно раздалось над толпой.

Я постаралась сесть как можно удобней, зажав в ногах переноску. Хорек возбужденно метался из угла в угол. Оленям дали неразборчивые команды, и они тронулись с места. Поездка на оленях мало отличалась от поездки на собаках. Но небольшая разница чувствовалась. Оказалось, олень бежал, как заяц, растопыбив ноги, мелькая впереди своей белой попой. Из-под его копыт вылетали комья снега, которые удачно падали мне в лицо. Этот маленький дискомфорт немного портил удовольствие от катания. Но я старалась не обращать внимания, любуясь зимними красотами. Точнее, весенними. Или весенне-зимними? Короче, весенней красотой Севера!

Доехали мы быстро, правда, у меня успели замерзнуть ноги. Выпрыгнув из упряжки, я начала пританцовывать на месте, разминая их. Следом выкарабкался чуть помятый Ким.

— По-моему, здесь еще холоднее, чем в Брасете, — плотнее застегивая пальто, сварливо заметил он.

— Да брось ты! Мы находимся вдали от города, здесь и должно быть прохладней. Но это не смертельно.

— Кому как.

— Прошу всех вновь прибывших пройти в кассу для покупки билетов. Экскурсия начнется через десять минут, — сообщил незнакомый парень с блокнотом в руках. Наверное, это был экскурсовод.

Люди медленно направились к деревянной будочке, расположенной возле входа в пещеру.

— Идем! — толкнула я в плечо Кима.

Друг нехотя поплелся за мной.

— За то, что я должен там мерзнуть, мне еще и собственные деньги платить нужно, — не переставал ворчать парень, изучая билеты.

— Ким, хватит тебе! Все ворчишь, ворчишь! Взбодрись! Когда нам вновь выпадет шанс культурно обогатиться?

— Ну-ну, посмотрим, как ты заговоришь, когда Вальтер получит чеки о расходах, — язвительно проговорил друг.

Настроение резко упало. Мне тотчас захотелось придушить напарника. Ну что за человек?! Самому плохо, так надо и мне настроение испортить!

— Прошу вас, наденьте вот это, — протягивая мне железную конструкцию, попросил экскурсовод.

— Эм, что это?

— Шипы. Наденьте их на сапоги. Пещера полностью состоит из льда. Там очень скользко, это же для вашей безопасности, — пояснил он. — Вы также можете взять меховые жилеты, если хотите.

— Хотим, — тут же отозвался Ким, беря себе один.

Я подумала и тоже решила взять. Не знаю, из какого зверя была сделана жилетка, но выглядела она плачевно. Резкий запах нафталина, который я почувствовала, не остановил моль. В мехе наблюдались частые проплешины.

— Все готовы? — осведомился экскурсовод. — Идемте.

Ледяные пещеры встретили нас своей холодной красотой. Гид, ни на минуту не умолкая, водил нас из одного сверкающего грота в другой. Белоснежное кружево крупных

ледяных кристаллов, прозрачные водопады льда, запутанные ледяные лабиринты, затейливые узоры инея — как в калейдоскопе сменяли друг друга. Только стекляшки в этой «трубе» не баловали разнообразием цветов. Они были совершенно, прозрачны, застывшие во времени, погружившиеся в тишину. Бриллиантовый наряд Ледяных пещер оставил во мне неизгладимое впечатление.

После часовой экскурсии нас отвели в деревянный сруб, где можно было согреться и перекусить.

— А блины у них холодные! — пожаловалась я, усаживаясь с тарелкой за стол.

— Зато чай горячий, — прижимаясь к чашке, сказал Ким.

— Эх, у меня после экскурсии аппетит разыгрался! — сообщила я, накидываясь на холодные блины. Ким хмыкнул, решив не высказывать очередное замечание насчет моего аппетита и недоставшейся порции. — Пещеры потрясающие! Мне так понравилось! Ощущение, будто мы побывали во дворце Снежной королевы, как считаешь?

— Считаю, мы могли потратить время куда более продуктивно.

— И что, по-твоему, является более продуктивным времяпрепровождением? Лежание в теплом доме, медленно покрываясь плесенью?

— Ключевое слово ТЕПЛОМ. Да и твой так называемый «дворец Снежной королевы» всего лишь ледяные сталагмиты и сталактиты, которые произошли оттого, что вода, просачиваясь через толщу горы, в холодных гротах замерзала, образуя эти странные формы. Что? — я удивленно смотрела на Кима, перестав орудовать столовыми приборами. — Об этом же экскурсовод битый час рассказывал, забыла?

— А! — успокоившись, я донесла вилку до рта. — Я его не слушала.

Ким обреченно закрыл лицо рукой.

— И какой смысл в экскурсии, если ты даже не слушаешь, что тебе рассказывают?

— Успокойся! Смысл вовсе не в словах! Я увидела такую красоту. День прожит не зря!

А теперь, — я встала с места и потянулась, — надо проветриться. Выйдем на улицу.

— Чего-то нет у меня желания проветриваться, — протянул Ким, с опаской покосившись на дверь, словно ожидая, что оттуда сейчас как выскочат, как схватят и утащат далеко-далеко.

— Идем-идем! — я стала тянуть друга за руку. — Напоследок полюбуемся пейзажами. Скоро ехать обратно.

— Чем там любоваться? Все кругом белое. Этот пейзаж был в Осте, есть в Брасете и будет в Айсберге и Снегире. Налюбуюсь, — гудел парень, волочась по полу.

Окружающие с удивлением смотрели на нас. Ким не отличался особой гордостью и плевать хотел на чужое мнение, а мне важен был результат, и я не стеснялась пользоваться силой. На улице напарник удосужился встать по одной простой причине — на снегу было холодно.

— Бодрит, однако, — сказала я, вдыхая морозный воздух полной грудью.

— До костей, — добавил Ким, стуча зубами.

Солнце садилось.

— Смотри! Отсюда закат виден! Надо же! Скоро станет совсем темно, — объявила я, указывая в сторону леса, над которым алела полоса.

Кольнуло. Мне всегда становится немного грустно, когда день подходит к концу. Но будет новый день, ничем не хуже предыдущего, может даже лучше. Вопрос, буду ли в нем я. Этот вопрос задают себе многие люди, еще чаще гренадеры. Пусть так. Я постараюсь

улыбнуться и прогнать ненужные тревоги. Не позволю впасть себе в уныние или апатию. Ну, разве что если дома будет пустой холодильник или полный бардак. К слову о бардаке: надеюсь, Влас за время моего отсутствия не превратит дом в окончательную помойку и не найдет мои заготовки конфет. У этого взрослого мужика какая-то детская слабость к сладкому. Он съел все новогоднее печенье, которое не влезло даже в меня! И пачку специальных хорячих лакомств! Я и то на них руку не подымала! Вроде я оставила коробку конфет под кроватью в комнате. Дверь запереть не забыла. Но и с запертой дверью Влас каким-то чудным образом умудрялся туда проникать. Может, у него есть отмычка? Или он умеет просачиваться сквозь щели? Представив Власа, проползающего под дверной щелью, я вздрогнула. Правда, дверь такая тонкая, достаточно слегка пнуть, и она слетит с петель. Я сама раньше так частенько делала, когда теряла ключи. Поэтому у меня при себе всегда имеется отвертка. Ну, чтобы прикрутить обратно петли. Решено, как только возвращаюсь в Крушицу, меняю дверь и замок. И вешаю ключ на шею.

В очередной раз погрузившись в свои мысли, я перестали следить за происходящим вокруг. Тем временем мимо нас проехала оленья упряжка. Управляли ею неумело, совершенно не смотря по сторонам.

— Осторо... — Ким не успел закончить.

Упряжка пронеслась в опасной близости. Меня опрокинуло. Отплевавшись снегом, я гневно посмотрела ей в след.

— Эй ты, водила! Смотри, куда едешь! Кто тебе только права выдал?! — грозя кулаком, прокричала я.

— По-моему, для вождения упряжки права не требуются, — заметил Ким, помогая мне подняться.

— А-а-а!!! — заверещала я, отталкивая от себя парня. Ким упал на спину.

— Ты чего? — ошарашенно спросил он, стряхивая с головы снег.

— Шнурик сбежал! — прокричала я, показывая пустую переноску.

— Похоже, дверца открылась при падении. Акира, подожди. Ты куда?

Я уже не слушала Кима. Увидев маленькую цепочку следов, ведущую вниз по склону, я метнулась следом. Снег был глубокий, а склон довольно крутой. Я спотыкалась и падала на каждом шагу. В голове крутилось лишь одно: «Шнурик! Шнурик!» Очередной раз споткнувшись, я кубарем покатила вниз. Удар — я почувствовала острую боль в боку. Кажется, я треснулась о дерево. С трудом поднявшись на колени, я огляделась. Следов не было видно, как и самого зверька.

— Шнурик!!! — бессильно закричала я.

Рядом со мной кто-то приземлился. Я подняла заплаканное лицо. Ким посмотрел на меня одновременно сочувственным и осуждающим взглядом.

— Ну и что ты творишь? А? — начал он, опускаясь на корточки и доставая из кармана платок. — Почему ты всегда сначала делаешь, а потом думаешь? Если вообще думаешь. Рванула вниз с холма, чуть себе руки-ноги не переломала, а то и шею бы свернула. Я понимаю, ты у нас неубиенная, но и у тебя есть предел живучести. Что скажешь в свое оправдание? — закончив вытирать мне лицо, спросил напарник.

— Ким, Шнурик... — хныча, заговорила я.

— Да, сбежал. Молчи. Я не хочу повторения прошлого раза, когда он убежал у тебя из дома. Это было слишком утомительно. Ты бросилась на его поиски босиком, в одной пижаме, а на улице лил сильный дождь. Ты искала весь день и всю ночь. В итоге потеряла

сознание от изнеможения, вдобавок и ноги стерла в кровь. Потом ты слегла с воспалением легких. Тебе пришлось лечиться целый месяц. Но твоего хорька мы нашли. Пришлось организовать целую группу от Отдела. Наверное, людям было очень забавно смотреть, как шесть гренадеров носились по городу в поисках одного злосчастного хорька. Если уж мы нашли его тогда, то и сейчас найдем. Пожалуйста, успокойся и возьми себя в руки. — Закончив свою речь, Ким выдохнул.

Она его явно вымотала. Парень вообще любил обходиться короткими фразами, но в работе со мной так не получалось. Ему постоянно приходилось что-то разжевывать.

— Ким, там был город, а здесь целый лес, как мы его отыщем? — шмыгая носом, спросила я.

— Мы же гренадеры. Нас учили выслеживать людей, думаю, хорька-то мы должны отыскать.

Вокруг были сплошные деревья, и с приближением темноты видимость становилась все хуже и хуже.

— Ты действительно веришь, что у нас получится?

— Нет. Но мне и не надо верить. Ты прекрасно это сделаешь за двоих. Ладно, мы теряем время. Подымаемся, — скомандовал парень, сам вставая. Я последовала его примеру. — У тебя фонарик с собой есть?

— Нет.

— Я так и думал. Взял два, держи.

Я включила фонарик. Желтая полоска света рассекла наступающий мрак, но толку было мало. Посветив по сторонам, я увидела все ту же необнадеживающую картину снежного леса.

— Як-то грустно, — уныло протянула я.

— Не то слово, — вздохнул Ким. — Кажется, я вижу следы, идем.

И мы, обреченно хрустя снегом, стали продираться сквозь сугробы.

— Знаешь, Ким, мы напоминаем двух светлячков, блуждающих по лесу ночью, — заговорила я после десяти минут пути.

— Угу. Только напрашивается один вопрос.

— Какой?

— Какого черта светлячки забыли в лесу зимой?

— Действительно интересно. А может, они всесезонные?

— Не иначе. Акира, а тебе обязательно морозить глупости?

— По-моему, морозу не я, а мороз.

— Понятно, обязательно.

— Ким?

— М-м, что на этот раз?

— Мне страшно.

— Я не припоминаю, чтобы ты раньше боялась темноты.

— Я не про темноту. Ее я не боюсь с пяти лет! — гордо заявила я.

— О, с тех пор ты сильно выросла.

— Ким, я серьезно!

— Я тоже.

Минута тишины.

— Мне страшно от мысли, что мы не сможем его найти. Какие у нас шансы?

— Ну, если говорить оптимистично, то пятьдесят на пятьдесят, а если говорить реально, то они мизерные, — прикинув в голове, ответил парень.

— Зашибись, — выдохнула я.

Ким остановился.

— Возвращаемся? — обернувшись, спросил он.

От неожиданности я споткнулась.

— В смысле? Ох! — Мне в лицо ударил луч фонаря Кима. — Ты не мог бы опустить фонарь? Мне в глаза светит.

— Твой ответ?

— О чем ты? Какой ответ?

— Сейчас поздно, холодно, мы ищем зверька размером пятьдесят сантиметров и весом два килограмма в бескрайнем северном лесу. Как я говорил раньше, наши шансы практически равны нулю. Зачем нам мучиться? Какой смысл в этой затее? Не проще ли вернуться? В любом случае мне наплевать на судьбу этого звереныша. — Закончив свою речь, парень опустил фонарик.

— Плевать, да? — дрожащим голосом произнесла я. — А мне нет!!!

Ким пролетел пару метров. К его счастью, он приземлился в сугроб. Подбежав, я грубо схватила его под грудки, посветив фонарем. На бледном лице парня с правой стороны красовалась приличная ссадина. Завтра она превратится в симпатичный синяк.

— Тебе плевать, а вот мне совсем нет! — повторила я, тряся его. — Ты не представляешь, что он для меня значит! Я его ни за что не оставлю! Никогда! Пока у меня есть силы дышать, я не перестану искать его! — Я почувствовала, как мои ноги подкосились.

Отпустив Кима, я устало села. Слезы хлынули с новой силой. Красивые слова, но я полная дура!

— Ну ты и сказанула. Сколько пафоса. Знаешь, какой бы целеустремленной и упрямой ты ни была, есть вершины, которые тебе неподвластны, — потирая ушибленное лицо, произнес Ким. — Но это не значит, что ты не должна пытаться их покорить.

Я удивленно посмотрела на друга:

— Я тебя совсем не понимаю. Несколько секунд назад ты говорил, что все наши усилия бессмысленны и проще все бросить, а сейчас убеждаешь в обратном? Я так сильно тебя ударила?

— Я сейчас в сознании?

— Да.

— Значит, несильно. Послушай меня еще раз и перестань рыдать. У тебя уже щеки льдом покрываются, — сказал он, указывая на мое лицо.

Я испуганно принялась их тереть.

— Врешь ты все! — обиженно проговорила я, но плакать перестала.

— Я сказал правду. Мне лично до твоего Шнурика как до фонаря. Эй, погоди и опусти кулаки. Почему, чуть что, сразу рукоприкладство? Главное слово здесь *«твоего»*. Это твой хорек, и ты за него отвечаешь, и твои бешеные выходки, направленные на его спасение, естественны. Со мной он никак не связан, именно поэтому его судьба меня не сильно кольшет.

— Ким?

— Что?

— А по-человечески ты объяснить не можешь? — жалобно попросила я, шмыгая носом.

— Короче, ты его хозяйка, и это твой геморрой. А я тут с тобой, что называется, за компанию мучаюсь и слежу за тем, что бы ты, идиотка, со своей повышенной заботливостью не нашла себе еще больше неприятностей на мягкое место. Достаточно понятно?

Если бы не спокойный голос, все вышесказанное можно было принять за оскорбление. Но я, зная друга, быстро сориентировалась.

— Кимчик! Я тя обожаю! — с радостным воплем я полезла обниматься.

— Да понял я. Ты своей любовью убить можешь. Слезай, нам все же нужно отыскать Шнурика. Иначе мы тут до весны зимовать будем. Хотя и так весна, — сказал парень, безуспешно пытаясь меня оттолкнуть.

Пожмакав вдоволь напарника, я соизволила отлипнуть.

— Шнурик?

— Да-да, именно Шнурика.

— Шнурик?

— Тебя заело?

— Шнурик!!! — Я кинулась вскачь. Свет ранее упавшего фонаря озарил знакомую звериную фигурку в полосатом свитере. У хорька не было ни малейшего шанса ускользнуть. Я налетела на него с мощью снежной лавины. — Шнурик! Лапочка моя! Как я за тебя переживала! Только попробуй, скотина, еще раз сбежать, хвост оторву! Я так волновалась! Где ты, зверь несострадательный, лазил?!

— Акира, ты меня уже пугаешь, — смотря на меня с опаской, произнес парень.

— Чем же? Ой, у него все лапки холодные, и нос тоже. Ким, вдруг он заболит? — оторвав хорька от груди и ощутив его со всех сторон, забеспокоилась я.

— Надо было ему к свитеру и носки связать, — авторитетно заявил парень.

— Да я думала! Думала! Но это такая миниатюрная работа, ужас! Я все-таки не ювелир. Ну ничего, в следующий раз я не поленюсь и обязательно свяжу их!

— Кстати, насчет следующего раза. Если ты хочешь, чтобы он у нас был, не пора ли возвращаться? Становится все холоднее. Я уже не чувствую рук.

— Правильно! Пора-пора! За мной! — Зажав Шнурика под мышкой, я быстрым шагом направилась вперед.

— Акира?

— Что?

— База в той стороне, — указывая пальцем за спину, сказал Ким.

— М-да, точно. Тогда туда.

— Давай я поведу?

— Ну, если ты настаиваешь.

Хорек под мышкой, сутуловатая спина напарника, спотыкающаяся на каждом шагу, впереди — жизнь снова кажется такой прекрасной.

Казалась. Минут пятнадцать назад. Пока не начался снегопад и не подул сильный ветер. Я не знаю, с помощью какого чуда мы смогли добраться до места. Наверное, нам помогла жажда жизни и тепла. Особенно тепла. Беспросветная тьма и не переставая сыплющийся снег сделали видимость почти нулевой. Деревянный сруб, где раньше нас кормили блинами, мы нашли лишь на ощупь. Свет внутри дома не горел. Вокруг не было ни души. Перебирая рукой по бугристой стене, Ким нащупал ручку двери.

— Закрyто, — сообщил он.

— Я почему-то не удивлена.

— Я тоже, — парень вздохнул. — Я могу попытаться взломать замок, к сожалению, из-за снегопада я плохо вижу, и рук почти не чувствую, потребуется кое-какое время.

Я посмотрела на плохо гнущиеся пальцы Кима, потом на хорька, дрожащего за пазухой.

— Не пойдет. У меня нет времени ждать. На таран!

Я с разбегу налетела плечом на дверь. Она с грохотом рухнула внутрь.

— Прошу, — поклонившись, я указала напарнику на вход. — Прежде чем войти, пожалуйста, вытрите ноги.

Войдя, Ким протянул мне мою же отвертку. Когда только успел стащить?

— Прежде чем войти, пожалуйста, прикрепите обратно дверь, — парировал он мой вопросительный взгляд.

— Чего?!

— Сквозит.

— Но почему я должна ее крепить?

— Ты ее снесла.

— Да, но для тебя же старалась!

— Ничего не зна-а-а-ю, — зевнув, сказал Ким, поворачиваясь ко мне спиной. Я опасно занесла над ним отвертку. — И еще кое-что.

— Что? — ворчливо спросила я, пряча инструмент за спину.

— Дров нет. Днем я видел дровник слева от дома. Принеси дрова.

— Что-нибудь еще сделать, пока я не вышла? — ехидно спросила я.

— Да вроде все. В случае чего я сообщу дополнительно, — милостиво сказал он.

Я почувствовала, как во мне проснулась тяга к убийству. Натянув варежки и надев капюшон, я решительно вышла на улицу за дровами.

— Теперь твоей душеньке спокойно? — спросила я, садясь рядом с Кимом возле камина.

В свете огня, озаряющего комнату, бегали причудливые тени. Жутковато, но тепло.

— Моей душеньке всегда спокойно. Ты дверь на место поставила?

— Да, поставила. Незаметно? Не дует.

— Дует.

— Наверное, из щелей. Так бы нас просто сдуло. По правде, я ничего не ощущаю, — поводя рукой по полу, призналась я.

— Я ощущаю.

— Конечно, это же ты! Ты чувствуешь, как тянет даже из самой малюсенькой щели. Мистика! — усмехнулась я.

Огонь трещал.

— Да, чувствую. Я всегда чувствую холод. Ненавижу его. Смешно. Мне кажется, я от него умру. Но он меня спас, — не отрывая глаз от огня, бесцветным голосом промолвил Ким.

Я коснулась его руки. Ледяная. Осторожно сжала. Парень вздрогнул, но руку не отнял.

— Любопытно, — начала я, — засунь я тебя в камин, ты согреешься?

Ким поднял на меня глаза. Глаза цвета пламени. Не понимаю, почему человек с такими теплыми глазами такой холодный.

— Не надейся. Твоим ужином я быть не собираюсь.

— Ага! Значит, ты раскусил мой коварный план! Как жаль, а я-то надеялась. Хотя ты, дохлый и костлявый, небольшая потеря, — посмеялась я, растягиваясь на полу.

— Выходит, моя худощавая комплекция спасла меня от участи быть съеденным? Повезло.

— Еще как! Ну что, спать? — поинтересовалась я, накрываясь найденной в доме шкурой.

— Спать, — подтвердил Ким, размещаясь рядом.

— Замерзнешь — ложись ко мне поближе. Я согрею тебя своими горячими объятиями, — лукаво улыбаясь, пошутила я.

— Пожалуй, я воздержусь от столь щедрого предложения.

— Почему? Боишься стать ближе?

— Боюсь. Ты раздавишь меня, переворачиваясь во сне, — пояснил Ким, натягивая на себя шкуру.

— Уж скорее ты меня костями проткнешь! — уязвленно заявила я.

Странно. В тот момент мне показалось, будто Ким покраснел. Возможно, всего лишь отблески огня. Я никогда не видела его смущенным или улыбающимся от всей души. Ехидные улыбки, снисходительные усмешки — единственные положительные эмоции на лице друга. Но разве они настоящие? И я не знаю, как звучит его смех. Ни разу не слышала. «А что я вообще знаю о Киме?» — засыпая, посетил меня интересный вопрос. Во сне мне приснился предновогодний разговор с Жюли.

— Лицевая, изнаночная, лицевая, изнаночная, черт! Опять сбилась! И как теперь это распутывать? — простонала я, смотря на спутавшиеся нитки.

— Ножницы дать? — спросила Жюли, наблюдая за моими ухищрениями.

— Нет. Пока не надо. Попробую разобраться, — сказала я, старательно перебирая пальцами. — Думаешь, шарф — хороший подарок для Кима?

— Думаю, да, он вечно мерзнет и вечно болеет. Так было с самого детства, — отхлебнув из чашки, ответила девушка.

— Я заметила. Значит, Ким с детства доходяга? Ему нужно есть больше фруктов, в них много витаминов.

— Возможно, но, думаю, не в этом дело. Акира, если ты хочешь подарить брату шарф, не обязательно вязать самой. Можно купить.

— Что ты, в этом вся малина! — заверила я девушку, с ужасом смотря на получившийся у меня кошмар.

— Говорят, вязание успокаивает нервы, но по тебе не скажешь, — осторожно заметила Жюли.

— Верно замечено. Оно меня бесит! — вскричала я, бросая недоделанный шарф в сумку. — Быть может, в самом деле проще купить готовый? Но я хотела сделать подарок Киму своими руками. Как говорится, с любовью и заботой, — грустно улыбнувшись, вздохнула я.

Жюли внимательно посмотрело на мое расстроенное лицо.

— Наши родители историки-археологи, — внезапно заговорила она, глядя свернувшуюся на ее коленях кошку. — Они изучают историю и культуру различных стран. Всю свою жизнь. Как им только не надоест? Меня это всегда поражало. Такая преданность делу. Они утверждают, что каждый раз открывают для себя нечто новое. Сколько себя помню,

мы все время переезжали с места на место. Долго не задерживались нигде. Однажды, когда Киму было пять лет, мы жили в одной деревеньке на Севере. Зима там совсем не то, что здесь. Она лютая, жестокая, забирающая тепло твоего сердца. Север произвел на меня сильное впечатление. С тех пор я не могу вспоминать о нем без жгучего холода в груди. В один день Ким потерялся. Сообщили, что сошла лавина. Скорее всего, его завалило в одной из горных пещер. Мы искали в завале. Шансы найти брата были минимальны. Найти живым — тем более. Горы снега и глыбы камней, что может быть хуже? Но мы его нашли. Вернее, он сам нашелся. Ким один из немногих, кто смог самостоятельно выбраться из-под завала. Когда его принялись расспрашивать, как же он смог выбраться, Ким ответил, что просто почувствовал ветер. Ветер, который проник в пещеру через щель между камней. Спасительную щель. Разобрав несколько небольших валунов, Ким смог вылезти наружу. — Девушка замолчала. Кошка потянулась, выпустив и втянув когти. — После того случая брат чувствовал любой сквозняк. Стоило приоткрыть окно на втором этаже, как он, находясь на первом, немедленно требовал закрыть его. Странно. Он ненавидит сквозняки и холод. Но по сути, именно они спасли ему жизнь. Смех, да? Сам он такой холодный. Акира, ты что делаешь?

Я достала обратно свое вязанье.

— На чем я остановилась: лицевая или изнаночная?

— Изнаночная.

— Хорошо. Лицевая, изнаночная, лицевая.

Кошка зевнула, Жюли улыбнулась. Приятно смотреть на такое упорство.

Станный сон. С чего мне вдруг вспомнился тот разговор? Ким раньше жил на Севере — вон оно что! Как я могла забыть! Теперь понятно, откуда он столько знает об экономической обстановке и прочем. Интересно, а где он жил? Вряд ли в столице. Скорее всего в какой-нибудь захудалой деревеньке, где его родители могли спокойно изучать народное творчество. Хм, Ким мне ничего не рассказывал о своем житье на Севере. Допытать, что ли? А какой смысл? Данная информация пользы делу не принесет. А вытягивать из напарника факты биографии ради праздного любопытства можно разве что раскаленными щипцами. Да где их взять?

Я открыла глаза. Потолок. Незнакомый. А с чего бы ему быть знакомым? Повернула голову. Мне открылся вид мирно спящего друга. Сейчас Ким был расслаблен. Его лицо выглядело безмятежным, но брови беспокойно хмурились. И что тебе снится? Что не позволяет каждый раз выспаться как следует? У каждого свои демоны. Хорошо, у моих пока затишье. Я села. Посмотрела в другую сторону. Шнурик в форме вопросительного знака дрых в своей переноске. Нет, это уже наглаж. Все спят, а я проснулась, непорядок! Посидев пару минут, я подумала, не разбудить ли ребят, но смилостивилась — пусть спят. Поднявшись, я почувствовала резкую боль в спине. Сон на полу явно не самая лучшая идея. Особенно если до этого от души приложиться боком. Я оголила живот.

— М-да, знатный синяк. А какой цвет!

«Пока все спят, прогуляться, что ли? Свежий воздух всегда полезен для здоровья», — решила я. Подойдя к двери, я осторожно потянула за ручку (дверь я вчера приделала обратно, но мало ли что). Дверь открылась. Я замерла. Опустила голову. Снега было по пояс.

— Ни фиги себе!

Я испуганно зажала рот. Оглянулась. Ким не шелохнулся. И чего испугалась? Этого

парня и пушечный выстрел не разбудит. Но я не ожидала, что за одну ночь может выпасть столько снега! Чувствуется, железную дорогу никогда не расчистят. Неужели нам суждено застрять в Брасете навечно?! Кошмар! Прорыв себе окоп, я смогла выбраться наружу.

— Свежий воздух. Красота! Эхо! — прокричала я, глубоко вздохнула и упала в сугроб.

Не знаю, сколько времени я провела на улице, но в дом вернулась изрядно мокрая и покрытая снегом.

— Знаешь, Акира, с твоей стороны было не очень вежливо уйти гулять и оставить открытой дверь. Как ты вчера и говорила, меня чуть не сдуло, — «приветливыми» словами встретил меня Ким. Я сделала виноватое лицо. Да, про дверь я действительно забыла. — Ну?

— Понимаешь, память девичья.

— Оригинальное оправдание, — протянул парень. — Что за вид? Ты с кем-то дралась?

— Я закалялась!

— В одежде?

— Ну и что? Тебя-то и в шубе на мороз хрен выгонишь! — перешла я в атаку.

— Ладно, оставим дискуссии по поводу закаливания и хрена на следующий раз. Сейчас у нас имеется куда более насущная тема — как вернуться обратно в Брасет. Если ты помнишь, завтра госпожа Ильская должна встретиться с шантажистами. Мы не можем опоздать на эту званую встречу. Пока ты занималась сомнительно оздоровительными процедурами, я покопался и кое-что нашел. Они помогут нам передвигаться по глубокому снегу.

— Ким?

— Да?

— Ради всего святого, надеюсь, ты не нашел лыжи? — с испугом спросила я.

— Нет, хочу тебя успокоить. Я нашел снегоступы, — ответил парень, протягивая мне вещицы, напоминающие теннисные ракетки.

— Я не умею ходить на снегоступах, — призналась я, с сомнением осматривая конструкцию.

— Я тоже. Есть повод научиться. Других вариантов все равно нет.

Мы вышли из дома и обулись. Вокруг не было ни души. Один девственный лес. Как он мне надоел!

— И куда нам? Я понятия не имею, в какой стороне находится Брасет.

— Удивительно. С твоим-то чувством места, — «поразился» Ким. — Я примерно представляю, куда нам нужно идти. Вон там находится дорога, по которой нас привезли. Выйдем по ней обратно к Брасету.

— Не знаю. Сегодня всю ночь мело. Снега выпало уйма. Дорогу, наверное, занесло. Ее теперь не разберешь.

— Ты права, но направление мы знаем. Дорога проходит через лес, а значит, ее очищают от деревьев. По вырубленному и пойдем. А со снегоступами есть шанс не «утонуть» по шею.

— Замечательно, но меня волнует другое. Сможем ли мы дойти до Брасета пешком?

— Я очень надеюсь, что по пути нам кто-нибудь встретится, — признался Ким.

— Кто-нибудь — это кто?

— Желательно кто-нибудь на санях или упряжке.

— А если нет?

— Тогда это будет полная... — мрачно, но зато честно ответил напарник. — Но ты оптимистка — надейся на лучшее.

— Я уже надеюсь, — мрачно произнесла я.

— Отправляемся?

— Отправляемся. Эх, ситуация знакомая до боли в коленках. Тебе не кажется, в последнее время мы только и делаем, что теряемся?

— Главное — находимся, — заключил Ким, трогаясь с места.

Поправив переноску на плече и взглянув на возмущенно скребущегося хорька, я последовала за другом.

Шагать по метровому снегу — занятие не из легких. Снегоступы помогали, но после получаса ходьбы ноги начинали отваливаться. Не знаю, сколько мы сумели пройти. Природа не баловала разнообразием. Деревья, кусты да сугробы — вся картина. Она преследовала на всем протяжении пути, и не было ей ни конца ни края. Я устала. Мне все надоело. Очень хотелось сесть в сугроб и, как маленькая, забить руками и ногами с криками, что дальше я никуда не пойду. Но поможет ли? Сомневаюсь. Детство прошло. Вот она, суровая взрослость во всей своей красе. Ненавижу.

— Ким?

— М?

— Ты не устал? — с надеждой спросила я.

У меня от напряжения давно пропала чувствительность ниже пояса, а легкие покрылись инеем. Но признать свою слабость перед хлипким напарником равносильно позору всей жизни.

— Ну... — задумчиво протянул парень.

— Ой, да брось ты! Я прекрасно вижу, как ты почти на девяносто градусов вбок отклоняешься. Объявляю остановку!

— Хорошо, — согласился Ким. — Но только пять минут. Нам нужно пройти как можно больше.

— Пять минут? Ты садист, — простонала я.

— Самому не лучше, — проговорил парень, уткнувшись лбом в ближайшее дерево.

— Еще и мазохист, — заключила я.

— Да ну тебя, — устало отмахнулся Ким, подозрительно сползая. Он там себе лоб не сдерет? — По-другому мы и к ночи не доберемся до Брасета. Пара паршивых километров, но с такими темпами они растянутся на все десять.

— А я продолжаю греть себя надеждой, вдруг нам кто-нибудь встретится. Уф, — я наклонилась, чтобы погладить усталые конечности.

В тот же миг за моей спиной раздался резкий треск. Упала ветка. Я удивленно обернулась.

— Ложись!

Ким снес меня с ног. Шансов не лечь у меня не было. Упав в кусты, я возмущенно подняла голову.

— Ты чего творишь?!

Вместо ответа парень прижал меня к земле. Щеку обожгло снегом.

— Тихо, в нас стреляют, — прошептал он.

— Что?!

«Ничего себе новость!» Я вновь чуть не подскочила. Но друг крепко держал меня, блокируя все попытки к подъему. Пар четких выстрелов. У стоящего рядом с нами дерева отлетел небольшой кусок коры. Да, это играет против моей невинной теории про паранойю Кима.

— Не хочешь иметь дополнительные дырки в голове — не высовывайся, — спокойно предупредил друг. — Судя по интервалам между выстрелами, стрелок один, — прислушиваясь, сообщил он.

— Не полегчало, — с издевкой прошептала я, крепко прижимая к себе переноску.

— А ты бы предпочла целое войско? — скептически спросил парень.

— Я бы предпочла противника без винтовки! Врукопашную я могу уложить кого угодно, но меня не учили, как драться против пуль! — признала я сей грустный факт.

— Пули имеют тенденцию заканчиваться. Но нет гарантий, что нас не успеют пристрелить раньше.

— Час от часу не легче. Есть идеи?

— По траектории пуль можно сказать, что стрелок находится на земле. Очко в нашу пользу. Достать нас сверху ничего не стоило бы, — начал размышлять Ким, задумчиво смотря на деревья.

— Ага, подкинь ему еще мыслишку, — поддержала я напарника, осторожно стряхивая с головы упавший после очередного выстрела комок снега.

— Бежать бесполезно. В снегоступах невозможно быстро передвигаться. А без них увязнем. И одежда у нас темная ко всему прочему. На белом фоне мы отличные мишени. Теперь поняла, про какую маскировку я тебе рассказывал?

— Поняла, — вспомнив разговор в Осте, кивнула я. — Предлагаешь по-быстрому перекраситься в блондинку?

— Не успеем. Вариант — затаиться и переждать, пока от нас отстанут.

— Гениально! А он отстанет?

— Ну, должно ему когда-то надоест? — философски пожал плечами Ким.

Мне кажется, с каждым разом наши идеи становятся все гениальней и гениальней. Хм, может, он и правда мозг отморозил?

— Допустим. А чего он вообще к нам пристал?

— Хочу тебе напомнить, что мы какие никакие гренадеры и сейчас наше задание — доставить секретное послание в Снегирь. Пожаловали местные посыльные.

— Эм, может, передадим им посылочку? — как «доблестный» гренадер, предложила я.

— Предложение заманчивое, но нет гарантии, что после нас оставят в живых, — обломал мои надежды Ким.

— Печаль. Продолжаем здесь сидеть? У меня начинает замерзать она самая.

— У меня тоже. Лучше переберемся в другое место, — крутя головой, сказал парень.

Выстрелы продолжали звучать.

— Стреляет, стреляет, не попадает ведь? — удивилась я упертости стрелка.

— Хочет взять на испуг. Надеется, мы выйдем.

— А мы выйдем?

— Да, нам же нужно перебраться.

— Похоже, у него есть все шансы попасть в цель.

— Снимай снегоступы. Попробуем спуститься ниже.

Дорога находилась на возвышенности, лес с двух ее сторон под горку спускался вниз.

— Тропу не потеряем?

— Уже не важно. Главное — избавиться от этого. — Очередной выстрел. — По моей команде рвем когти вниз. Ты следи за правой стороной.

— Самому не видно?

— А разве не видно? — каламбуром спросил напарник, указывая пальцем на затекший правый глаз, обрамляемый фиолетовым фингалом.

Я и забыла о вчерашнем мордобитии Кима. До этого момента глаз удачно прикрывала отросшая челка.

— Прости, — смущенно извинилась я. — Тебе следовало лед приложить.

— Спасибо, льда мне и так хватило. Ты готова?

Я глубоко вдохнула, крепче сжав переноску.

— Нет, но когда это останавливало?

— Никогда. И-и-и... сейчас пошли.

Пошли так пошли. Стоило принять вертикальное положение, и снег тут же ушел из-под ног. Я плюхнулась на спину, припустившись вниз, само собой не забыв прихватить с собой напарника. Спина оказалась неплохим заменителем санок. Только чувствую синяков не сосчитаю. Гладкая кожа дубленки хорошо скользила вниз с горки. Оторваться от стрелка, несомненно, удалось. Выстрелы нам больше не грозили, а вот перспектива врезаться во внезапно возникшее дерево встала на первый план. Но пока мы их успешно объезжали.

На пути вырос здоровенный сугроб. Плюх. Темнота. Я полежала несколько секунд, тупо хлопая глазами. Для сугроба довольно просторно, и снег не сыпется, земля со всех сторон. Выходит, мы угодили в какую-то яму или нору. Большую нору. Очень большую. Пробитый ход тотчас завалило снегом. Свет едва проникал.

— Ким, ты здесь? — на всякий случай шепотом спросила я.

Раздалось копошение. Глаза постепенно привыкли к темноте, я смогла разглядеть силуэт друга.

— Здесь я, здесь, — ответил напарник, неуверенно ощупывая себя. — Ну ты и пошла.

— Сама в шоке. Но уйти-то смогли, — решила похвастаться я положительным моментом своего провала.

— Угу, смогли, еще как, — кивнул Ким. — Ну, место вроде подходящее. Можно тут переждать.

— И сколько ждать? — спросила я, стараясь усесться покомфортней, но ноги старательно во что-то упирались.

— Пока не стемнеет.

— Так долго! Нам же поскорее нужно добраться в Брасет.

— Мы на Севере, темнеет здесь рано. Ждать недолго. В Брасет доберемся по-любому вопрос когда. В темноте есть один плюс: нас не видно, значит, стрелять по нам не могут. Смирись, придется сидеть.

— Мирюсь, только что мне там в ноги упирается? — не выдержав, я начала двигать раздражающий предмет руками. Руки уперлись во что-то мохнатое и шевелящееся. С запозданием в нос ударил запах.

— Эм, Ким? — я осторожно подергала друга за рукав. — Похоже, мы не одни.

— Хм?

— Здесь медведь! Мы провалились в его берлогу.

— Ты только заметила? — мирно спросил Ким.

— Да! А ты что, знал?! — как можно тише вскричала я.

— Догадался. Акира, расслабься.

— Как я могу?! Нужно срочно отсюда вылезать! — Я попыталась двинуться на свободу, но Ким схватил меня за ногу. Я очень надеюсь, что Ким.

— Вылезем, а дальше? Снова попадем на мушку?

— Нет, лучше мы останемся в берлоге с его гостеприимным хозяином и попадем ему на зуб и когти!

— Тебе ли бояться медведя? Да ты сильнее слона.

— Сильнее. Только в замкнутом темном пространстве толку мало. И с животными я драться не люблю. Мне их жалко и страшно убить, а им меня нет.

— А людей не жалко и не страшно?

— Ну-у-у, не особо.

— Тебе нужно серьезно задуматься над своими приоритетами, — заключил парень. — Пока медведь спит — мы в безопасности. Главное, не шевелиться и производить как можно меньше шума.

— Как ты можешь быть таким спокойным?! — в сердцах выпалила я.

— Могу. Но если ты не перестанешь голосить, мое спокойствие иссякнет, — с опасной ноткой в голосе предупредил Ким.

Медведь громко вздохнул. Я замерла, вжавшись в стенку берлоги. Мамочки! Снайперы, медведи, доброжелательные напарники. Душевная вышла поездочка, ничего не скажешь! «Везет как утопленнику», — мрачно подумала я, моля, чтобы Шнурик не вспомнил о своем ежедневном моционе скрежетания.

Человек бесшумно спрыгнул на землю. Он ступал мягко и осторожно вдоль примятой дорожки, проходящей вниз с горки. Недавно по ней проехали. Человек шел не торопясь. Словно по волшебству снег под его ногами не издавал ни звука. Длинные серые лоскуты развевались у самой подошвы сапог. Кончик винтовки едва касался земли. Человек остановился перед большим сугробом. Постоял с минуту. Усмехнулся. Закинув винтовку на плечо, он так же бесшумно побрел в обратную сторону.

— Думаешь, дело нужное?

— А чего оно не нужное? Тебе шкура нужна?

— Нужна.

— А мясо?

— Тоже неплохо.

— И чего ты мнешься? Медведь этот уже старый.

— Старый-то старый, зато опытный!

— Брось! Чем опыт оный ему во сне поможет?

— Твоя правда.

Бредя и деля шкуру еще не убитого медведя, размышляли двое мужчин. Охота на такого зверюгу — дело опасное, лезть к нему в берлогу — того хуже. Хорошо, если спит, а ежели нет? Весна все-таки, пора ему выходить из спячки. Правда, на Севере весна — это только листки календаря. Природа особых различий между сезонами не делает.

— Ну, кажись, пришли. Верзила тот сказал, что где-то здесь. А, вижу, вон берлога косолапого, — указал рогатиной один из мужиков.

— Ох, не знаю. Мутный тот парень какой-то. Никогда его раньше не встречал.

— Так он же приезжий!

— Во, приезжий. По манерам не наш. Городской. И дает наводки на медведя. Откудаво ему знать, а?

— Жил он тут раньше. Охотился. Чего ты к нему пристал? Нормальный парень. Веселый. Но колокольня еще та! Я таких высоченных не видел. Здоровей любого медведя. А ты давай, полезай.

— Ему на медведя самое то идти, — проворчал мужчина. — А он точно спит?

— Спит-спит. Лезь и смотри, там твой трофей или уже ноги сделал, — толкая его, говорил первый.

— А что я-то сразу?

— Медведь кому нужен, мне или тебе?

— Мне.

— Вот и полезай! Бери рогатину. Ну, давай-давай, а то и правда проснется, пока ты тут мнешься.

Неуверенно взяв у друга «оружие», мужчина вновь подумал, а может, ну его, этого медведя? Хотя ежели он правда спит, опасности вроде как нету. Эх! Была не была! Рискнем. Встав на четвереньки, он осторожно раздвинул снег и заглянул внутрь.

— Темно, не видно. Дай фонарь!

— Ты чего? Какой фонарь? Так точно разбудишь!

— А делать-то чего?

— Рогатиной пошуруй, как только уткнешься — сразу поймешь, там он или нет.

Делать нечего, стал шуровать. Раздался неразборчивый звук.

— Я что-то слышал.

— Медведь во сне храпит. Суй дальше.

Толкнув рогатину глубже, мужчина почувствовал — назад не идет. «Застряла, что ли?» — подумал он. Дернул сильнее. Чуть вышла. И тут он увидел сомкнутую на конце рогатины бледную, грязную, исцарапанную руку. Мужчина в ужасе отскочил.

— А-а-а!

— Ты чего кричишь? — испугался друг.

— Мы не медвежью берлогу, а чью-то могилу разворотили!

— Чушь! Какая тут могила?

— В-вон, с-смотри.

Рука медленно стала выползать из земли, за ней последовала взлохмаченная голова. Из-под нависших волос зловеще блеснули бездушные глаза.

— Покойник! — закричал один.

— Мертвец! — закричал второй.

— А-а-а!!! — вскричали оба. Вдруг мертвец целиком вылез из берлоги и молниеносно бросился на них. Мужчины попрощались с жизнью.

— Тихо! Чего орете? Медведя разбудите, — укоризненно предупредил их мертвец, зажимая рты. Мужчины перестали дрожать и присмотрелись. «Мертвец» оказался молодой девушкой, грязной, лохматой, но все же живой.

Послышалось копошение. Вылез еще один. На этот раз парень.

— Наконец можно разогнуть спину, — протянул он, похрустывая всем телом. — О, новые знакомые?

— Ой, верно! — Девушка убрала руки. — Дяденьки, милые, отвезите нас, пожалуйста, в Брасет! Очень просим!

Мужчины переглянулись — вот те поохотились на медведя!

В «Товар» мы вернулись к двум часам ночи — уставшие, чумазые, потрепанные и почти убитые жизнью. Повезло, что нас нашли охотники на медведей и согласились подбросить до Брасета. Не то ночевали бы в лесу. Зайдя в лавку, мы с удивлением заметили на месте хозяина. Услышав скрип половиц, он встал со стула.

— О, пожаловали все же! — радостно произнес мужчина, встречая нас. — А я уж думал, больше не вернетесь. Не переживайте, вещички я ваши не выкинул. Лежат на чердаке в полном порядке. Можете проверить.

— Спасибо, верим на слово, — поблагодарил Ким. Мы было двинулись наверх, но напарник остановился. — Простите, у вас не найдется лишней одежды? Наша, как видите, потеряла презентабельный вид.

Я удивленно подняла брови.

— Но, Ким, у нас же... ауч!

Парень чувствительно наступил мне на ногу. Я заплясала.

— Барахлишко нужно, да? Ну, того добра я найду! — почесав подбородок, кивнул мужчина. — Замечу, вам бы и помыться лишним не будет. Видок у вас, не в обиду будь сказано, тот еще! Любой шахтер позавидует.

— Хорошее предложение, но исполнение проблематично. В вашей лавке вряд ли предусмотрена ванная комната?

— Ха, ну, ванну с мраморными полами я вам не предложу. Это только для особых клиентов, — рассмеялся хозяин. — Но выдать мыло, полотенца и подогреть воду в тазике — какие разговоры? В качестве банной воспользуйтесь тем чуланом. Места немного, зато в полу такие щели, вода спокойно стечет. Греть?

— Грейте.

Мужчина вразвалочку удалился готовить нам шильно-мыльные принадлежности. Мы поднялись на чердак.

— Ким, не понимаю, зачем ты попросил одежду? У нас же есть своя запасная.

Нога еще побаливала. Тем не менее я решила не ругаться с напарником. Пока. Пусть сначала объяснится.

— А зачем в кондитерской «Сладкая жизнь» на день бесплатной раздачи сладостей ты воспользовалась одним и тем же купоном и получила две тянучки? Хотя правила гласили: один купон — одна конфета? Ты сжульничала.

— Я не жульничала! — праведно возмутилась я. — Просто забыла вернуть старый купон.

— Разумеется. Как и я — просто забыл о запасной одежде.

— Жулик. И жадина, — заключила я.

— Кто бы говорил. И, к твоему сведению, это не жадность, а дальновидность.

— Ну-ну.

Я принялась обиженно перебирать сумку. В спорах с Кимом я всегда проигрывала. Мои аргументы он направлял против меня, добывая несметным числом умозаключений. Споры явно не моя сильная сторона. Ах, сила, сила. С каким превеликим удовольствием я бы намылила Киму шею. Но, увы, у него есть мозги, чтобы не попадаться на мои кулаки. Я

вытащила из клетки Шнурика. К шерсти хорька присохли комки земли, свитер выглядел пожеванным.

— Хм, может, Шнурика тоже помыть?

— Удачи, — иронично пожелал Ким.

Насмешка вполне объяснима. Шнурик и вода несовместимы друг с другом. Купание хорька — игра в последнего героя. Вернуться живым — подвиг. Невредимым — утопия.

Последний раз друг помогал мне в этом гиблом деле. Позже нам потребовалось немалое количество йода и бинтов: хорек боролся за право вести чумазую жизнь самоотверженно.

— Все готово! — раздался голос снизу.

— Кто первый в душ, ой, то есть в тазик?

— Я, — тотчас отозвался парень.

— Эй, а разве дамы не вперед? — спускаясь за Кимом по лестнице, возмутилась я.

— Не вижу здесь ни одной дамы, — невозмутимо ответил он.

От возмущения я пропустила ступеньку и плюхнулась на пол. Шнурик, воспользовавшись суматохой, выскользнул из рук и подло вцепился в ухо. Взвыв, я стала отдиравать хорька. Парень тем временем спокойно проскользнул в купальный чулан. Сумев отцепить хорька, я зло посмотрела в сторону закрытой двери. Тоже мне друг!

— Быть может, вы, госпожа гренадер, пока одежду посмотрите? Я принес кое-какое барахлишко. Не стесняйтесь, выбирайте, — щедро сказал хозяин лавки, вытряхивая вещи на прилавок. Я косо глянула на кучу шмоток.

— Подержите.

Мужчина осторожно взял хорька. В знак приветствия Шнурик кляцнул зубами в сантиметре от его носа.

Вещички, прямо сказать, не первой свежести. Но я откопала довольно приличное темно-синее платье местного стиля с широким подолом. Спереди под горло уходила ярко-красная шнуровка.

— Это вроде ничего. Сколько стоит?

— Да ни сколько! Давно оно у меня впустую валялось и пылилось. Вы только сделаете одолжение, забрав его, — отмахнулся хозяин.

Я вновь взглянула на вещи — поношенные и не в моем стиле, но на халяву, как говорится, и укус сладок.

— Спасибо. Надеюсь, придется впору, — прикладывая к себе платье, сказала я.

— Вроде ваш размер.

— Угу, главное чтобы, в груди сошлось.

— Кхе-кхе, да, пожалуй, — согласился мужчина, смущенно отведя глаза. Позади раздался скрип двери.

— С легким паром, *зараза!* — с обворожительной улыбкой пожелала я напарнику.

— Спасибо, — вытряхивая из уха воду, поблагодарил Ким, пропустив мимо последнее слово. — Ну и дубняк, брр. Я наверх.

— Давай. Ну, Шнурик, идем купаться! — радостно сообщила я хорьку. Шнурику в моей фразе явно что-то не понравилось, но он не мог понять, что именно. Скоро понял. К сожалению.

Мужчина с ужасом смотрел в сторону чулана, из которого нескончаемым потоком звучали крики и брань, сопровождаемые жутким грохотом.

— А я сказала, ты будешь купаться! Живо полезай в тазик! Ау!!! Хватит меня царапать! На мне уже живого места нет! Ах ты, червяк мохнатый, перестань сворачиваться узлом, это тебе не поможет! А-а-а! Выплюнь мыло! Его не едят! Кому сказала!!!

Хрясь! Вам! Бабах!!! Тишина.

— Эм, госпожа гренадер, вы в порядке? — с опаской спросил мужчина, не выдержав затишья.

Дверь распахнулась. В столбе пара показалось очертание фигуры. Девушка в кровавом полотенце держала в вытянутой руке неопознанное существо с вытаращенными глазами и хвостом, напоминающим ершик для чистки трубки.

— В порядке. Все просто *зашибись*. Спасибо за горячую воду. Простите, я испачкала ваше полотенце. Я его постираю и потом верну, хорошо? — показывая на кровавые разводы, виновато произнесла девушка.

— Н-нет проблем, оставьте себе, — поспешно закрутил головой мужчина.

— В самом деле? Вот спасибо! Спокойной ночи, — улыбнувшись, поблагодарила гренадерша, направившись к лестнице.

— С-спокойной.

Хозяин лавки заглянул в чулан. Разгром, точно прошла снежная лавина. «Ну и дела», — подумал он, поглаживая затылок.

Утром я проснулась с новым и каким-то неприятным ощущением. Про исцарапанное в мясо тело и отвалившиеся от усталости ноги я промолчу. Меня начала беспокоить боль в горле. Я завертелась в постели. Вставать нет никаких сил. Раздался скрежет. Святые профитроли! Шнурик, ты мстишь за ночное купание? Я кинула гневный взгляд в сторону переноски с хорьком. Зверек, заметив, что на него обратили внимание, сделал выжидательную паузу и с новой силой начал скрести. Ух!!!

— Если он не прекратит, я вынесу его на улицу, — раздался недовольный голос возле меня. Я повернулась. Темная макушка друга торчала из-под одеяла.

— Кхе-кхо, — прохрипела я и тут же испуганно схватилась за горло, — кхе-кхо, кхе-кхо!

— О-о-о, похоже, ты потеряла голос, — протянул Ким, с интересом выглядывая.

— Кхо?!

— Чему удивляешься? Вчера ты провалялась в снегу, промокнув до трусов, а потом мы несколько часов просидели у медведя в берлоге. Все вполне закономерно, — философски заключил парень.

— Кхо кхе кхе-кхе! — вскричала я. — Кхо кхе-кха?

— Ничего не поделаешь. Поздняк метаться. Остается пить горячий чай, держать горло в тепле и верить в иммунную систему организма.

— Кха кхо-кхо кхо кхе? — обреченно поинтересовалась я.

— Понятия не имею. Но будешь и дальше продолжать напрягать горло — не скоро.

Я поспешно закрыла рот. И что, мне все это время молчать? Вот те радость!

— Успокойся. Есть и светлая сторона, — начал парень.

— Кхо кха-кхая? — с надеждой подвигаясь ближе, спросила я.

— Несколько дней я буду наслаждаться тишиной, — блаженно произнес Ким.

— Кхо?!

— Я не говорил, что светлая сторона для тебя.

Я с рыком уткнулась лицом в подушку. Шнурик скребся. В горле першило. Ким, тихо

ворча, закутывался с головой в одеяло. Я осталась полностью раскрытой. Замечательное утро! Интересно, что ждет нас в дне грядущем?

— Вы что-то, госпожа гренадер, сегодня совсем невеселая. Поездка в Ледяные пещеры не оправдала ваших ожиданий? — сочувственно спросил хозяин трактира, глядя на мою кислую физиономию.

— Кхе кха! — с чувством прокашляла я, хмуро прикрываясь меню.

— Простите?

— Поездка понравилась. К сожалению, моя напарница простыла и потеряла голос. Сей грустный факт ее огорчает, — пояснил Ким, самозабвенно ковыряя засохшее пятно на стойке.

— А-а, понятно! Что ж, тогда я приготовлю вам, госпожа, липовый чай с малиной. Самое лучшее лекарство! А что будете заказывать?

— Мне, пожалуйста, котлету шахтера с картошкой по-деревенски. Я надеюсь, котлета не горстка углей? — поинтересовался парень, заканчивая ковыряние.

— Нет, что вы! Просто когда-то она была любимым блюдом местных работяг. Значит, вам одну котлету шахтера и картошку по-деревенски, а вам, госпожа гренадер?

— Кхе кха-кхо, кхе-кхе... — начала перечислять я, загибая пальцы.

— А ей достаточно вашего чая и манной каши, — заказал за меня Ким. Я окончательно потеряла дар речи, вытаращив на друга глаза.

— И все? — удивился хозяин трактира.

— Да, сегодня у нее разгрузочный день.

— Понятно, — кивнул мужчина, удаляясь.

— Кхим! Кхе кхо кхо-кхи?! — придя в себя, напала я на парня.

— Ничего я не творю. Во-первых, я думаю о нашем бюджете. Во-вторых, сама сообрази, как ты с больным горлом собираешься есть твердую пищу? Тебе будет больно глотать. А манная каша самое то. Заканчивай выпендриваться. Ты сейчас не в том положении, — невозмутимо отбил мои нападки парень.

Я засопела. Самое обидное, что Ким во всем прав. Мне больно глотать даже слюну. Но живот отказывался это принимать. Он безостановочно урчал.

— Ваш чай, госпожа гренадер. Осторожно, горячий. Ну, не убивайтесь, — мужчина ободряюще похлопал меня по плечу, — поправитесь. Должен отметить, платье вам очень идет! Ну, я за котлетой.

Комплимент меня слегка ободрил. Я принялась расправлять складки на юбке.

— Знаешь, Акира, когда я рекомендовал держать горло в тепле, я не подразумевал, что грудь должна быть нараспашку, — заметил напарник, грея руки о мой чай.

Ну что мне сделать со своими пропорциями! Как я и опасалась, платье в груди жало. Пришлось ослабить шнуровку. Вышло пикантное декольте. Зато шею я добротнo обмотала шерстяным шарфом.

— Кхи кхо? — с вызовом спросила я. — Кха кхо кха-хай!

Я отобрала у друга чай. Тоже мне моралист! Сам выбрал свитер с непомерно длинными рукавами. С его мерзлявостью в самый раз.

Нам принесли заказы. Взглянув на румяную котлетку друга, затем на свою размазню, от которой не отлипала ложка, я засопела еще усиленной.

— Что с госпожой? — удивился моему сопению хозяин трактира.

— Нос заложило. Продувает, — ответил находчивый Ким.

— О-о-о!

Я со злостью застучала ложкой по тарелке. Тарелка треснула. Благо хозяин трактира не взял с нас денег. Но для меня завтрак был безнадежно испорчен. Как теперь жить?

Оставшийся день прошел скучно и без приключений. Правда, мне и вчерашних хватило сполна. Завтра нас ждала встреча с шантажистами госпожи Ильской. Будем надеяться, она пройдет успешно. Я имею в виду для нас, а не для шантажистов. Но особо стараться не буду. Все равно не платят. И не кормят.

Восемь часов вечера. Странно, что не полночь. Видно, не все злодеи знакомы с законами жанра. Впрочем, заброшенный безлюдный склад угля — одна штука — имелся. Опять же, угля здесь вообще-то не было, только грязь от него. Обычный деревянный сарайчик больших размеров. Прохудившаяся крыша, через которую медленно падал снег, и болтающаяся на соплях дверь также в наличии. Ну, скажем прямо, декорации дешевенькие. Посмотрим на действующих лиц. Где же они? А вот где! В проходе показались две женские фигуры: госпожа Ильская и верная служанка Юма. В походках девушек чувствовалось напряжение. Но казалось, госпожа Ильская полна решимости покончить со всем этим. В руках Юма держала небольшую сумку. Осталось дождаться шантажистов.

От длительного сидения на корточках у меня затекли ноги. Я невольно начала топтаться на месте.

— Не дергайся. Засада насмарку пойдет, — шикнул на меня Ким.

— Кхо кхе кхо-кхи кхо-кха, — пожаловалась я.

— Терпи. Скоро разомнешься.

Только сейчас я заметила, что напарник комфортно восседал на подушке расцветкой в черных овечек. Это была любимая подушка Кима. Он часто возил ее с собой. Но чтоб и сюда притащить! Напарник с невозмутимым видом читал книжку, светя на страницы карманным фонариком. У меня тут, понимаешь, все тело ломит, а он со всеми удобствами! Наглеж...

— Кхим! Кхо кхо-кхо кхы, — обрушилась я с наездами, как вдруг Ким схватил меня за конец шарфа и потянул вниз.

— Тихо, — парень приложил палец к губам. — Похоже, шантажисты пожаловали.

Я аккуратно выглянула. Точно. Три темные фигуры в масках. Секундочку, а маски им на кой? Парень, которого я вырубил, щеголял открытой физиономией. Замерзли, что ли? Маски утепленные, такие обычно носят горнольжники. Странно.

Шантажисты поравнялись с девушками. Юма крепче сжала сумку. Госпожа Ильская гордо выпрямила спину.

На улице задувал сильный ветер. Сарай ходил ходуном. Все трещало. До меня доносилось лишь неясное бормотание. Но смысл разговора можно было понять без слов.

— Вы принесли деньги?

— Да, а вы принесли письма?

— Разговорчики! Сначала деньги, потом письма!

— Нет, письма!

— Нет, деньги!

— Письма!

— Деньги!

— Письма!!!

— Деньги!!!

— Развлекаешься? — спросил Ким, смотря на меня. Видимо, на моем лице все читалось. Я быстро скорчила серьезную гримасу. — Теперь такое чувство, будто ты хочешь в туалет.

Я насупилась еще больше.

— Ладно, шутки в сторону. Приготовься, сейчас передадут сумку. Ты должна атаковать шантажистов прежде, чем они ее откроют, — предупредил парень.

— Кхе-кху?

Ответа я не дождалась. Напарник толкнул меня в спину. Онемевшие ноги запутались в непривычно длинном платье, и я с грохотом плюхнулась на грязный пол. Мой эффектный выход не остался незамеченным. Обе стороны бросили на меня удивленные взгляды. В глазах шантажистов (единственное, что было открыто) читалось недоумение: «Это еще кто?» На лицах госпожи Ильской и Юмы прослеживались другие мысли: «Боже, и на этого человека мы положились?» Ну уж извините! Чего хотели на халяву? Я неспешно встала, отряхнулась и грозно сдвинула брови.

— Кхе-кхе-кхо кхо кхе! — ткнув пальцем в злодеев, угрожающе прокашляла я. Парни переглянулись. — Кхе-кхе-кхо кхо кхе, — терпеливо повторила я.

— Чего-чего? — неуверенно спросил один из бандитов.

— Кхе-кхе, кхе-кхе, кхе-кхе!!! — Потеряв терпение, я возмущенно затопала ногами. Стены завибрировали. Люди испуганно зашатались. Кусок прогнившей балки с грохотом рухнул на пол рядом с честной компанией. Группа шантажистов и госпожа Ильская со служанкой одновременно сделали шаг вбок.

— Кхе-кхо кхе? — последний раз попыталась я провести переговоры. Ох, бесполезно. Только горло сильнее разболелось. А, ладно, дела говорят громче слов! Не церемонясь, я одним звериным прыжком набросилась на мужчину, выхватив у него сумку с деньгами. Несколько раз перекувыркнулась. Остановилась. Замечательно, теперь голова кружится.

— Эй, ты че творишь?! — придя в себя, вскричал первый шантажист.

— Да я ее уже видел! Это та девица, про которую я вам рассказывал, ну та, что напала на меня! У нее хватка как у дикого вепря! — опознал меня второй. Дикого вепря? Что-то новенькое. Что ж, сочтем за комплимент.

— Это что за дела, я вас спрашиваю?! Шутки с нами шутить вздумали! Пускай она немедленно вернет сумку, или же эти письма будут опубликованы во всех газетах, и не только Севера! — набросился на дочь директора банка третий. Лицо Юмы потеряло последнюю краску, но госпожа Ильская осталась неприступной.

— Не понимаю, о чем вы говорите. Мы не знакомы с этой девушкой и понятия не имеем, кто она и что тут делает, — слегка дрожащим голосом произнесла девушка.

— Говорите, не знакомы? Значит, у нас нет необходимости ее жалеть. Парни, разберитесь с ней по-быстрому!

Мужчины двинулись на меня.

— Хе-хе, теперь ты не возьмешь меня врасплох, как в прошлый раз! Будь умницей, гони обратно сумку, — сказал мужчина с бывшей сигарой.

«Ага, счас! Бегу и спотыкаюсь», — хмуро подумала я. И почему Ким не удосужился посвятить меня в свои гениальные планы? В том, что оные у него имелись, не было сомнений. У парня так устроен мозг: не составив плана и не просчитав все возможные варианты, он не выходил на дело. Но что ему мешает нормально проинструктировать меня?! Разве мы не напарники, в конце концов! И что теперь делать-то? Бежать? Драться? Как

лучше поступить? А, ну его! Не стратег я, елки-палки!

Покончив с умственной работой, я ударила ближайшего бандита сумкой. Ух! Хорошо полетел! Жаль, низко. Приземление. Ящики раскололись в щепки. Будет то еще удовольствие вынимать занозы из мягкого места. Хм, надеюсь, Ким больше не сидит там, в засаде. А впрочем, так тебе и надо! Ну, кто следующий? Энтузиазм в рядах нападающих заметно поубавился, если вообще не сошел на нет. Я лучезарно улыбнулась одному из временно непобитых мужчин. Улыбаться я умела по-особому, с одной стороны искренне и радостно, а с другой — хищно оголяя зубы. Пятисантиметровых клыков и острых как бритва когтей у меня не было. Но хрупкие на вид руки, незатейливо завязывающие подобранную с пола арматуру в морской узел, порой производили, куда большее впечатление. Бандит, сглотнув, попятился к главарю.

— Эй, а может, черт с ней, с этой девкой? Бешеная она какая-то.

Главарь слегка замялся, но чувство наживы в очередной раз пересилило чувство здравого смысла.

— Совсем рассудок потерял?! Ради чего мы все затеяли? Это обычная девчонка, знающая пару приемов борьбы! Ну и, наверное, наглотававшая всяких стероидов и зелий, — неуверенно закончил главарь, критически осматривая меня. — Без сумки мы не уйдем. Пошевеливайся и отбери ее!

«Хей! Я знаю отнюдь не парочку приемов! Нечего меня занижать. И я за здоровое питание!» — праведно возмутилась я. Ух, как я не люблю таких типчиков! Им бы только поруководить процессом, а сами с места не сдвинутся, ни-ни. Сразу вспоминается мой любимый напарничек. Кстати, где ты сейчас, килька позорная?!

Хм, а удачно они кучкой встали. Главное, своих не задеть. С другой стороны, мне не платят, чего напрягаться? Хотели сумку — получайте!

— Кхо-кхи-кте! — прокричала я и, сделав пару мощных взмахов, отпустила злосчастную сумку.

У госпожи Ильской и ее служанки оказалось неплохое чувство самосохранения. Увидев надвигающийся «снаряд», они быстро отскочили в сторону. Шантажистам повезло меньше. Их снесло с ног. Я не преследовала цели бить до дырки в животе. Мы же гуманные люди. Обойдемся парочкой сломанных ребер и отбитыми почками. Ребята оказались крепкими и, повалившись несколько секунд, охая и шатаясь, начали подниматься на ноги. Зря встаете, сейчас снова ляжете. И тут внезапно раздался голос Кима:

— Акира, отойди.

Я отошла, удивленно оглянувшись. Из темноты возник Ким, державший в руках нечто напоминающее ракетницу. Парень спустил курок. Громко бухнуло и сверкнуло. Из дула вылетели две веревки, оканчивающиеся крюками. Веревки закрутились вокруг шантажистов, плотно стянув по рукам и ногам. Мужчины вновь рухнули на пол. Ну я же говорила.

— Кхо кхо? — поинтересовалась я, тыча пальцем в штуковину в руках друга.

— Новая разработка Отдела. Оставляет желать лучшего. Жутко заедает, и хватает на один выстрел. Пока замотаешь веревку и перезарядишь, с ума сойдешь.

Ух ты, какие интересные штучки-дрючки! А мне раньше не показывал!

— И кхе кхы кхе-кхы?

— Стоял в сторонке. Не хотел быть ненароком убитым. Думаю, я поступил правильно, — сказал Ким, поднимая с пола щепку.

Я недовольно запыхтела. Тоже мне напарничек! Вечно всю грязную работу выполняю я,

а он тихо стоит в стороне! Пусть не в первый раз. Пусть по-другому не сработаемся. И да, мне давно пора привыкнуть к нашему стилю работы. Но! Заложенный нос, больное горло и потраченные за «спасибо» силы не улучшали моего отношения к сложившемуся разделению обязанностей. И я молчу про завтрак из манной каши!

— Госпожа Ильская, могу я узнать, вы когда-нибудь лично встречались с тем, с кем вели переписку? — неожиданно спросил парень, задумчиво изучая щепку.

— Да, пару раз мы виделись. Года три-четыре назад. Но в основном мы переписывались.

— Вы не созванивались?

— Нет. Звонки за границу дорого обходятся. У меня имеются средства, но я предпочитаю тратить их разумно. Поэтому мы лишь переписывались.

— Я-я-ясно, — протянул парень, зевнув. — Предположим, человек, с которым вы виделись всего пару раз и никогда не созванивались, вряд ли будет опознан вами по одному голосу, верно?

— Да, я не сумела бы узнать его голос, — подумав, согласилась госпожа Ильская.

— Ну разумеется, — кивнул Ким, казалось больше самому себе.

— Простите, а к чему эти вопросы?

— К тому, что организатор сего дилетантского шантажа, присутствующий здесь собственной персоной (серьезно, есть предел человеческой глупости?), является вашим дорогим другом по переписке.

— Как?!

— Кхо?!

— Ой!

Воскликнули мы втроем: госпожа Ильская, я и Юма.

— Вы удивлены? — насмешливо приподняв одну бровь, спросил Ким.

— Ну еще бы! Но откуда такие выводы?

— Долго и хлопотно объяснять, — отмахнулся напарник. — Давайте я просто покажу лицо шантажиста, и вы убедитесь во всем сами.

— Нет! — вдруг вскричал один из бандитов. В скудном свете блеснуло. «Нож!» — сообразила я. Быстро разрезав веревки, мужчина схватил сумку и припустил в сторону выхода. Ким даже не шелохнулся. Врешь, не уйдешь! Я приготовилась к низкому старту, но напарник остановил меня жестом.

— Кхо?

— Притормози. Дадим ему небольшую фору.

— Кха-кхе?!

— Увидишь, — туманно ответил парень.

Прошло полминуты.

— Думаю, достаточно. Госпожа Ильская, не откажетесь пройти с нами?

— Если это необходимо, — удивленно согласилась девушка. Мы вчетвером, недоумевая, последовали за Кимом.

К моему потрясению, долго искать не пришлось. Стоило свернуть за угол склада, как мы тут же наткнулись на беглеца.

— Мои глаза! Что это?! — Бандит стонал и тер лицо. На снег падали красные капли. Кровь? Откуда?!

— Кхим? — я недоуменно подергала друга за рукав.

— Теперь я настоятельно рекомендую вам снять маску.

Ослепленный мужчина не смог увернуться от ловких рук Кима. Маска слетела с лица.

— Боже! — госпожа Ильская в шоке отступила назад. Юма быстро подхватила под руку свою госпожу. — Почему? Как?

— Ответить на вопрос «почему» очень просто — деньги. А «как» — сложнее. Мне не хотелось бы утруждать вас длительными пояснениями. Температура вновь начала опускаться, и моя грелка остыла, — сказал Ким, доставая из-за пазухи булькающий мешочек. У меня отвисла челюсть. Ах ты попа с ручкой! Я, понимаешь ли, мерзну, дерусь, дабы согреться, а он с грелками расхаживает! Напарник стоял ко мне спиной, но гневный взгляд он почувствовал и затылком. Парень обернулся: — Акира, ты всегда хвасталась своей горячей кровью, разве нет?

Ну да, и что с того? Нельзя было из вежливости позаботиться о своей напарнице?

— Недавно кто-то мне сказал, что хорека для нее важнее друга. Она его, видите ли, дольше знает. И я подумал, сам себя я точно знаю дольше, чем тебя, и как ни крути мое здоровье мне важнее. Все честно, — пожал плечами друг.

Я почувствовала, как у меня нервно сжимаются кулаки. Ну ты...

— Кхим!!!

Ким не ошибся. Организатором шантажа действительно оказался друг госпожи Ильской — старший сын одного из представительных владельцев заводов тяжелой металлургии на Севере. В деньгах он не нуждался до поры до времени. Пора наступила, когда отец решил перекрыть сыну кислород, а точнее, доступ к финансам. Идея, как и ожидалось, ему не пришлась по вкусу. Зарабатывать своим трудом сынок не умел, а главное, не хотел. И тут ему в его голову пришла замечательная идея заняться старым добрым шантажом. Компрометирующие письма, а главное богатая и наивная подруга — идеальная цель. Она уважаемая девушка, гордость родителей, предмет для подражания, и тут такие легкомысленные слова, открытые чувства. Пара случайно оброненных фраз, и жизни конец. Да, она, несомненно, сделает все что угодно, только бы избавиться от писем. Дальше авантюра пошла просто: прикинуться незнакомцем, выкрывшим драгоценные письма, и шантажировать госпожу Ильскую, вынудить ее приехать на Север и заплатить заранее обговоренную сумму. Ну и не было лишним нанять парочку громил для солидности.

Все просто. Но как до всего додумался Ким, я не могла понять. Напарник пояснил:

— Когда я без тебя встречался с госпожой Ильской (не надо смотреть на меня таким испепеляющим взглядом, мне кажется, я уже дымлюсь), я подробно расспросил ее о письмах и человеке, которому они посвящались. Обнаружился интересный момент: похищены исключительно письма, написанные госпожой Ильской. Получается, их выкрали у ее драгоценного друга. Логично? Логично. Напрашивается вопрос: почему он не сообщил подруге о пропаже? Как вариант, он мог о краже и не знать. Кто знает, где люди хранят старые письма и часто ли они их перечитывают. Я оставил данный вопрос. Но незамедлительно возник новый: шантажировали ли друга госпожи Ильской? При желании письма можно переводить двояко, и они могли одинаково навредить обеим сторонам. Госпожа Ильская не обладала подобными сведениями. Мне пришлось навести справки. Я немного разузнал о парне и о его нынешнем финансовом положении. Допустим, у шантажистов имелась та же информация. Вывод: шантажировать данного типа бесполезно. С него нечего взять. Казалось, парень чист. А потом состоялась встреча, и я увидел

шантажистов в масках. Меня это изрядно удивило. Безусловно, по старому шаблону преступники должны носить маски, верно? Но, если отбросить в сторону любовь к классике жанра, выходит нестыковка. Зачем им скрывать свои лица? Ведь мужчина, который угрожал Юме, не прятал своего лица. Он действовал открыто. О, тебя это тоже насторожило? Похвально, похоже, ты начинаешь работать головой. Давай думать дальше. Ну увидит их небритые рожи госпожа Ильская, и что? Побежит жаловаться сотрудникам гарды? Нет, не побежит. В противном случае ей придется раскрыть причину шантажа. А какой бы конфиденциальной ни была бы информация, она быстро просочится в газеты. Госпожа Ильская не пошла бы на подобный риск. Тогда к чему лишняя предосторожность? Допустим, у одного из шантажистов имелась веская причина скрывать свою личность. Может, девушка даже знала этого человека? Если принять такую вероятность, все встает на свои места. Возможность украсть письма, причина, побудившая сделать это, и острое желание скрыть свое лицо удачно указывают на «верного» друга. В итоге госпожа Ильская его опознала, что подтвердило верность моих догадок, — устало закончил Ким, вымотанный речью.

Я молча хлопала глазами. Полученная информация неохотно усваивалась в голове. Слишком ее много. Тем не менее я решила рискнуть и получить добавку.

— А откуда у тебя взялась та непонятная штуковина, которой ты заарканил ребят, и что за красная гадость, размазанная по лицу того парня? — спросила я, неожиданно осознав, что голос ко мне вернулся. Ким сразу взгрустнул.

— Видя твою удивленную физиономию, я надеялся, ты окончательно потеряешь дар речи. Ан нет, он к тебе вернулся. Все у тебя не как у людей, — вздохнул он. — Штуковину мне выдали на тестирование в ЗОГе. И, как я тебе сказал раньше, ожиданий она не оправдала. Отдача сильная, и целиться можно только по стоячей мишени. Нужно будет написать им отзывы, — проворчал Ким.

— А мне почему про нее не рассказал? Я тоже хочу поиграть!

— Да как-то из головы вылетело.

Угу, как же. Жадина. И тут меня осенило:

— погоди, а сразу ты, умник, не мог скрутить тех ребят? Они довольно долго стояли кучкой на одном месте. Зачем я носилась как угорелая?

— Ну-у-у, пока я разобрался с механизмом, пока зарядил, прицелился. А тут какое-то развлечение. Помнится мне, ради *твоего* веселья мы смотались на одну злосчастную экскурсию, и я подумал...

— Короче, это месть.

— Кто знает? — туманно протянул парень. — Насчет красной жидкости — я заложил в сумку «бомбочку» с перечной краской.

— Перечной?

— Угу, это особая краска. Ее используют в банках при инкассации денег. Она плохо смывается, и перец сильно жжет кожу, а уж глаза...

— Ким, ты дьявол! — с ужасом сказала я.

— Ничего не знаю.

— И что же такого плохого тебе сделал тот несчастный парень?

— Мне ничего. Но я предвидел вероятность побега, поэтому приготовился. При удачном побеге шантажисты в любом случае заглянули бы в сумку. И сюрприз. Последствия «подарочка» требуют врачебного вмешательства, а стойкая ярко-красная краска легко поможет найти прокрасившегося в нее человека.

— Получается, сделай парни ноги, мы точно смогли бы найти одного по красной физиономии?

— Именно.

— Но я не понимаю, зачем ты позволил ему сбежать.

— Поймай мы его сразу, он не открыл бы сумку. Я впервые пользовался «бомбочкой», и мне было интересно посмотреть.

Он точно дьявол. Я с горечью пожалела о своем промахе. Ким успел увернуться. Стена склада — нет. Теперь в ней дополнительная вентиляция. Вдруг меня молнией пронзила внезапная мысль. По спине побежали мурашки.

— Ким, скажи-ка мне, пожалуйста, а как ты наводил справки?

— Сделал пару звонков и срочных телеграмм, — безмятежно пожал плечами напарник.

— Местных звонков или международных? — докучливо поинтересовалась я.

— И тех, и других.

Сердце остановилось.

— Ким, да ты знаешь, сколько стоят международные звонки?!

— Знаю, — кивнул парень, протягивая мне чек. Руки у меня дрожали. Цифры прыгали перед глазами. Мурашки маршировали.

— Возьми, — убитым голосом сказала я, возвращая чек Киму.

Я труп. Как только мы вернемся на Запад, Вальтер меня убьет. Нет, зловещая улыбка озарила мое лицо. Нет, он убьет сначала Кима, а я, возможно, успею убежать. В голове вновь закрутились цифры. Я никогда не была сильна в подсчетах, но благодаря неумолимому секретарю быстро научилась считать расходы и стирать лишние нолики в книге дохода-расхода. И сейчас я поняла: цифры выдачи и траты жестоко не сходились. Мурашки затанцевали канкан.

— Ким, а ты потратил конкретно свои деньги? — наивно спросила я, в глубине души зная ответ.

— Конкретно наши.

— Мои кровные?! — Я вскочила со стула. Посетители трактира «Театр» устремили на меня взгляды.

— Не кричи, опять голос сорвешь, — предупредил парень. Испугавшись, я аккуратно села обратно, уже шипя:

— С какой радости ты тратишь мои деньги без разрешения?

— Скажи я, для чего они мне, ты бы их не дала, верно?

— Верно, — хмуро подтвердила я.

— Не волнуйся. Я все отдам, как только вернемся домой.

Это точно месть. Злой человек.

— Минутку, Ким, у нас осталось хоть что-то из финансов?

— Немного осталось, и половину мы сейчас тратим на завтрак.

Убил.

— Госпожа гренадер, вы будете что-нибудь заказывать? — добродушно осведомился хозяин трактира.

— Буду. стакан воды и корку черного хлеба.

Я обреченно плелась следом за напарником. Жизнь кончена. Все наши деньги улетели в телефонную трубу. Проклятый прогресс! Оставалась мелочь, которую и нищим стыдно

подать. А я мечтала потратить сбережения и попробовать все блюда Севера. Ага, попробовала, как же! На какие шиши мы будем питаться дальше, я не представляла. Мы и до Снегиря-то не добрались. А что будем делать с ночевкой, когда уедем из Брасета? Стратег хренов об этом подумал?

«Застанет голод — съем Кима», — хмуро решила я. Поток моих «светлых» мыслей прервали.

— Акира, ты быстрее перебирать ногами не можешь? Нам еще вещи нужно успеть собрать.

— Вещи? Какие вещи?

— Наши вещи.

— Зачем их собирать?

— Затем. Мы покидаем Брасет.

Новость сразила меня наповал. Придя в себя, я ускорила шаг, чтобы догнать успевшего уйти Кима.

— Как покидаем Брасет? Ты забыл — рельсы засыпало, и поезд не может двинуться с места! Последние дни снег только и валил. Завал не расчистили. И как ты собрался ехать?

— Точно не на поезде.

— Тогда на чем? На своих двоих?

— Помнишь, ты удивилась моей инициативе безвозмездной помощи госпоже Ильской?

— Помню.

— Она была не безвозмездной.

— Ким, нам заплатят! — С сияющими глазами я придвинулась к парню. Ким поспешил отойти от меня.

— Нет. Но...

— Что «но»? — с надеждой спросила я.

— Но она поможет нам выбраться отсюда.

— Как? Она что же, возьмет лопату и расчистит дороги? Или у нее есть телефон небесной канцелярии? Она позвонит им и попросит прервать снегопады? — недоуменно поинтересовалась я.

— Твоим бредовым идеям нет границ. Госпожа Ильская благородная девушка, как ты представляешь ее с совковой лопатой наперевес? Хотя *ты* представляешь. Верю. Насчет второго варианта ты почти угадала.

— У нее есть телефон небесной канцелярии?! — с восторгом подпрыгнула я.

— Я смотрю на тебя и думаю — ты прикалываешься или действительно веришь в свои слова? — посмотрев на меня, как на умалишенную, протянул парень. — К твоему великому сожалению, у госпожи Ильской нет телефона небесной канцелярии, зато, к моему великому счастью, у нее есть телефон других, не менее полезных людей.

На этом Ким прервал свои объяснения и больше не отвечал на мои расспросы. Сказал, сама увижу. Дуракам объяснять себе дороже. Я не обиделась. Слишком взволновала меня внезапная новость о нашем отъезде. Странно, за эти несколько дней серый и унылый Брасет успел мне порядком надоест, но теперь мне даже жаль его покидать.

— Ой, Ким! Я не попрощалась с хозяином трактира! Нужно вернуться. — Я поспешила развернуться, но Ким ловко схватил меня за капюшон.

— Нет времени. Думаю, переживет он и без твоих прощаний.

— Невежливо получается. Господин хозяин трактира был добр с нами, кормил вкусной

едой. Как мы можем уехать не попрощавшись?

— Не всегда со всеми можно проститься. Иногда нам приходится уходить, бросая все. Иногда нас бросают. Такое бывает.

Хлопья снега облепили темные ресницы друга. Взгляд из-за него казался туманным, устремленным куда-то далеко сквозь меня. Ким раздраженно протер рукой здоровый глаз. Снежинки превратились в капли. «Слезы», — почудилось мне.

— Но...

— Нет.

За свою жизнь я дважды уходила не прощаясь. Бросала некогда дорогое и знакомое. Разрушала мосты. Я не жалела о своих поступках. Ни о первом, детском и безрассудном, ни о втором, горьком и болезненном. Я не желала восстановить мосты. Зачем, потратив столько сил на побег, плакаться и мечтать вернуться? Нет. Пускай останутся лишь камни. Только бы они не тянули меня ко дну. Я знаю каждый свой булыжник. А сколько их у тебя?

— Ким? — я потянула друга за край рукава. Он остановился. Мы простояли несколько мгновений.

— Нам пора, — произнес Ким, двинувшись с места. Рукав выскользнул из моих пальцев. Эти слова решили все.

— О-хо-хо, уезжаете? Жалко, я к вам уже привык. Ну, надо так надо! Вы ведь торчали здесь не по своей воле, — добродушно сказал хозяин лавки, увидев нас с вещами.

— Вы правы, нам пора. Спасибо за ваше гостеприимство, — поклонившись, поблагодарил Ким.

— Да что за гостеприимство! Грязный чердак? Бросьте!

— Ну, мы пойдем, — напарник поправил сумку.

— Ты иди. А я на минутку задержусь, — предупредила я друга.

Ким задумчиво посмотрел на меня. С одной стороны, ему не хотелось мерзнуть на улице, а с другой, он видел мое умоляющее лицо. Друг решил поступить деликатно. Махнув рукой, что значило «Фиг с тобой, но долго ждать не буду», он вышел. Мужчина с интересом посмотрел на меня.

— Я тоже хочу поблагодарить вас за доброту и кое о чем попросить, если можно.

— О чем же?

— Понимаете, я не успела попрощаться и отблагодарить хозяина «Театра». Времени у нас не осталось. Мы уезжаем. Не передадите ли вы ему мои слова? — с надеждой спросила я. Вначале мужчина недоуменно вытаращил глаза, а потом разразился громким смехом. С потолка посыпался мусор и паутина. Я обиженно надула губы. — И вовсе не смешно.

— Нет-нет, вы неправильно поняли, ох. Госпожа гренадер обиделась? Не обижайтесь, будет вам! Что со старика взять? Вы меня в лучших чувствах удивили, правда. Такая внимательность.

— И что плохого?

— Ничего. Напротив. Госпожа гренадер, вы, я вижу, знаете важность прощаний и благодарности?

— Обыкновенная вежливость, — смутившись, буркнула я. Что его так рассмешило?

— У вас замечательная привычка, — помолчав, проговорил мужчина, положив свою мозолистую руку мне на голову. — Она может сделать счастливыми многих людей. Лучше не изменяйте ей. Не беспокойтесь, я все обязательно передам. Хо-хо, вам, госпожа гренадер,

пора в путь. Вашего друга, наверное, занесло снегом. Никогда не заставляйте ждать людей, которые готовы это делать.

— А?

— Не волнуйтесь, улыбайтесь и хорошо питайтесь! Вот мои вам пожелания! — Потрепав меня по голове, мужчина рассмеялся.

— С последним, боюсь, будут проблемы, — протянула я, шмыгнув носом. — Но спасибо, до свиданья!

— До свиданья, до свиданья! И будьте осторожны! Север бывает жесток и непредсказуем.

Последние слова застали меня в дверях. Я обернулась. Лицо мужчины было серьезным. Ветер задул в дверь, взъерошив волосы. Снег, воспользовавшись замешательством, влетел внутрь. Снежинки, покружив в тихом танце, безмолвно осели на пол. В воздухе можно было ощутить зародившееся ожидание.

— Да, я уже знаю, — сказала я, сделав шаг за порог.

— Лоси?! — в который раз спросила я, не веря своим глазам.

— Лоси, лоси, успокойся. Откуда столько удивления?

— Но ведь это лоси!

— Акира, выпей машинного масла. Ты серьезно заедаешь, — посоветовал парень.

Будешь тут заедать! Лоси в санях! Собак — видела, оленей — видела, но лосей! Я оббежала «конструкцию» со всех сторон. Не смутилась заглянуть и под низ. Животные невозмутимо жевали, меланхолично наблюдая за моими выкрутасами. Жевание подстегнуло во мне удвоенный энтузиазм, и я чуть ли не залезла лосям в рот. Ким поспешил вытащить меня и отвести подальше.

— Я понимаю, ты у нас вечно голодная, но давай не будем объедать бедных зверей. Им нас еще везти.

— Разве лоси ездовые животные?

— Обычно нет, но на Севере, где климат суров, особо выбирать не приходится. Средств передвижения немного, исключая технические новшества, которых мало, и доступны они отнюдь не всем; остается всего несколько способов. Первый — пешком. Беря во внимание низкую температуру и снежный покров в несколько метров — не самый удачный вариант. Второй — на санях или в упряжках. Куда более эффективно, но опять возникают проблемы. В упряжки можно запрячь оленей или ездовых собак. Собаки удобны. Их легко разводить, и стоят дешевле оленей. Минус — они не настолько быстры и выносливы. Хотя отдельные породы могут состязаться наравне с оленями, но их мало. И опять же вопрос в цене. Но главная сложность — в содержании собак: их нужно кормить мясом. Дефицитный продукт. Даже несмотря на богатый промысел. Олени в этом плане лучше, сами питаются подножным кормом. Лосей используют в редких случаях. Они более грузные и, честно говоря, довольно медлительные. Зато более выносливые и могут перевозить тяжелые грузы. В седле лось способен нести больше ста килограмм, а запряженный в сани — до четырехсот. Госпожа Ильская предоставила нам экипаж. Для твоего понимания: перед нами зимний вариант кареты. Видишь, у нее вместо колес лыжи, как у саней? Сама конструкция весит немало, плюс багаж и пассажиры. Для оленей тяжеловато, зато для лосей в самый раз. Поняла? Еще будут вопросы?

— Только один.

— И какой?

— Откуда ты все знаешь?!

— Откуда? Хм, о поездке на Север нас проинформировали заранее. Было время подготовиться. Я сходил в библиотеку. Почитал необходимую литературу. Я решил, подобное не будет лишним.

— И сколько ты успел прочесть?

— Дай подумать. Ну, примерно штук двадцать книг и несколько стопок газетной макулатуры, — прикинув в голове, ответил парень.

— Обалдеть! Святые ватрушки, нам дали два дня! Когда ты все успел?

— Я быстро читаю, — пожал плечами Ким. Порой мне кажется, что он не человек.

— А ты, как я понимаю, не особо утруждала себя подготовкой?

— Неправда! — праведно возразила я. — Я тоже прочла кое-какую литературу.

— Что-то вроде «Традиционные блюда Севера» или «Кухня Севера»?

— Как ты догадался? — поразила я. — Ты следил за мной?!

— Нет. Просто я знаю тебя как облупленную.

На том наш разговор прекратился. Нас стали рассаживать по местам. Госпожа Ильская с Юмой ехали в отдельном экипаже. Разумеется, столько багажа. Но я понимала — проблема в другом. Социальную лестницу никто не отменял. Безусловно, это не афишировали. И так понятно. Забавно, когда мы впервые встретились, госпожа Ильская казалась кроткой девушкой, боявшейся привлечь к себе лишнее внимание. Сейчас же она вела себя сдержанно и уверенно, соответствуя всем правилам хорошего тона. Я не перестаю удивляться, как легко и быстро могут меняться люди. Даже пугает. Думаешь, что знаешь человека сто лет, а потом за секунду все может измениться. Перед тобой вдруг возникает незнакомец. И ты его не знаешь.

Меня толкнуло вперед. Экипаж двинулся с места. Вначале совсем медленно, потом постепенно убыстряя ход. Смотреть в окно не было никакого смысла. Как я заметила раньше, пейзажи здесь не балуют своим разнообразием.

Честно говоря, я и сама не исключение. Мне не узнать себя пять лет назад. Три года. Два. Один. Человеческое тело обновляется через каждые семь лет. Я ускорила процесс. Только кажется, в голове я ничуть не выросла. Несмотря на все перемены, есть вещи, которые во мне остались без изменений: моя неловкость, мои страхи, моя привычка играть чужую роль. Жить под чужим именем. Надеяться, что не опознают. Не скажут: «Ой, а я вас знаю! В детстве вы...» Нет, не знаете. Да и не узнаете. Длинные локоны отрезаны. Платье давно выкинуто. Бледная кожа стала смуглой. Хрупкие плечи окрепли. Нет больше мозолей на пальцах. Теперь разбитые костяшки. Вам не придет в голову искать меня в журнале Отдела. Пытаться распознать среди сотни гренадеров. Звезда исчезла. Упала с небосвода. Какая жалость. Какой талант. Но как порой легче дышать на земле.

Картинки в глазах начали смазываться. Усталость накинула свои сети. А в голове продолжала жужжать навязчивая мысль. Шорох. Шкура, укрывающая мои ноги, внезапно стала тяжелее.

Сон хорошая вещь, когда необходимо скоротать время. Но он не очень хорош в сидячем положении, на жестком сиденье и с постоянно бьющейся о дверцу головой. «Скорее всего, у меня будет шишка. В лучшем случае синяк», — хмуро подумала я, потирая ушибленный сбоку лоб. Мы не можем ехать поровнее? Постоянно мотает туда-сюда! Я слегка

пошевелилась. Ох, ноги затекли, и шея тоже. Блеск! Я попыталась аккуратно подвигать ногами. Нужно разогнать кровь. Получалось с трудом. Что-то давило на колени. Не помню, чтобы я клала на них сумку или переноску. Я разлепила веки. Черное и мохнатое. Хм, и что это может быть? Я осторожно потрогала рукой. Нащупалась выпуклость. Я заинтересованно потянула. Раздалось недовольное ворчание. Впоследствии черное и мохнатое оказалось головой Кима, а выпуклость его ухом. Напарник, недовольно потирая оттянутую часть тела, укоризненно посмотрел на меня. Я состроила виноватую мину. Кима не пробило. Перейдем к нападению.

— А нечего на коленях спать! Не маленький. У меня от тебя ноги затекли.

— У меня тоже, правда, почему-то одна. Кстати, на коленях спать неудобно. Жестко, — вода шей из стороны в сторону, пожаловался парень.

— Голова у тебя неудобная! Вся в острых углах, — проворчала я.

Отстав от друга, я, отодвинув шкуру, решила посмотреть, как дела у Шнурика. Хорек безмятежно спал. По-моему, по длительности сна зверек мог переплюнуть даже Кима. Не чему тут удивляться? Четыре часа активной деятельности и двадцать дремы для хорька норма. Жаль, в меня сон больше не лезет.

— Ким, а Ким, скоро ли мы приедем? — начала я тормошить парня.

— Не знаю, — пробурчал сонный напарник, пытаюсь отмахнуться от моих вопросов. Но я не отставала.

— Врешь! Ты всегда все знаешь.

— Довольно сомнительное заявление. Знать все невозможно, — сказал он, но посмотрел в окно. Бесполезно, на улице была темень. Парень достал из кармана часы. Взглянул, сморщился. Снова порылся в кармане. Достал фонарик. Закатил глаза, прикидывая что-то в голове. — Ну, навскидку часов пять.

— Пять?! — охнула я. — Жутко много...

— Думаешь, много? А сколько, по-твоему, мы проехали?

— Много, — твердо заявила я.

— М-да, тяжелый случай, — решил Ким. — Давай разберемся. Во сколько мы выехали?

— Эм, во сколько?

— Ох, в час дня. Вспоминаем про медлительность лосей. И если вдаваться в цифры... — Ой, как не хочется, но Ким уже начал: — Когда лоси не напуганы, они идут в основном шагом со средней скоростью полтора-два километра в час. Берем в расчет и то, что на ходу они часто останавливаются, обкусывают ветки, жуют снег и тому подобное. Лоси, идущие рысью, явление редкое, это случается только тогда, когда их напугают, или во время гона. Скорость всего лишь семь-десять километров в час. Но по мелкому снегу или вытопанной дороге преследуемый лось может бежать несколько часов без перерыва, не сбавляя скорость. Если вспугнуть лося, он может пробежать всего несколько сотен метров галопом со скоростью тридцать пять и более километров в час. Правда, после этого быстро выдыхается и переходит на шаг. Скорость плавающего лося тебя не интересует? — Я поспешно замотала головой. — Лады. Теперь представь, какова скорость лося, запряженного в килограммовую телегу с пассажирами? Что у тебя с лицом? Это ты так прикидываешь? Я-я-ясно, оставь. Ты хоть понимаешь, что быстро передвигать ногами он не сможет? И на том спасибо. От Брасета до Айсберга на поезде пара часов езды. И это прямая. Мы пехаем всего несколько километров в час по более-менее утопанной дороге круглыми путями. Как думаешь, такими темпами сколько мы будем ехать?

— Много? — грустно предположила я.

— Много, — кивнул парень. — Почти день. В лучшем случае к утру приедем. Вопросы? Я покачала головой.

— Акира, с твоими вечными расспросами я начинаю жалеть, что сам не лишился голоса.

— Он ко мне, между прочим, вернулся.

— Поверь, я заметил.

Голова снова легла на мои колени. Я положила на нее руку, начав машинально перебирать волосы. К утру приедем. Утро, и когда оно настанет? Забыла узнать, сколько сейчас часов. Спросить? Я посмотрела на мирное лицо друга. Ладно, пусть спит. Хоть кому-то из нас сон лезет в любом количестве.

Как хорошо покинуть злосчастный ящик на санях. Разогнуться, подвигать всеми затекшими конечностями, посмотреть на мир вокруг себя. Солнце взошло и озарило своим скудным светом землю. Ощущение раннего утра приятно пронзало мое тело. Не знаю почему, но рано утром мир воспринимается совсем иначе. По-другому чувствуется воздух, слышатся звуки. Вещи вокруг становятся более четкими и открытыми. Я люблю утро. Иногда мне нравится валяться в постели допоздна, а порой — вставать раньше солнца, ожидая рассвет. Но когда бы я ни встала, утро всегда прекрасно.

— Ким, доброе утро! — радостно сообщила я стоящему рядом другу.

Само собой, сколько людей, столько и мнений. Ким был совершенно иного. Парень одарил меня взглядом, от которого все прочие радостные слова мигом застряли у меня поперек горла. Вид у напарника был, словно он страдал похмельем. Не будь я лично свидетелем его нескончаемого сна, решила бы, что он сам тащил сани.

— Ох, не ори. Голова чугунная. И что это за издевательские слова «доброе утро»? Как оно вообще может быть добрым? Все тело ломит, в желудке сосет, еще и мутит, — проканючил парень, ощупывая себя со всех сторон.

— Мутит? А на соленькое не тянет? — невинно поинтересовалась я. Новый «светлый» взгляд в мою сторону. — Шучу-шучу, знаешь, раз в желудке сосет, надо срочно поесть! Только деньги у нас кончились. Придется просить милостыню.

— Раз хочешь, не буду тебя останавливать. Но может, это заменит милостыню? — поинтересовался Ким, подкидывая в руках звенящий мешочек.

— Деньги!!! — с бешеным криком я кинулась на мешок. Рефлексы вновь не подвели друга. Я оказалась лицом в сугробе. Но сей маленький казус не смог унять мою просто-таки выпирающую радость. — Откуда они у тебя? Я думала, мы все потратили.

— Свое — да. Госпожа Ильская щедро наградила нас за помощь.

— И сколько там? — жадно поинтересовалась я. — У-у-у, и все? Тоже мне щедрость. По-моему, шантажистам она готова была выплатить намного больше.

— То шантажисты, — усмехнулся парень.

— Нужно было тоже подсуетиться. Отобрали бы письма и потребовали сумму в полном размере.

Ким потянул меня за руку, вытаскивая из сугроба.

— Гениальная идея. Только ты чуток забыла — мы честные и неподкупные гренадеры. А честным и неподкупным не положено промышлять шантажом и вымогательством.

— Ага, а питаются brave герои хлебными крошками, — проговорила я, отряхиваясь от снега.

— Успокойся. Ворчать — моя прерогатива. Денег нам вполне хватит. Правильно их распределим — и нам не придется заниматься подработками. Ну, будем и дальше топтаться под воротами или войдем?

Я оторвала взгляд от одежды и посмотрела на возвышающуюся над нами стену. Мощное сооружение. Каменная стена стальным цветом переливалась на солнце. Похоже ее облили водой, впоследствии превратившейся в лед, лишая соблазна незаметно перебраться вовнутрь. Смотровые башенки стояли по двум сторонам распахнутых ворот. На их шпилях развевался голубой флаг с белым медведем — гербом города. Мы неспешно проследовали к воротам. Местные старожилы нас не сильно задержали. Посмотрев на опознавательные знаки Отдела и взглянув на документы, нас проверили на наличие контрабанды. Оной не оказалось. Только Шнурик повел себя не очень вежливо с представителями закона, чуть не укусив одного за палец. Но зачем совать их в клетку? Покончив со всеми процедурами, нас пропустили.

Айсберг оказался примечательней, чем я себе представляла. Каменные улочки выметены до блеска. Ни одной снежинки на них не было, только на крышах зданий. И по этим самым улочкам, что привело меня в полный восторг, проехало, пусть одно, но последнее чудо техники — автомобиль. Я замороженно смотрела ему вслед, пока он не скрылся за одним из домов. У нас в городе ездили лишь экипажи, да и они были предметом роскоши или жизненной необходимостью (пожарный экипаж, карета скорой помощи). Крушица — старый город с узкими улочками, по которым иногда приходится протискиваться со втянутым животом. Правительство города решило не заниматься капитальными перестройками в погоне за прогрессом. Крушица и без того претерпела серьезную реконструкцию из-за проведения электричества, телефонных проводов, систем отопления и канализации. Хорошо, в то время я там не жила, и даже не родилась. Говорили, тогда был полный бардак.

Айсберг же считался одним из самых продвинутых городов Севера, после, разумеется, самой столицы. Оторвав взгляд от автомобиля, я занялась осмотром архитектуры. Дома несильно отличались от западных, только окна заметно меньше. Должно быть, такая конструкция помогала беречь тепло. А вот улицы были действительно огромны! Не только автомобиль, по ним могла промаршировать целая конная армия! Пока вместо армии по ним сутился белобрый народ в своих цветастых нарядах с традиционной вышивкой крестиком. Наверно, скупость цветов Севера люди компенсировали в своей одежде и убранстве. Яркие цвета грели душу, помогая забыть о бушующих морозах и вечной зимней стуже. Продвигаясь по улице с напарником, я заметила, что от недостатка внимания мы не страдаем. Дети то и дело дергали родителей за рукава, тыча в нас пальцем. Старшее поколение вело себя гораздо спокойней. Скользили по нам слегка заинтересованным взглядом, тут же отводя его в сторону. Я могла понять их интерес.

— Знаешь, Ким, мы тут как белые вороны, то есть черные, то есть черные среди белых, вроде так, — окончательно запуталась я.

Напарнику чужие взгляды были до фонаря. Он целеустремленно водил глазами по домам, что-то разыскивая.

— Если тебя это сильно смущает, надень капюшон. Одежда у тебя как раз традиционная, — все же обратил на меня внимание парень и, не дождавсь, сам набросил капюшон. Волосы скрылись из виду, но темные глаза закрыть было нечем. Сам Ким даже не думал убрать вызывающие смоляные лохмы, ну и убирать их, собственно, было некуда. В

пальто Кима капюшон не был предусмотрен.

— Может, тебе голову платком повязать? — заботливо предложила я. Парень косо взглянул на меня:

— Зачем?

— Эм, чтобы ты не был как бельмо на глазу...

— Айсберг — портовый город.

— И?

— Сюда приходит множество кораблей. Чужестранцы нередкое явление.

— А почему на нас все смотрят?

— Смотрят? Разве только дети. И в большинстве своем из-за моего повода. Гренадеры тут редкость. Нашел, — сообщил Ким, внезапно остановившись.

Снег на полу давно успел растаять. Оставил после себя мокрые капли, быстро просочившиеся сквозь щели в половицах. Мужчина, насвистывая себе под нос, расставлял на полке банки с консервами. Дверь отворилась бесшумно, но подувший в спину ветер заставил его обернуться. На пороге стояла высокая фигура. Серые подола ее одежды развевались на ветру. Хозяин лавки ухмыльнулся:

— Вижу, вы не покупатель. Если вы пожаловали за моими жильцами, то опоздали. Они ушли полчаса назад.

Голубой прожигающий лед встретился с выцветшей синевой. На стенах проступил иней. Скользящими узорами он подбирался все ближе и ближе. Чуть-чуть — и он сомкнется в ледяной купол. Дверь закрылась. Хозяин лавки выдохнул. И где они только берут таких жутких типов? Уж точно не по объявлению. Что ж, если они послали за ними человека из самого... Хм, значит, у этих ребят есть что-то очень важное для них. Мужчина задумчиво поскреб подбородок. Он никак не мог понять, были ли те дети дилетантами или профессионалами. Раз они всё еще живы, значит чего-то стоят. Впрочем, дуракам, как говорится, везет. Но долго ли будет продолжаться такое везенье? Мужчина охнул и потер разболевшуюся спину. Ну и погодка. Похоже, снова будет метель. И это весна. Видимо, боги сегодня на вашей стороне. Из-за сильной метели он не сможет сразу отправиться в погоню. «Будем надеяться», — подумал хозяин лавки и снова вернулся к работе.

— Что нашел? — недоуменно спросила я у друга. Ким молча ткнул пальцем. — «ПОЧТА», — прочла я вслух. — Ты ее искал?

— Да. Хочу послать телеграмму в ЗОГ. Осчастливорю начальство нашим прибытием в Айсберг, в кои-то веки.

— Угу, не прошло и полгода. А ничего, что мы давно должны были быть в Снегире? — ехидно поинтересовалась я.

— Не трави душу. Пойдешь со мной или подождешь на улице?

— Подожду. Кажется, я успела привыкнуть к местной температуре.

— Везет же некоторым моржам, — проворчал Ким, скрываясь на почте.

— Я все слышу!

Вредный парень! Мысленно костеря Кима, я с интересом смотрела по сторонам. Путешествовать все-таки здорово. Несмотря на все трудности. Было бы их чуть меньше.

— Шнуря, ты как? — поинтересовалась я, заглядывая в переноску. Зверек недовольно дернул зубами прутья дверцы. Он явно не мог проникнуться всеми прелестями путешествия,

сидя взаперти. — Не ломай зубы! Сейчас я тебя выпущу.

Я осторожно достала зверька из переноски и посадила за пазуху. Не знаю, как тут относятся к выгулу хорьков в общественных местах, пусть пока посидит так. Шнурик тут же высунул свой любопытный розовый нос с Т-образной полоской наружу. Темные глазки хищно заблестели.

— Веди себя прилично, мы за границей. Не позорь западных хорьков, — принялась я читать лекции Шнурику. Хорек чихать на меня хотел, заинтересованно крутя головой. — Шнурберт ван Хорь, ты меня слушаешь? Будешь себя плохо вести или попытаешься опять удрать, я тебя...

Закончить угрозу мне не удалось. Нечто неопознанное чуть не снесло меня с ног. Да что за страна такая?! Вечно кто-то или что-то налетает! Я отшатнулась, едва устояв на ногах. Инстинктивно прижала руку к груди, но кроме своего пышного бюста ничего не нащупала. В глазах на секунду потемнело. Только не снова. Захотелось закричать и начать отдиирать мостовую по кирпичикам, лишь бы... Но прежде чем я приступила к акту оправданного вандализма, зрение ко мне вернулось и глаза смогли сфокусироваться на стоящей передо мной фигуре. Человек. Мужского пола. Вроде. Точнее сказать не могу. Для меня он сливался с общим фоном. Единственное, что я видела четко, — Шнурик, висевший на губе незнакомца.

— Шнурик, отцепись!!!

Я схватила хорька и дернула на себя, запоздало вспомнив о последствиях подобных действий. Губа незнакомца могла с легкостью оторваться. Повезло. Шнурик сам разжал пасть, не забыв обшипеть и меня, и случайно попавшуюся на клык жертву. Я крепко стиснула хорька, не зная, то ли обнимать, то ли душить мелкого гада. Я скоро с ним седой стану. Все, в переноску, на замок и в воду. Нет, в воду уже лишнее. Хотя... С запозданием я вспомнила про жертву хорячьего нападения.

— Эм, простите... Вы как? Целы? Ну, хотя бы местами? — Незнакомец аккуратно убрал окровавленную руку ото рта. М-да, а Шнурик-то знатно вспорол ему губу. Заживать будет долго. И рубец, скорее всего, останется на всю жизнь. Кровь не думала прекращать течь. Раны на лице самые подлые. Кровотечение всегда сложно остановить. Уж я помню, как долго у меня хлестало из щеки. — Не убирайте руку! Вам нужно прижать рану. Подождите.

Я нервно пошарила у себя в кармане. Где же этот платок? Ага, нашла! Вроде даже чистый. Отломав от ближайшей сосульки кончик и завернув его в платок, я протянула сверток укушенному.

— Благодарю, — улыбнулся незнакомец здоровым краем губы и приложил компресс к ране. Мало чем поможет, но за первую помощь сойдет. — Какой у вас сторожевой хорек.

— Эм, да... — смущенно протянула я, критически смотря на Шнурика. Хорек кусался не из чувства защиты, а из-за вредности характера. Щенком он впивался мне в руку с такой силой, что казалось, разжать его челюсть можно только ломом. Пришлось потратить много сил и крови для укрощения строптивого зверя. Теперь Шнурик контролировал свою кусачесть (сытное питание и вовремя проведенная кастрация также внесли свою лепту). Я могла с ним спокойно играть и даже при необходимости залезть в пасть, зная, что все мои пальцы останутся при мне. Единственные предметы тела, которые все еще оставались в зоне риска, были голые ноги и лицо. Тут по необъяснимым причинам (мне не дано понять хорячий мозг) Шнурик не поддавался воспитанию. И главное, он прекрасно знал, что получит, но все равно норовил укусить. — Извините, пожалуйста. Но не переживайте, он у

меня привит, если что.

— Это радует. Ну, я пойду. Приятно было познакомиться с вами и вашим хорьком, — поклонившись, проговорил незнакомец и, обойдя меня, пошел вниз по улице, бодро напевая себе под нос.

— А, да, нам тоже... Вы там осторожно и сходите к врачу! — прокричала я, ошарашенно смотря вслед скрывающейся фигуре. Во дает. Северяне — загадочный народ. Такие, эм, отмороженные, что ли.

Наверное, я бы долго стояла в состоянии медитации, не выйди Ким из почты. Парень подошел ко мне, толкая какую-то, несомненно, умную речь. Не дождавшись ответа, напарник внимательно посмотрел на меня. Помахал перед глазами рукой. Реакция — ноль. Ким задумчиво почесал нос и решил обратиться:

— Акира? Акира? Акира! — повысил он голос, теребя меня за плечо. Я неохотно очнулась.

— А? Что? Где?

— Здесь. Предупреждай, когда в следующий раз уйдешь в себя далеко и надолго. Еле докричался. Хм, а это что за пятна крови? Акира, ты тут, часом, никого не мочканула?

— Это была не я.

— А кто?

— Он, — я ткнула пальцем в морду хорьку. Шнурик заинтересованно его понюхал.

— Понятно. И где тело? — осторожно спросил Ким, заглянув в помойную урну.

— Ушло.

— Все интересней и интересней.

— Да пустяки! — отмахнулась я. — Одному «счастливчику» достался Шнуриков пылкий поцелуй. У тебя чего?

— Я отправил телеграмму. Осталось отыскать гостиницу и попытаться выяснить, как можно добраться до Снегиря.

— Замечательно. Идем?

— Идем. Акира?

— М?

— Нет риска, что по Айсбергу теперь будет бегать хорячий оборотень?

— Ха-ха, — презрительно проговорила я, отвернувшись. Шутник. Я взглянула на Шнурика. Хорек довольно слизал с морды последнюю красную каплю.

Подходящую гостиницу мы нашли быстро. Под «подходящей» Ким подразумевал самую дешевую. Столь возмутительный подход вызвал у меня праведное негодование. Я не гонюсь за бархатными коврами и мраморной ванной, но знаю одно железное правило: в дешевых гостиницах и еда дешевая. Я высказала свое возмущение другу, тот лишь напомнил про наши плачущие финансы и предложил растягивать удовольствие. Какое удовольствие, я не поняла. Покончив с гостиницей, мы направились прямо в порт перетирать вопрос о переправке в Снегирь. Порт нашелся сразу же, все дороги города вели к нему. Пронизывающий ветер с моря убедил нас в правильном направлении. Я первый раз в своей жизни увидела порт. Он казался отдельным городом, построенным из деревянных и железных коробок, контейнеров, растянувшихся до самого горизонта. Погрузочные краны устремлялись высоко в небо, пугающе скрипели на ветру. Люди, точно муравьи, суетливо бегали туда-сюда, разнося грузы. Трещи и гроыхая, гусеницей поползли куда-то ящики по одноколейке, тут же рядом

тяжеловозные лошади с мохнатыми ногами везли пузатые бочки, не обращая внимания на ругань хозяина. Порт ревел и дрожал, напевая лишь ему известную песню. Но главной жемчужиной, конечно же, были корабли. Ах, сколько их было! Всевозможных видов, конструкций, размеров. Преимущество было на стороне могучих стальных гигантов, остающихся для меня полной загадкой. Я никак не могла понять, как такая железная машина может держаться на воде. Ким однажды пробовал мне объяснить, но после вступления: «На любое тело, погруженное в воду, постоянно действует выталкивающая сила, и величина ее равна весу вытесненной этим телом воды...» — мое любопытство быстро сошло на нет; увидев мою мину, Кимов энтузиазм тоже. Чувствую, это навсегда останется для меня тайной. Рядом с гигантами стояли более знакомые деревянные корабли и даже маленькие шхуны, трогательно смотрящиеся на их фоне. Я готова была целый день напролет любоваться кораблями на просторах темно-синей, почти черной воды, но у нас оставался открытым вопрос:

— Ким, здесь тьма тьмущая кораблей, как узнать, какой из них ходит до Снегиря?

— Спросить.

— У каждого?!

— Если так хочется. Но есть более быстрый способ. Нужно сходить к начальнику порта. У него имеются списки кораблей, включая их рейсы и грузы. Нас интересует первое. Узнав, какой корабль нам подходит, пойдем договариваться с капитаном.

— А где его искать?

— Думаю, там, — кивнул головой Ким в сторону возвышающегося сооружения. Сооружение напоминало не то маяк, не то башню. Еще бы дойти до нее, не заблудившись в лабиринтах контейнеров.

Зря я волновалась. Дойти до башни нам было не судьба. Не успела я сделать шаг, как Ким резко дернул меня назад. Возле моего носа со свистом пролетело нечто, войдя в деревянный ящик. Нечто оказалось прозрачным метательным кинжалом, толщиной всего в несколько миллиметров. Какого тут происходит?! Высказаться вслух мне не дали. Раздались новые свисты, и Ким крикнул:

— Врассыпную!

Мы быстро оторвались друг от друга, отскочив в разные стороны. Три кинжала вонзилось в то место, где мы стояли. Мы с другом, не договариваясь, припали к полу.

— Что за фигня?!

— В нас метают...

— Это я поняла, но *опять*?!

— Не опять, а снова. Нас не убили в прошлый раз, решили повторить попытку.

— Столько времени прошло. Я думала, они успокоились.

— Держи карман шире. Успокоятся, когда спляшут на наших могилах. Хотя разумней сбросить наши тела в море, — деловито прикинул Ким.

Утешил! Хорошо, в этот раз я оставила Шнурика в гостинице. Бегать тут с ним было бы еще хуже.

— Сейчас не из ружья палят, и на том спасибо, — попыталась я найти положительную сторону.

— Я бы не спешил радоваться. Знаешь, что это за кинжалы?

— Нет. Но напоминает фруктовый лед. Без фруктов.

— Ну, почти. Это специальные ледяные кинжалы. Разработка секретной службы

Севера.

— И что в них такого крутого? Железные крепче, в руках не рассыпятся.

— Тут фишка в другом. Подобным оружием вряд ли возможно нанести смертельную рану. Не смотри на меня таким критическим взглядом. Не сомневаюсь, *ты* можешь. Но я не говорю, чтобы со всей дури вогнать его, ну, скажем, в глаз. Кинжалы сделаны изо льда, который содержит яд. Стоит нанести маленькую царапину, и от тепла крови лед растает, а яд попадет в организм.

— Минуточку, ты хочешь сказать, нас пытаются убить отравленными сосульками?! — возмущенно воскликнула я.

— Грубо говоря. Не буду упоминать о смертельности яда. Правда, я слышал, в арсенале используют кинжалы и с парализующим ядом, — подумав, сообщил Ким.

— И каким в нас кидают?

— Не знаю. Есть один способ выяснить, но мне как-то не хочется.

— Почему один? Два! Можно спросить.

— Угу, давай.

Давать я не стала. С очередным свистом новый кинжал вонзился чуть выше моего мягкого места. Подобное покушение возмутило меня до глубины души. Я поспешно отползла в сторону. Ситуация складывалась совершенно не в нашу пользу. И выход из нее я видела только один. Только один.

— Ким, то секретное письмо при тебе? — бесцветным голосом поинтересовалась я.

— Эм, да.

— Отдай его им, К ЕДРЕНЕ ФЕНЕ!!! — заорала я так, что у друга встали волосы дыбом.

— Я об этом думал, — честно признался Ким, приглаживая шевелюру. — Но это будет последний вариант.

— Конечно, последний! Они заберут его с твоего хладного тела!

— Не настолько последний. Сдадимся, когда нас окончательно прижмут к стенке.

— А сейчас не прижали к полу? — язвительно уточнила я. Друг обреченно покачал головой. — Ладно, твои предложения?

— Разделиться.

— Замечательно! Поубивают по отдельности, и?

— Судя по всему, противник один. А как говорится, за двумя зайцами погонишься...

— ...шиш тебе будет ужин.

— Точно. Он не сможет сконцентрироваться на нас двоих. Пока будет занят одним, другой сможет подкрасться и напасть со спины.

— Ясно. И кто будет приманкой? — как бы между прочим поинтересовалась я, в глубине души зная ответ.

— Логичней всего тот, у кого хранится письмо.

— Значит, ты. А он об этом знает? — спросила я, таинственно указывая на небо.

— Понятия не имею о его осведомленности. Только одна поправка: теперь ты, — сказал парень, быстро суя конверт мне в сумку.

— Что?! Почему как приманка, так сразу я?!

— Ты более выносливая, сумеешь дольше убежать. К тому же шумная. Тихо подкрасться со спины тебе вряд ли удастся, а привлечь внимание — очень даже.

— И как мне его привлечь? Бегать вприпрыжечку, размахивая конвертом, насвистывая себе под нос веселенькую песенку? Или похоронный марш тут будет уместней?

— А ты можешь его насвистеть?

— Я щас кому-то лучше насвищу! — прорычала я.

— Ладно-ладно, успокойся. Ну не побежит он за тобой — тебе же лучше. Сейчас нам нужно продумать пути отступления. Я примерно представляю план порта, если мы сможем выбежать сюда...

— Ким? — нехорошее предчувствие кольнуло меня. — А почему он перестал нас атаковать?

— Исключить вариант, отсутствия боеприпасов, возможно, выжидает. Какой смысл бить вхолостую?

— Выжидает конкретно где?

Ответить Ким не успел. Раздалось насмешливое хмыканье. Мы одновременно закинули головы вверх. Глазам предстали ребристые подошвы ботинок. Прыжок — и мы с напарником, точно тараканы, застигнутые врасплах веником, метнулись в разные стороны. Я и не подозревала о своей способности скоростного бега на четвереньках. Перекидывая ноги за уши, я, вероятно, напоминала бешеную лягушку. Сочувствую тому несчастному, мимо кого я пронесусь подобным образом.

Не сомневаюсь, я смогла бы так добежать до западной границы, если бы не пояс треклятой юбки, на который я поминутно наступала. Решив, — хорошего понемножку, я приняла вертикальное положение и увеличила темп. Я не слышала звуков погони, но это еще ни о чем не говорило. Как он смог подобраться к нам незаметно? Я никогда не жаловалась на слух (напротив, он был моим проклятьем), да и у Кима он идеальный, и все равно никто из нас даже ухом не повел. Также меня мучило, почему, находясь на расстоянии вытянутой руки, он не попытался напасть? Была такая блестящая возможность. Низкий поклон ему, конечно, за это, но все же странно. И когда он успел подобраться? С какой части разговора начал нас слушать? Теперь он в курсе, что письмо у меня, и неожиданное нападение Кима перестало быть неожиданным. А значит, все шишки только мне. Ким, гад! Чтоб тебе икалось! Почему мне всегда так крупно «везет»? Зачем я согласилась на эту несчастную работу? Романтики захотелось, приключений. Ага, романтики выше крыши! И геройская смерть с посмертным орденом обеспечена!

Я бестолково петляла между контейнеров, надеясь хоть где-нибудь найти выход. Как назло, мне не попался ни один человек. Куда они все подевались?! Вымерли, что ли? С такими темпами и я скоро вымру. За спиной раздался рассекающий воздух свист. Я быстро упала на живот. Через несколько секунд оглушительный грохот подкинул меня вверх. Я с опаской разжала руками голову. Подняла глаза. Передо мной возвышался стальной контейнер, судя по всему, сорвавшийся с крана. «Похоже, у него имеются не только ледяные кинжалы», — убито подумала я. Путь вперед был закрыт. Я могу перепрыгнуть, но дадут ли мне такую возможность? Сомневаюсь. Оставалось только назад, а там... Я сглотнула и встала на колени. Поворачивать голову ужасно не хотелось, но ощущать спиной чужое присутствие и ждать удар было невыносимо. Я резко развернулась. Посредине туннеля из ящиков стоял человек, обмотанный в серые куски ткани. Знакомые все лица. Хотя нет, лицо, напротив, было незнакомым. Вернее, половина лица. Если не серый, легко узнаваемый балахон, я бы решила, что это другой человек. Когда я сталкивалась с ним в поезде, а затем в «Театре», его глаза были холодными, пронизывающими до костей. Сейчас на меня смотрели теплым и насмешливым взглядом. И он совсем не сочетался с рукой, задумчиво подбрасывающей здоровенный тесак. Насколько я помнила лекции по холодному оружию,

проводившиеся в ЗОГе, такая штуковина была метательной и действовала по принципу бумеранга. Если она смогла рубануть стальной трос, то... Хорошо он ее заточил! Я встала. «Умирать, так стоя, как подобает мужчине и воину», — почему-то вспомнилось мне и тут же захотелось сесть обратно. По первому я пролетала полностью, а по второму, скажем, увидь сейчас меня госпожа Роза, она бы задушилась со стыда. Тесак сделал пару подскоков и спокойно лег в ножны. Это меня слегка успокоило и тут же напрягло. Чую подвох.

— Мороз же, ты чего совсем бледная, малышка? — добродушно поинтересовался незнакомец, снимая повязку. Лицо открылось, но я продолжала недоуменно хлопать глазами. — Упс! — Парень, наступив на один из своих лоскутов, хлопнулся на землю. Эффектно. Я ошарашенно на него посмотрела. — Ой-ой, не очень хорошо вышло. Им пора менять моду. Все слишком длинное! Совершенно невозможно работать, — пожаловался он, критически изучая концы лохмотьев.

— Согласна, — невольно посочувствовала я, вспоминая свои падения. Блондин оторвался от одежды и с прищуром посмотрел на меня.

— Малышка, ты меня не узнаешь?

Я хотела отрицательно помотать головой, как вдруг мой взгляд уперся в спекшуюся полоску крови на нижней губе парня.

— Т-ты, т-ты...

— Оу, узнала! Здорово, я рад. Ты сейчас без своего мохнатого дружочка? — с интересом осматривая меня, поинтересовался северянин. — Жалко. Ну ладно, передашь ему привет от меня. И да, что же я хотел? О, точно, — неожиданно он протянул руку. Я отпрянула. — Отдай, пожалуйста, письмо. И мы сможем разойтись в разные стороны живые и здоровые.

Я молчала, крепко сжимая сумку. Отдам письмо — я труп. Нужно взять себя в руки и начать действовать. Главное — продержаться, а там Ким обязательно что-нибудь придумает. Я уверена, сейчас он занят этим вопросом. Жалко, Шнурик тебе в горло не впился! Ох, знала бы я раньше. «Нужно продержаться», — повторила я про себя. Глаза лихорадочно заметались из угла в угол. Ага, рядом со мной оказалось несколько бочек с дегтем. Мое любимое бытовое оружие — тяжелые предметы.

— Предложение соблазнительное, но вынуждена отказать — работа. — Схватив ближайшую бочку, я зашвырнула ее в негодяя. Негодяй удивился, но увернулся.

— Впечатляет! — присвистнул он, с интересом изучая погнутую бочку. Запах дегтя начал бить в нос. — Тогда и ты прости — тоже работа. — Невинно пожав плечами, парень снова достал свой тесак.

Я кинулась к следующему боеприпасу. Что за черт?! Моя рука уткнулась в лед. Бочки превратились в замороженную фасоль. Фиг отлепишь друг от друга! Как такое возможно? Всего секунду назад они не были покрыты вековым слоем льда!

— О, это моя фишка, — улыбнувшись, пояснил незнакомец.

— Круто, — на этот раз восхитилась я. — А мороженое делать умеешь?

— Честно говоря, никогда не пробовал.

— А зря, — вздохнула я. Будь он мороженщиком, мне было бы куда спокойней. — Так ты маг?

— Ледяной. Еще я мастер ледяных скульптур. У меня особенно хорошо получаются тюлени. Или морские котики? Хм, всегда их путаю, — серьезно задумался блондинчик, почесывая кончиком ножа затылок. Впервые мне достался такой чудаковатый противник. Меня резко посетила страшная мысль: неужели со стороны я тоже такая ненормальная?

Если вспомнить все замечания Кима, напрашивается необнадеживающий вывод. — Ты не надумала сдать? — неожиданно заинтересовался он.

— Что ты! Загадочный северный ниндзя-мороженщик, как я могу устоять и не сразиться с тобой?

Контейнеры вокруг нас затряслись. Боже, ну нельзя же быть таким впечатлительным. С другой стороны, смейся-смейся. Еще увидим, кто будет смеяться последним. Я сорвалась с места. Сейчас у меня прекрасная возможность нанести внезапный удар. Но внезапность настигла врасплох меня. Я поскользнулась на ровном месте. Земля превратилась в один сплошной каток. Когда он успел?! Я летела вперед ногами навстречу лучезарной улыбке и занесенному тесаку. Через мгновение меня обезглавят. Я запустила руку в свою поясную сумку. Пусто. Как?! Невозможно, куда делись все мои ножи?! И тут я вспомнила внезапную легкость в пояснице, посетившую меня, когда мы шли с почты. Тогда я списала все на нервы. Но теперь я понимаю. То столкновение было неслучайным. Этот отмороженный обчистил мою сумку! И если бы не хореk с навязчивой манией кусать всех за лицо, возможно, меня бы сразу и прирезали моим же ножом. Шнурик, если я вернусь живой из боя, скормлю тебе целого кролика! Вернуться бы.

Времени оставалось все меньше. Слишком близко. Придется рискнуть. Клинок серебряной молнией ринулся к моей шее. Я резко взмахнула рукой. Секунда ощущения раскаленной стали, прожигающей ребро ладони. Звон. Перекувырнувшись, я быстро вскочила на ноги. Обернулась. Из ледяной корки колом торчал обломок тесака. В руках парень сжимал рукоятку когда-то целого оружия. Сейчас оно было рассечено надвое. По моей руке алой струйкой стекала кровь. Я опять ошиблась в расчетах. Нужно больше. Мы переглянулись. Голубые и карие глаза. Лед и земля. Улыбка коснулась его губ, я улыбнулась в ответ. Сейчас все будет всерьез.

— Ты знаешь, что такое прана? — неожиданно спросила у меня госпожа Роза.

— Прана? — удивилась я.

— Да.

— Эм, нет. Не совсем.

— Прана — жизненная энергия человека. У разных народов ее называют по-разному. Но само понятие пришло к нам с Востока. Там люди гораздо раньше начали изучать не только физические, но и духовные способности человека. А скажи, чем отличается простой человек от мага?

— Ну, маг может колдовать всякие крутые вещи, а простой человек нет.

— Почти что верно. Маг — это тот, кто умеет управлять своей праной, или, другими словами, жизненной энергией. Подобная энергия есть у всех без исключения. Без нее не было бы самой жизни. Но отнюдь не каждому дано управлять ею. В большинстве случаев прана «запечатана», и открыть замок могут лишь единицы. Тех, кого мы привыкли называть магами, колдунами, ведьмами, шаманами, и есть избранные. Они совершают разные вещи, ссылаясь на разных богов, но источник их энергии всего один. Жизненная энергия способна перерождаться во всевозможные формы. Ей нет предела. Для ее управления есть несколько способов: чтение заклинаний, черчение пентаграмм, зелья, магические артефакты, а также специальные пасы руками. Как видишь, маги не от скуки бормочут непонятные стихи и, припрыгивая, машут руками, не смейся!

— Выходит, то, что мы делали на прошлых занятиях, было для того, чтобы научиться

управлять этой самой паной?

— Праной, — поправила меня Роза. — Верно, именно для этого. И хочу тебе сказать, результат плачевный.

— Ну вот.

— У тебя есть предрасположенность. Жизненная энергия в тебе открыта. Но она находится в таком нестабильном состоянии, что, как только ты пытаешься ее выпустить, происходит полный хаос! Ты должна понять, управление силой требует полного сосредоточения, холодной головы и умения держать себя в руках. По всем этим параметрам ты провалилась. Ты не в состоянии прочесть ни одного заклинания от начала до конца и при этом не отвлечься. Такая невнимательность может стоить жизни.

— Значит, магом мне не стать? — расстроилась я.

— Нет. Но я не сказала, что для тебя все кончено. Ты любишь активные игры? — внезапно переменяла тему госпожа Роза.

— Игры?

— Да. Бегать, прыгать, лазить по деревьям? Как я ни приду, ты всегда находишься в каком-то движении. Ты словно вечный двигатель. Совершенно не можешь сидеть на месте!

— Знаете, я за свою жизнь уже насиделась на одном месте. Хватило.

— Замечательно. Раз ты у нас такая спортивная и активная, я думаю, тебе следует заняться рукопашным боем.

— Мне?! Драться?! — искренне удивилась я. Это радикально отличалось от моих прошлых дел.

— Не просто драться. А драться с использованием праны. Это совершенно другой уровень.

— Но вы же сами сказали, я не могу управлять праной!

— Праной.

— И ею тоже!

— А тебе и не придется ею управлять. Ты будешь ее направлять. Смотри.

Госпожа Роза подошла к лежащему возле дерева булыжнику. Подобный камень не смогло бы поднять и восемь человек. Женщина глубоко вдохнула, потерла ладони. Неожиданно она размахнулась и со всей силы ударила кулаком по валуну. Камень раскололся пополам.

— Ого! — только и смогла выдохнуть я.

— Впечатлена? Это и есть сила направленной праны. Попробуй я ударить по камню не используя ее, я бы сломала себе руку. Но взгляни, я не только разбила камень, но и не получила ни единой царапины. — Я замороженным взглядом смотрела на тонкую руку своей учительницы. Никаких ранений, только пыль. — Хочешь узнать, в чем секрет?

— Да!

— А секрет вот в чем, слушай внимательно... — Я придвинулась ближе.

Всего через месяц я прошибала кирпичные стены и отправляла одним ударом в далекий космос любого противника. Это был единственный урок, который я усвоила. И он же спас мне жизнь.

Я могу рассечь ребром ладони меч. Могу с легкостью вырвать сердце из груди противника. В физическом плане у меня мало ограничений. Я изучила несколько техник

рукопашного боя. Комбинируя разные приемы и техники, я создаю свой собственный стиль боя. Я уложу на лопатки любого противника. Но есть одна загвоздка. Чтобы уложить противника на лопатки, сначала нужно по нему попасть. А я не могла!!! Проклятый мерзавец извивался точно угорь! Слева, справа, ногой, рукой — он уворачивался от всего! Мы кружили в узком коридоре контейнеров, скользя по ледяному полу. Точнее, скользила я, ежесекундно, боясь упасть. Блондин скакал по льду, словно первоклассный фигурист, без сложностей делая пируэты и аксели. Лед был его родной стихией. Жаль, не моей. Долго так продолжаться не могло.

Очередное вихляние завело меня в тупик. Я уперлась спиной. Нужно выбирать. Не успела. Ледяная корка с хрустом покрыла мое тело, сковав до самой головы. Я не могла двинуть ни рукой, ни ногой. Я вообще ничего не могла. Разве что плюнуть. Но помнится, слюна у меня не обладала ядовитыми свойствами, а жаль. Противник неспешно подходил. И только сейчас, когда он навис надо мной, я осознала его размеры. Рост парня зашкаливал за два метра (и как только Шнурик допрыгнул до его губы!). Весьма крепкий, и в тоже время какой-то упругий. Одни пируэты чего стоят! Его лицо было мне непонятно. С одной стороны, твердые, острые скулы, а с другой — эти живые густые брови, напоминающие по форме вытянутые капли, которые постоянно то движутся вверх-вниз, то насмешливо или удивленно изгибаются. Рот, задумчиво поджимающий нижнюю губу или расплывающийся в непосредственной улыбке. И глаза, полные детского любопытства и непонятной наивности. И этот человек совершенно беззаботно пытался снести мне башку... Термоядерная смесь в одном теле. Даже не человека. Точно, белого медведя — самого опасного хищника Севера. И сейчас я стану его обедом.

Парень протянул руку к моему горлу (я бы сказала даже — лапу, с такими-то размерами!). Его пальцы обхватили всю мою шею. Стоит ему сжать руку — и хрум. Я тоже так могла, но только обеими руками, мне не хватало обхвата.

— Слушай меня, малышка. Ты мне очень симпатична. И у меня совершенно нет желания тебя убивать. Как я уже говорил, предлагаю разойтись дружно: вы отдаете мне письмо, я отпускаю вас с миром.

И снова заманчивое предложение. Но почему мне кажется, что с миром мы отойдем к праотцам? Будем думать. Я могу вырваться из ледяного плена, на это мне хватит сил. Но стоит слегка дернуться, и он свернет мне шею. Я и пискнуть не успею. Да, а парень-то все продумал. Выходит, он не такой ненормальный чудик, каким казался. Теперь не знаю, радоваться или плакать. Помирать мне при любом раскладе. В первом случае остается надежда на его честность. Честность?! «А что, — спорила я сама с собой, — лицо у него совсем не бандитское, а, наоборот, очень даже симпатичное, и глаза открытые». Боже, о чем я думаю! Уж точно не о такой романтике я мечтала — быть прирезанной чудачковатым блондинчиком! Я мучительно стукнулась затылком о контейнер. Раздался гул, только не знаю, внутри головы или снаружи. В глазах все заскакало.

— Ох, — простонала я.

— Эй, малышка, ты поосторожней, так и сотрясение можно получить, — заботливо предупредил парень, с тревогой смотря на меня.

— Там сотрясать нечего, — отмахнулась я, придя в себя. — Про что ты там говорил? А сам достать не можешь? Видел же, куда клали.

Северянин усмехнулся:

— Видел, только мне нужно настоящее.

— Э-э, настоящее? — не поняла я.

— Да. Эй, ты слышал? Меняю напарницу на жалкий клочок бумаги! Согласись, достойный обмен, — непонятно кому прокричал он.

— Только не в мою пользу, — скептически проговорил знакомый голос.

В этот раз уже Ким восседал на контейнере за моей спиной. Они местами решили поменяться?

— Почему же? Она милая, — попытался заступиться за меня парень.

— Угу, и совершенно бесполезная, — согласился напарник.

— Че?! — возмутилась я, позабыв о руке на горле. — Знаешь ли, ты сам не лечебная глина! Пользы от тебя — только язва на нервной почве! Селедка несострадательная! Саксаул бездушный! Моллюск недоразвитый! Поганка бледнолицая! — то, что наболело за все время поездки, прорвало фонтаном.

Ким слушал все мои излияния с невозмутимым видом, белобрысый же удивленно склонил голову набок.

— Никогда не слышал *такой* интересной ругани, — честно признался он.

— Да, она у нас оригинал. Что ж, это может продлиться долго, давай поскорее покончим с обменом. — Ким достал из-за пазухи конверт. — Предполагаю, я первый.

— Пожалуйста, — вежливо кивнул парень. Поймав письмо, он кинул на него быстрый взгляд, словно мог видеть насквозь. Довольно улыбнувшись, выпустил мою шею. — Спасибо за приятное времяпрепровождение; надеюсь, еще свидимся.

Я готова была накинуться на него со словами: «В гробу и белых тапочках!» Но не успела. Лед алмазной крошкой ссыпался с моего тела. От неожиданности у меня подкосились ноги. Северянин ловко подхватил меня на руки и подкинул. Я сдавленно пискнула. Падения не последовало. Ким успел меня поймать. Правда, он был заметно слабее блондинчика. Как только я оказалась у него на руках, парень пошатнулся и рухнул. К великой радости, спиной назад. Лежать на Кимовых ребрах было не очень удобно.

— Жестко, — проговорила я.

— Так, может, слезешь? — ненавязчиво прохрипел парень. Я поспешно сползла. Ким закашлял.

— Тебе надо больше качаться, — критически посмотрев на друга, заявила я.

— А тебе меньше есть, и без хлеба, — не остался в долгу Ким.

Я хотела возразить, но передумала. Я слишком устала для споров.

Десять минут мы молча сидели на ящике, смотря на стоящие в порту корабли. Молчание, как обычно, прервала я:

— Ким?

— М-м?

— Что нам теперь делать? Письмо у нас украли, задание мы провалили. Вернуться на Запад в ЗОГ? Нам там таких пиз... кхм, нами будут очень недовольны, — проговорила я, не отрывая глаз.

— Думаешь? — спросил напарник, тоже продолжая пялиться в одну точку.

— А разве нет? Мы проиграли, ценные сведения достались врагу.

— И вовсе мы не проиграли. Письмо-то было липовым.

— То есть как, «липовым»? Ты его подменил?

— Нет. Я подменил его всего один раз, когда отдавал тебе. Оно в самом начале было

поддельным.

— У меня сейчас мозги вскипят! Ты говоришь, ЗОГ с самого начала выдал нам поддельное письмо?

— Угу.

— ЗОГ сам об этом в курсе?

— Угу.

— Но зачем?! — окончательно потеряла я смысл.

— Затем, чтобы дать врагам поддельную информацию.

— Врагам? Но у нас мир с Севером, все ведется сугубо дипломатическими отношениями.

— «Сугубо дипломатических отношений», в принципе, не существует, а те, что есть, это деланье друг другу тех или иных подлянок с улыбающейся миной. Знакомься, одна из этих подлянок.

— Но где логика? — Боже, и этот вопрос задаю я. — Секретное сообщение было для правителя Севера, так?

— Так.

— Они были в нем заинтересованы, так?

— Так.

— А кто его у нас выкрал, какой-то шпион из другой страны?

— Не так. Самый обычный агент секретной службы Севера.

— Но зачем им воровать письмо, адресованное им же самим?!

— О-о, это уже называется политика, тебе объяснить?

— Нет, пожалуй, с меня хватит, — решила я, устало опуская голову на руки. — Получается, Отдел заранее планировал похищение письма?

— Он на это рассчитывал. Как ты думаешь, стали бы они доверять новичкам со средним уровнем выполнения заданий доставить секретное послание?

— Если взять в расчет наши сегодняшние действия, определенно нет.

— Вот. Они специально послали нас, зная, что мы стопроцентно провалимся.

— Изверги, почему не могли сказать сразу, мы бы так не мучились? Отдали письмо при первой удобной возможности, хоть когда нас в лесу обстреливали.

— Не могли. Все должно было выглядеть правдоподобно. Словно это действительно важное сообщение и мы защищаем его ценой жизни.

— Чуть не дозащищались, — проворчала я, потирая шею. Ощущение цепкой хватки все еще чувствовалось на ней.

— Я же всегда говорю — не надо напрягаться.

Мы вздохнули.

— Секунду, Ким. Получается, ты заранее все знал? — вдруг дошло до меня.

— Не заранее, а только после того случая в лесу. Я прикинул, все как-то шито белыми нитками, не сходятся многие моменты, ну и вскрыл письмо. Там была написана полная ересь, я сразу понял, в чем дело.

— Нам же строго сказали ни в коем случае не вскрывать конверт!

— Да? Я, видно, прослушал, — нагло соврал Ким.

— Почему мне не сказал?

— Что прослушал?

— Что обнаружил!

— А-а, решил не беспокоить тебя по пустякам.

Если бы не жуткая физическая и моральная усталость, я бы убила напарника за такие «пустяки», а так я только в очередной раз вздохнула. Темнело. Понижение температуры стало отчетливо ощутимым. Сидеть на железном ящике, даже с сумками под пятой точкой, становилось все неприятней. Пора идти, в гостинице уже заждался Шнурик. А я так и не показала ему никаких родственников. Разве что медведя, даже двух, но они совсем нам не родня.

— Кстати, Ким, а что ты мне подсунул вместо письма в тот раз?

— А-а-а, — прозевал парень. — Приглашение на банкет с бесплатным шведским столом, которое мне выдали на почте.

Я быстро начала рыться в сумке. Достала конверт, раскрыла... и тупо уставилась на надпись: *«Только ты могла поверить»*.

— Ким, я тебя ненавижу, — с чувством произнесла я.

Отчет 7

Взаимовыручка

Все человечество, собственно, делится на две категории: одни берут в долг, другие дают.

Лэм Чарльз

— ...таким образом, соблюдение правил поведения при экстренных ситуациях является...

«Жу-жу-жу», — муха описала круг по комнате и опустилась на подоконник. Покрутив головой, она совершила пару шагов вдоль него, остановилась и принялась чистить крылья.

— ...точно выверенные действия могут...

Закончив чиститься, муха несколько раз взмахнула крыльями и снова поднялась в воздух.

— ...гренадерам также не следует забывать о...

«Жу-жу-жу», — муха принялась кружить прямо перед моими глазами. Вверх-вниз, вверх-вниз.

— Гренадер номер семьдесят семь, вы меня слушаете?

«Жу-жу», — Задолбалю.

— Гренадер номер семьдесят семь, вы...

Хлоп!

— Есть! — победно воскликнула я, прихлопнув назойливое насекомое. — Простите, вы что-то сказали?

Вальтер негодуя поправил очки.

— Да, я сказал, что...

— Фу-у-у, гадость какая! У вас салфетки не найдется? — поинтересовалась я у секретаря, изучая раздавленный на ладони труп. Возмущенно раздувая ноздри, мужчина протянул мне платок.

— Вернемся к теме. Я просвещал вас о...

— Спасибо, — поблагодарила, я, возвращая носовой платок. Вальтер, безразлично сморщась, взял его кончиками пальцев. — Так о чем вы говорили?

— Я говорил о...

— Да-да-да! Знаю я эту капусту. Правила о том, как «порядочные гренадеры должны вести себя во время летних месяцев». Со спичками не играть, дороги переходить аккуратно, за буйки не заплывать...

— Гренадер номер семьдесят семь, — сквозь зубы прорычал секретарь.

— А? Ой, извините! Это правила для школьников во время летних каникул! Какая я глупая! Все перепутала. Ничего, бывает, тем более большей разницы нет. Одна парашка. Так, а что у нас? Вспомнила! Следить за этими самыми детьми, выпущенными на долгожданную свободу и не знающими никакой меры, — принялась я загибать пальцы. — Летом возрастает количество грабежей, вследствие того что люди из-за жары оставляют на ночь открытые окна, надо за этим посматривать во время патрулирования; также в летние месяцы в город приезжают иностранные и иногородние торговцы или просто туристы — не исключена

контрабанда и карманничество, ну и т. д. и т. п. Давайте оставим долгие чайные церемонии. Все это я прекрасно знаю. Вы столько раз нам зачитывали, можно было уже и выучить, — закончила я, лениво потянувшись на стуле.

Почти все утро я торчала в кабинете секретаря ЗОГа. Минуты, проведенные в его стенах, были безвозвратно потеряны. По великому счастью, из-за недавнего пищевого отравления (угораздило же) я пропустила очередной ежегодный летний инструктаж. И теперь с девяти утра Вальтер упорно пудрил мне мозги, пытаясь хоть что-то донести до моего здравого смысла и, возможно, совести. Но, честно, первого у меня отродясь не было, а вторая была в отпуске. Единственное доходящее до моих ушей было «жу-жу-жу» и «бла-бла-бла». «Жу-жу-жу» прекратилось — я разделалась с его источником, а «бла-бла-бла» продолжалось. К сожалению, избавиться от него без криминальных действий практически невозможно. Приходилось мужественно терпеть. Невыносимая духота кабинета, заманчивые звуки, доносящиеся с улицы, ларек с мороженым, которое вот-вот разберут, долгожданный выходной — все беспощадно играло на моих и без того шатких нервах.

— Вижу, гренадер номер семьдесят семь, вы хорошо запомнили все наставления, — после минутной тишины заговорил Вальтер. — Но кое-что вы все же упустили из виду.

— Упустила? — удивилась я, перебирая в памяти перечень предписаний. — Хм, ничего не припоминаю.

— Форма.

— Э?

— Форма! — дрогнувшим голосом повторил секретарь. — Все сотрудники Отдела в летние месяцы обязаны строго придерживаться определенной формы. Так как летняя одежда в основном открытая и вызывающая, что совершенно не подходит носить сотрудникам ЗОГа, дабы не уронить честь Отдела, была введена летняя униформа. Гренадер номер семьдесят семь, я вас спрашиваю, почему вы не в форме?

— У меня сегодня выходной, зачем мне быть в форме?

— Но вас вызвали в Отдел. Вы должны были привести себя в подобающий вид.

— По-моему, у меня и без того весьма подобающий вид.

— Подобающий?! — Вальтер начинал задыхаться. — Как *это* можно назвать подобающим видом? Что на вас надето? Я не могу понять, вам на брюки ткани не хватило или это вообще мужские трусы?!

— Это шорты, — сквозь зубы процедила я. Шорты, между прочим, были приличные. Темно-синие, до колен, свободные, классического покроя а-ля брюки. Где он здесь трусы увидел?

— Почему у вас голые ноги? — не унимался секретарь.

— Потому что это *шорты!*

— Вы не могли надеть классические брюки или юбку подобающей длины? Как в подобном виде вы ходите по улице?

— Через брюки или юбку подобающей длины ноги не загорят!

— Гренадер номер семьдесят семь, в первую очередь вы должны помнить о правилах приличия, а не о загаре.

— Господин секретарь, в первую очередь у нас с вами очень разные приоритеты и взгляды на мир. И вообще, я же к вашему носовому платку не цепляюсь, а могла бы! — не осталась в долгу я.

— А что с моим носовым платком?! — ошарашенно спросил Вальтер.

— А вы видели, какой он жуткой расцветки! Мрак! Вы с ним лучше в высшем обществе не появляйтесь, засмеют.

Секретарь, издав то ли стон, то ли рык, схватился за сердце и опустился на стоявший позади стул. Я, быстро налив из графина водичку, услужливо подала ему. Выпив залпом, словно там было что-то покрепче кипяченой воды (я на всякий случай понюхала стакан), он достал новый платок с расцветкой последнего писка моды (интересно, а сколько всего он их с собой носит?), вытер пот со лба и заговорил медленным, вкрадчивым голосом:

— Гренадер номер семьдесят семь, надеюсь, в следующий раз вы соизволите прийти в Отдел в форме, а иначе...

Договорить он не успел, на столе зазвонил телефон. «Ура, он был спасен ударом гонга!» — подумала я, с обожанием смотря на аппарат. Вальтер поднял трубку.

— Да, слушаю? Госпожа Роза, да, сейчас же буду, только закончу разбираться с номером семьдесят семь, и... что? Но зачем? Да, извините, выходим. — Закончив разговор, секретарь вздохнул, поправил рукой и без того безупречно лежащие волосы и внимательно посмотрел на меня. Мне почему-то не понравился блеск его очков.

— Так я, того, пойду? — проговорила я, разворачиваясь к двери.

— Да, вы можете идти. К госпоже Розе, вместе со мной.

— К шефу? Зачем?

— Госпожа Роза не пояснила. На месте вам все скажут, — коротко бросил секретарь, открывая дверь и пропуская меня вперед.

— Не нравится мне это, — проворчала я, выходя из кабинета.

— Ноги, — незабвенно раздалось при входе в кабинет руководителя Отдела. Мы с Вальтером, сделав широкий шаг, встали напротив стола шефа. Особым вниманием наш приход не был одарен, лишь только дог вяло махнул хвостом, тут же вернувшись к любимой роли безжизненного коврика. Госпожа Роза, поглощенная изучением каких-то бумаг, даже не подняла на нас глаза.

— Вот, — наконец произнесла она, протянув Вальтеру один из листков. Секретарь быстро пробежал по нему глазами. Одна бровь у него недоуменно поднялась.

— Так это...

— Я знаю, что это. Читать умею, — раздраженно махнув рукой, прервала его госпожа Роза. — Я хочу, чтобы ты разобрался. Желательно как можно скорее. Для Отдела большое потрясение потерять такого спонсора, а тут и какие-то проблемы с завещанием! Почему с завещаниями вечно происходят проблемы? Не понимаю! Сейчас мне меньше всего хотелось бы их решать.

В глазах руководителя Отдела отражалась тревога. Встав с места, она подошла к окну, задумчиво провела пальцем по стеклу и вновь заговорила:

— Я распорядилась насчет билетов. Отправление сегодня в два. Будет время собрать вещи. Я полагаюсь на тебя.

Вальтер учтиво поклонился.

— Можете на меня рассчитывать. Я вас не подведу.

— Да, — тихо вымолвила она. — Ты меня ни разу не подводил. И еще кое-что. Билетов два плюс.

— Два плюс? — недоуменно переспросил секретарь.

— Господин Вальтер — вы главный секретарь Западного отделения. Я не могу

отпустить вас одного, даже если вопрос касается лишь юридических неурядиц. Вам придется ехать в сопровождении одного из оперативных сотрудников ЗОГа.

— Несомненно, — кивнул мужчина. — Я понимаю, вы поставили в известность данного человека?

— Акира? — окликнул меня шеф.

— А? Да? — вздрогнув, отозвалась я, во время всего разговора находясь в сонном состоянии. Когда они меня отпустят?

— Ты слышала все вышесказанное?

— Слышала. Но смысл остался для меня неясным.

— Ничего, Вальтер тебя просветит.

— То есть как? — дрогнувшим голосом проговорил Вальтер. — Не хотите ли вы сказать...

— Хочу. Гренадер номер семьдесят семь Акира, ваша новая миссия — сопровождать господина Вальтера, главного секретаря ЗОГа, в Босвелл. Есть вопросы?

— Да! — мигом отозвалась я. — Я хочу домой!

Я рванула к двери, но та предательски захлопнулась у меня перед носом. Точнее, на носу. Поостанывая, я схватилась за ушибленную часть тела.

— Это не вопрос. И, к твоему сведению, отказ не принимается, — холодно возразила госпожа Роза, опуская руку. Как удачно ей вспомнилось, что она еще и маг!

— Разрешите вновь попробовать задать вопрос? — поднимая руку, смущенно попросила я, утирая выступившую от боли слезу.

— Попробуй, — удивленно кивнула женщина.

— За что?!

Крик души получился громкий. Руководитель Отдела от неожиданности невольно шарахнулась к окну, чуть из него не выпав. Придя в себя, она заговорила куда менее уверенным тоном:

— В смысле «за что»? Не понимаю, это всего лишь твое новое задание. С чего вдруг столь бурная реакция, словно тебя ссылают в ссылку?

— Нет, это вы не понимаете! Не хотите понять! Отпустите меня! Я хочу жить жизнью обычного работника Отдела. Мне многое надо успеть в жизни, и вообще...

— Хочешь печенье? — вдруг предложила госпожа Роза.

— Печенье? Какое печенье? — заинтересовалась я, в мгновение позабыв обо всем вышесказанном.

— Вкусное. С изюмом, — продолжала соблазнять женщина.

— Хочу, — не раздумывая согласилась я. Через секунду я сидела на месте шефа с целой тарелкой печенья на коленях. Единственное, что от меня теперь слышали, — деловой хруст.

— Один бунт подавили, — похлопав по рукам, заключила госпожа Роза. — Вальтер, я надеюсь, ты-то не имеешь возражений?

— Вынужден признаться — имею, — решительно произнес секретарь.

— Боже, и какие же? — обреченно спросил шеф.

— Не хочу показаться грубым, но гренадер номер семьдесят семь является не самым выдающимся сотрудником Отдела. Она некомпетентна, несобранна, часто не исполняет приказов начальства, склонна к так называемой импровизации и расточительству выдаваемых Отделом средств. К тому же у нее небогатый опыт и средний уровень выполнения заданий. Принимая во внимание все вышеперечисленное, я заключаю: гренадер

номер семьдесят семь не подходит для выполнения данной работы.

— Начнем с того, что, подходит она или нет, решать мне. А насчет опыта — ведь надо же ей его где-нибудь набирать, разве нет? Выполнение работы... хм, но тут самое обычное задание по сопровождению. Ты, разумеется, ценный сотрудник, но отнюдь не дочь посла. Зачем тебе высококвалифицированная охрана? Одна Акира, вполне сгодится.

— Но... — уже менее твердо попытался возразить мужчина.

— Господи, Вальтер, что еще?

— Господин секретарь хочет добавить, что у нас с ним половая несовместимость, — засунув за щеки две последние печеньки, ответила я за Вальтера.

— Да, — согласился он, тут же опомнившись: — Что?! Какая еще «половая несовместимость»?

— Ну, это когда один пол не подходит к другому полу. В таком случае спасает только ламинат, — услужливо пояснила я.

Госпожа Роза, вздрагивая, поспешно отвернулась к окну. Вальтер, кипя и задыхаясь, выпученными глазами смотрел на меня. Наверное, мои объяснения его не вполне устроили.

— Госпожа Роза, вы видите! Как я смогу работать с таким несерьезным человеком! — взвыл секретарь, обращаясь за помощью к шефу. Руководитель Отдела откашлялась и с серьезным видом повернулась к нам:

— Вижу. Ничего, сработаетесь как-нибудь. Стерпится — слюбится. Разговор окончен. Вам пора собираться.

На этом наш прием у шефа был окончен. Вальтер, темнее тучи, отправился к себе в кабинет, а я поспешила домой. Надо было многое успеть сделать, поскольку сегодня я совсем не планировала работать. А главное — не забыть надеть *форму*. Труссы ему мои, тьфу ты, шорты не угодили, видишь ли!

— Возможно, я ошибаюсь, но, по-моему, ты его только недавно забирала? — изумленно осведомился Азурро, смотря на протянутую ему переноску.

— Забирала, но сегодня меня посылают на новое задание. Не знаю, сколько я там пробуду.

— Понятно, — понимающе кивнул парень, забирая у меня клетку с хорьком. Шнурик, как обычно, громко скребся, требуя свободы, а иначе устроит всем кузькину мать. Разумеется, на его возмущение никто не обращал внимания. — Куда едешь?

— На кудыкину гору, — печально вздохнув, ответила я. Азурро недоуменно поднял брови. — Я серьезно. Босвелл вроде в горах расположен?

— Да, это маленький горный городок. Неужели там может найтись серьезная работа?

— Понятия не имею. Честно говоря, работать там должен Вальтер. Я его только сопровождаю.

— Вальтер? — в голосе зрителя за собаками прозвучал тихий ужас. — Постой, ты будешь сопровождать Вальтера? *Нашего* Вальтера?!

— Ага, — обреченно подтвердила я. — Нашего.

— Сочувствую, — искренне пожалел меня Азурро.

— Спасибо, только мне не легче. Ладненько, я побежала, позаботься о Шнурике.

— Не беспокойся. Я за ним присмотрю, — улыбнувшись, пообещал парень. — Акира, мужайся!

— Постараюсь.

— О-о! А-а! Ох! — без остановки вздыхала я, смотря на мелькающие снаружи пейзажи. Горы большие, величественные, заставляющие чувствовать себя жалкой букашкой в сравнении с их вечной красотой. Зеленые, серые, кое-где на верхушках кристально-белоснежные, напоминающие многоярусные торты из любимой кондитерской «Сладкая жизнь». Огромные, слегка аляповатые, но с такими взбитыми сливками и творожной начинкой, что крылья за спиной и ты на вершине мира! Торты. — О-о-о, — с придыханием протянула я, забыв о горах.

— Гренадер номер семьдесят семь, может, вы прекратите стонать и сядете нормально? — раздался рядом недовольный голос секретаря Отдела. Я отлипла от окна вагона и растерянно посмотрела на Вальтера.

— А?

— Я говорю: сядьте, пожалуйста, ровно, — стараясь сохранять последние капли самообладания, повторил он.

— Ладно. — Я слезла с коленок, повернувшись спиной к окну. — Сойдет?

— Вполне, благодарю.

Сидеть, тупо пялясь на свои ноги, мне быстро наскучило. Посмотреть снова в окно я не решалась. Лучше не испытывать терпение Вальтера. Шум колес поезда и гудение других пассажиров нельзя назвать занятным развлечением. Я решила попытаться счастья:

— Господин секретарь, госпожа Роза сказала, вы введете меня в курс дела. Но вы мне так ничего и не рассказали, в чем, собственно, состоит работа.

— Ваша работа состоит в моем сопровождении.

— Это я знаю. А в чем состоит ваша? Зачем вы едете в Босвелл?

— Данная проблема вас не касается, — сухо ответил секретарь.

— Еще как касается! А если вас во время службы прикончат? И я даже не буду знать за что!

Мужчина холодно посмотрел в мою сторону.

— Я буду надеяться, вы этого не допустите.

— А уж я-то как! — пробурчала я, понимая, что из этого зануды больше нечего выудить.

В подобные минуты я жутко жалела об отсутствии Кима. Парень тоже не отличался особой словоохотливостью, но зато честно старался отвечать на все расспросы. Эх, Ким, и почему тебя загрузили кучей совершенно непонятной мне работы? С тобой бы эта поездка была намного веселее. В мою коленку внезапно уткнулось что-то мокрое и холодное. Я опустила голову.

— Хе-хе, похоже, ты будешь составлять мне компанию. Правда, я совершенно не понимаю, зачем нам тебя дали, — сказала я, глядя по голове голубовато-серебристого дога.

Именно Ландыш и был тем самым загадочным плюсом. Во время разборок в кабинете шефа мы совершенно об этом забыли и были ужасно удивлены, когда госпожа Роза лично пришла проводить нас на вокзал. В тот момент она со словом: «доверяю» вручила мне поводок с собакой. Но на наши вытянутые лица не нашлось внятного ответа, кроме туманного «так надо». Ох, еще один конспиратор. У нас прямо не Отделение гренадеров, а какой-то секретный штаб. Задания стали секретными даже для самих сотрудников, которые их выполняют. Как жить дальше будем?

— Господин секретарь, а вам шеф не говорил, для чего нам нужна ее собака?

— Нет. Но если госпожа Роза считает это необходимым, значит, так надо, — с

непоколебимой уверенностью ответил Вальтер.

— Кто бы сомневался, — согласилась я, окончательно осознав, что решение вести себя дипломатично совершенно не оправдывается.

Переговоры никуда не приводят. Помочь может только старый добрый силовой метод. Но по иронии судьбы именно мне выпала честь защищать того, кого я больше всего желаю пристукнуть. «Судьба-злодейка, за что ты так ко мне?» — на сей радостной ноте мы приехали на Главный (и похоже, единственный) железнодорожный вокзал Босвелла.

Стоило мне выйти из поезда, а точнее сказать, вылететь, Ландыш, измученный долгой поездкой в душном вагоне, как очумелый выбежал на станцию, совершенно не заботясь о том, кто болтается на другом конце поводка. Чудо, что моя рука не оторвалась от плеча. Только теперь слышался какой-то странный хруст. В общем, как только я оказалась на свежем воздухе, тут же поняла, что лихо ошиблась с выбором одежды, да и с сезоном в принципе. Серое ровное небо с редкими темными полосами театральным занавесом накрыло маленький город. Казалось, сквозь свинцовые тучи не мог пробиться ни единый луч солнца. Колючие капли, падающие на лицо, заставляющие быстро их смаргивать, приминали жухлую траву, медленно наполняя выбоины на дорогах улиц. Смотря на небо, трудно было сказать, начнется ли настоящая гроза с сильным проливным дождем, или облака разойдутся и вновь ярко засветит солнце. Как оптимистке, мне хотелось верить в лучшее, но пусть небольшой, но жизненный опыт и все более частые и крупные капли убеждали меня в обратном. Над головой раскрылся зонтик.

— Босвелл славится своей дождливой погодой. Даже в самые засушливые дни здесь всегда идет дождь. Нужно быть предусмотрительным, если вы собираетесь в эти края, — произнес Вальтер, возникший за моей спиной вместе с зонтом.

— Вижу, господин секретарь об этом позаботился, — заметила я. — Но не переживайте, я тоже весьма предусмотрительная, — с этими словами я опустила с плеча сумку и быстро начала в ней рыться.

— Не то, не то, а, вот! Мой дождевичок! — радостно вскричала я, надевая предмет одежды. — Ну как?

— Не кажется ли вам, что он слишком броского цвета? — с сомнением осматривая меня, спросил Вальтер.

— Правда? Мне не кажется, — изучая красный дождевик в большой черный горошек, схожий по расцветке с божьей коровкой, заявила я. — По-моему, веселенький.

— Веселье не входит в содержание работы, — черство заметил секретарь.

— Это каждому самому решать, — сказала я, решительно накидывая капюшон. — Так куда нам идти?

— Нас должны были встретить на станции, но я не вижу никакого сопровождения. Поезд пришел вовремя. Что за вопиющее безобразие! Так обращаться с официальными лицами! Неудивительно, что у них юридические нестыковки вылезли. Разгильдяйство ни к чему хорошему не приводит, — пыхтя от возмущения, проговорил Вальтер, широким шагом направляясь к выходу. Я с трудом сдвинула с места собаку и быстро последовала за ним.

Упертый и своевольный пес оказался для меня настоящей проблемой. С одной стороны, у меня достаточно сил, дабы дернуть его, так что он улетит, а с другой — он же реально улетит! И Роза меня убьет. Приходилось контролировать себя и использовать один процент «мощности», который равнялся собачьим ста. И дог отнюдь не заботился о том, куда улечу я.

— В жизни разное бывает. Может, они задерживаются. Ну, там, жена рождает, пожар в

доме или туалет засорился? Не лучше ли подождать?

— В этом нет необходимости. Мы лишь потеряем время. Я знаю, где находится гостиница, в которой нас расположили. Оставим вещи и направимся к этим несуразным адвокатам. Я с удовольствием послушаю их отговорки, — со злобным блеском в глазах произнес секретарь, но сбавил темп, позволив мне укрыться под зонтом.

Я всегда побаивалась главного секретаря ЗОГа, и сейчас жутко радовалась тому, что нахожусь по одну сторону баррикады. Бедные адвокаты, не знаю, что у них произошло, но от Вальтера пощады они точно не дождутся.

Босвелл являл собой маленький провинциальный городок, окруженный со всех сторон горами и лесом. Запах хвои и прелой листвы, особенно четко ощущаемый во время дождя, сильно отличал его от смрада пыльных городов. Здесь были широкие вымощенные булыжником улочки, по одной стороне которых располагались маленькие аккуратненькие дома. Смотря на эти причудливо искривленные домики, я вспоминала сказки про лесных эльфов и гномов. Да, пожалуй, именно в таких домиках жили бы семеро гномиков из детской книжки. Стальные рыжеватые крыши, овальные двери и окна со скромными цветами, растущими в ящиках на подоконниках, скамеечки и вьющийся из труб дымок. И в самом деле прям, как в сказке! Лишь только Босвелл почему-то казался сказкой с печальным концом. Возможно, виновата промозглая погода, но во всем городе царил гнетущая атмосфера. Печально стучащий по мостовой дождь, ветер, срывающий засохшие листья, и грозно возвышающиеся горы только усугубляли ее. У меня в голове назойливо звучала одна и та же мелодия. Мелодия до боли знакомая, но я никак не могла ее вспомнить. Я пыталась поймать ее, но она быстро ускользала, оставляя меня в неведении. И стоило мне про нее окончательно забыть, как она появлялась вновь. Мелодия, по каким-то загадочным причинам настойчиво ассоциирующаяся у меня именно с Босвеллом. «Но что за мелодия? Почему она у меня вызывает ассоциации с городом, который я впервые вижу?» — эти мысли не давали покоя. Одно я поняла точно: музыка, звучащая в моей голове, заставляла болезненно сжиматься сердце. Не люблю я грустные сказки.

В который раз меня слегка толкнуло ручкой зонта в плечо. Ох уж этот Вальтер, ему дороги мало? Зачем каждый раз ко мне прижиматься?

— Пришли, — объявил секретарь, останавливаясь напротив бордюра, от которого шла каменная дорожка к трехэтажному дому.

По сторонам дорожки стояли высокие уличные фонари с чугунными скамейками, блестящими от дождя. Над входом в гостиницу возвышался козырек, на котором располагалась ржавая статуя человека под зонтом. «Очень актуально, особенно с такой погодкой», — подумала я. Никаких опознавательных табличек я не увидела. Любопытно, как Вальтер решил, что здесь находится гостиница? Может, это частные владения? Узнать мне предстояло очень скоро: мужчина проследовал внутрь.

«Капитальный ремонт тут бы не помешал», — была первая моя мысль, когда я оказалась в холле гостиницы. Зеленоватые стены с облупленной штукатуркой и следами неоднократных потопов, выцветший от времени деревянный пол, пыльные занавески и лестница с прогнившими ступеньками, неумело прикрытыми облезлым ковром. Тяжелая кованая люстра со стеклянными плафонами, висевшая посреди холла, откровенно болталась на соплях, лично я бы не рискнула под ней пройти. Единственное, за что можно было похвалить обстановочку, была мебель. И мебель, надо сказать, высшего качества. Пара деревянных, отполированных до блеска столов и стульев стояли возле нечищеного камина.

Прямо перед нами находилась добротного вида стойка. Книга постояльцев была раскрыта и усыпана скрепками и другими канцелярскими товарами. Рядом располагался медный звоночек для вызова персонала. Как и улочки городка, гостиница пустовала. Вид у нее был такой запущенный, казалось, здесь давно никто не останавливался.

Вальтер, отряхнув зонт, повесил его на стоявшую рядом вешалку. Почистив от микроскопической грязи костюм, поправив очки и затянув потуже галстук, мужчина прошел к стойке. Бросив на него взгляд, я, к своему удивлению, обнаружила, что левое плечо секретаря промокло. Чудно, ведь мы шли под зонтом и весь остальной костюм у него сух? Тут до меня внезапно дошло. На моем дождевике не было ни капли. Те толчки, которыми меня награждали всю дорогу, были по причине того, что мужчина старался прикрыть меня от дождя. Зонт маленький, на нас двоих его не хватало. Что ни говори, а воспитание у Вальтера было высший класс.

Позвонив несколько раз, после каждой пятисекундной паузы, секретарь брезгливо вытер руку. «Третий платок», — мысленно сделала я пометку.

— Иду-иду, — послышалось из прохода за стойкой. К нам вышел усатый мужчина в черном фартуке. — Слушаю.

— Здравствуйте, — сдержанно поздоровался Вальтер. — Мы бы хотели получить комнаты. Западное отделение гренадеров должно было заказать для нас номера. Я полагаю, вы осведомлены?

— Разумеется, господин Вальтер Рант и госпожа Акира Фенвик, — щуря глаза, прочитал мужчина с какого-то листочка. — Для вас приготовлен третий номер, на втором этаже.

— Один номер?

— Да, но не переживайте, там имеется две кровати и ширма для юной госпожи, чтобы ее не смущать.

— Юную госпожу трудно чем-либо смутить, — заверила я его, чуть ли не на руках затаскивая Ландыша в холл. Мужчина сдержанно кашлянул, а Вальтер наградил меня укоризненным взглядом.

— Пожалуйста, простите меня за неучтивость, господин Вальтер. Постояльцы у нас теперь редкость, мы скоро совсем разучимся их принимать, — вздохнул мужчина, беря наши чемоданы. — Так вы и есть те самые господа из большого мира? Это правда, у нас ходят слухи, вы приехали по поводу наследства достойного господина Соверена?

Я во все уши стала прислушиваться, может, хоть что-то станет для меня ясным в этом таинственном деле.

— Да, но я не могу распространяться по данному поводу, — вежливо, но коротко бросил Вальтер, когда мы подымались вверх по лестнице.

— О, разумеется. Наш скромный городок, должно быть, разочаровал вас. Люди из большого мира всегда ждут большего, чем есть на самом деле. Ох, а это такая потеря. Видите ли, вы, разумеется, в курсе, иначе зачем вам сюда прибывать? У нас сейчас горестные дни. Вчера состоялись похороны господина Соверена, да, такая потеря для Босвелла. Господин скончался, наследников у него не было, фабрика закрывается. Надеюсь, ваш приезд поможет решить проблемы Босвелла и подарит ему второй шанс. Сейчас наша судьба в ваших руках. А вот и ваши апартаменты.

Мужчина впустил нас в небольшую комнату все с той же обшарпанной штукатуркой и двумя превосходными дубовыми кроватями, разделенными между собой резной ширмой.

— Ну, я вас, пожалуй, оставлю. Отдыхайте, у вас впереди много работы, — ставя чемоданы, продолжал болтать мужчина. — Надежда на новое возрождение фабрики для нас очень значимое событие.

— Разумеется. Боюсь только, сейчас мы не сможем отдохнуть. Нам нужно незамедлительно посетить местную адвокатскую контору, — сказал Вальтер, ни на минуту не забывая о цели нашего визита.

— О, извиняюсь, но об этом не может быть и речи. Видите ли, как я говорил раньше, кончина господина Соверена — большая трагедия для нашего городка. В связи с этим все магазины и другие заведения, не считая нашей гостиницы (приходится работать, знаете ли), на эти два дня закрыты. Вас некому будет принять.

— Неужели даже адвокатская контора не работает в эти дни?

— Да, сожалею.

— Но они же соизволили отправить нам извещение.

— Ну, это совсем другое дело, тем более сейчас уже такой час, поздно. Ночная жизнь у нас тут не развита, видите ли.

— Да, круглосуточные учреждения, я так понимаю, у вас не предусмотрены? — колко поинтересовался Вальтер.

— О, боже упаси! У нас спокойный городок, особенно сейчас. Сумасшедший темп жизни от нас далек. А вот если бы вы только могли видеть Босвелл раньше. Это был великолепный город. Люди приезжали к нам со всего света, только чтобы купить нашу продукцию. Вот это было время, — с мечтательной улыбкой произнес усач. — Ну что ж, господа, если вам что-нибудь будет нужно, вы знаете, к кому обратиться.

Я устало уселась на одну из кроватей.

— Похоже, сегодня мы не поработаем.

— Видимо, так. Жаль, придется потратить день впустую. — Вальтер принялся раскладывать из чемодана вещи. — Хорошо, будет возможность лечь спать пораньше.

— Пораньше? Но ведь сейчас только семь часов, — недоуменно проговорила я, смотря на пузатые напольные часы. Надеюсь, по ночам они не бьют.

— Прекрасно, ляжем в девять.

— Девять?! Да даже детей во столько спать не гонят!

— Несомненно, мы не дети, а представители Западного отдела. Завтра нам рано вставать, нужно как можно скорее уладить все дела. Вы ведь понимаете всю важность нашей работы, гренадер номер семьдесят семь? — с ожиданием во взгляде спросил у меня Вальтер.

— Если честно — нет. И как я могу понимать, если вы мне ничего не рассказываете?

— Гренадер номер семьдесят семь, вы знаете, что такое бла-бла-бла, бла-бла-бла?

— Э... че? — прочищая ухо, удивленно переспросила я.

Кажется, с господином секретарем мы разговариваем на совершенно разных языках. Нужно будет обзавестись словариком.

— Неважно. Вы даже слушать меня не желаете. Полагаю, в этой брошюре вы найдете интересующую вас информацию, — с этими словами мужчина протянул мне яркий буклетик, лежащий на журнальном столике. «Добро пожаловать в Босвелл», — прочла я надпись на брошюре. Пожалуй, этим чтивом я займусь перед сном.

— А как насчет поужинать? — задала я животрепещущий вопрос.

— Я не голоден. Но если вы желаете, то спросите у хозяина гостиницы. Он сам вызвался обращаться к нему с любыми вопросами. В конце концов, это его работа.

Встав с кровати и подняв с пола задремавшего дога (собаку же тоже нужно кормить), я спустилась на первый этаж. Стойка вновь пустовала. И куда он все время отходит? Я позвонила в звоночек. Послышался скрип половиц и звук приближающихся шагов.

— Извините, а как у вас обстоят дела с ужином?

— О, разумеется, никак.

— Разумеется?!

— Понимаете, в нашей гостинице не предусмотрены такого рода услуги. Если вы желаете поесть, то пожалуйста, но только в питейных заведениях города. Правда, уж точно не сегодня. Траур, как вы помните.

— Помню, — угрюмо кивнула я. — Тогда вы не могли бы...

— Я бы с радостью помог вам, госпожа Фенвик, но понимаете, что будет, если вдруг зазвонит телефон или придет неотложная почта? Или заглянет клиент? Мы здесь работаем не разгибая спины. Простите, госпожа, но...

— Все ясно. Спасибо и на этом, — без особого энтузиазма поблагодарила я.

Что за жалкий городишка, даже поесть негде! Ландыш, натягивая поводок, стал крутиться возле моих ног. Насколько я помню из курсов собаководения их следует выгуливать два раза в день, и это в лучшем случае. Я посмотрела в сторону маленького окна, о которое беспощадно стучал дождь. Гулять почему-то совершенно не тянуло.

— Может, ты потерпишь до утра? — с надеждой спросила я, глядя на дога. У Ландыша была такая несчастная морда, что я поняла — терпеть он не может, иначе здесь будет лужа, и лужа — это еще самый благополучный вариант. Я, издав мучительный стон, надела свой дождевик и героически ступила навстречу непогоде. Долг превыше всего.

После часа прогулки (этот несчастный блоходав никак не мог найти себе кусты по вкусу!) я вошла в номер, представляя собой жалкую пародию на невыжатую тряпку. Дождевик не пропускал воду, но порывистый ветер, который то и дело задирает его, пропуская тем самым все летящие капли, и добрая собачка, умудрившаяся, как только мы оказались в помещении, отряхнуться возле меня, будто окатив ведром воды, сделали свое черное дело. Вальтер, сидящий за письменным столом и просматривающий неизвестные мне документы, при виде нас подскочил с места.

— Гренадер номер семьдесят семь, немедленно примите горячую ванну и переоденьтесь! Только вашей простуды нам не хватало во время работы. Святые угодники, с вас вода ручьем течет, да вы еще и наследили! Собаку тоже надо немедленно вымыть! У нее на лапах грязь! Теперь все это надо убирать! Животных категорически нельзя приводить в номера!

— И что вы предлагаете? Оставить его в коридоре? Сомневаюсь, что госпожу Розу устроит подобное обращение с ее любимой собакой, — остудила я пыл Вальтера, запираясь на пару с догом в ванной комнате.

Вдоволь накупавшись в горячей воде, мы вновь почувствовали себя человеком и собакой. Хотя не знаю, может, собакам положено быть грязными? Тем не менее теперь мы сверкали и благоухали, и это не могло не радовать. Вытеревшись махровым полотенцем и развесив одежду на натянутую веревку для просушки, я, облачившись в пижаму, вышла из ванной. Вальтер лежал в постели. Грязных следов на полу не наблюдалось. Когда я плескалась в ванне, то не слышала, чтобы в комнату кто-нибудь заходил. Неужели господин секретарь соизволил вытереть пол самолично? О боже, какое святотатство и как жаль, что я

все пропустила! Язвительно хихикая, я прошла на свою сторону, за ширму. Ландыш, не церемонясь, быстро запрыгнул ко мне на кровать. Ладно, во всяком случае, он чистый. Подвинув собаку, я уместилась рядом. Спать не хотелось, и я, включив ночничок, принялась изучать ранее выданный мне буклет.

Вековые традиции столярного дела

Ни с чем не сравнимое чувство восхищения красотой девственной природы вызовет у вас великолепие пейзажей, окружающих Босвелл — маленький городок, расположенный среди великих западных гор. Босвелл прославился своей знаменитой мебельной фабрикой, принадлежащей семье Соверен, чья знаменитая мебель и другие предметы столярного производства известны по всему миру, и вот уже долгие годы приносят процветание нашему городу.

Столярное дело более 600 лет передается из поколения в поколение в семье Соверен. Совершенное мастерство и преданность своей работе — вот что делает их продукцию настоящими произведениями искусства!

Творения Соверенов завораживают своей четкостью линий и продуманностью форм, которые имеет любая продукция, выпущенная их фабрикой. Будь то дорогой сервант или обычный прикроватный столик, внимание, которое было уделено при создании данного предмета, нельзя не отметить. Со всех концов страны в Босвелл приезжали люди только ради того, чтобы увидеть и приобрести продукцию фабрики.

Мебельная фабрика Соверенов, имеет всю современную технику обработки дерева. Но наряду с автоматизированными конвейерами ручной кропотливый труд остается главной основой производства.

Семья Соверен также славится своей неповторимой техникой резьбы по дереву, для которой, разумеется, подходит только данный труд. Фабрика выполняет работы любого вида резьбы. Строгой классификации нет, под заказ возможны различные комбинации резьбы, на усмотрение клиента. Примерно можно выделить три основных типа, использованных на фабрике:

- 1). сквозная резьба,
- 2). глухая резьба,
- 3). скульптурная резьба.

В былые времена фабрика Соверенов обеспечивала работой сотню мастеров Босвелла — плотников, резчиков, столяров, дизайнеров и текстильщиков.

Любая вещь, произведенная на фабрике Соверенов, имеет свои отличительные черты, по которым ее легко узнать: высочайшее качество работы и фирменная эмблема — цветок босвеллии. Именно в честь этого ладанного дерева, так предполагают историки, и был назван Босвелл. До сих пор остается тайной, почему для города выбрали именно это название. Босвеллия произрастает на юге, в сухих горных районах, и нигде больше. Попытки выращивания ее в теплице не увенчались успехом. Также известно, что это растение обладает рядом лечебных свойств. Но ничто не дает нам ясного объяснения загадочного именованья города.

Фабрика Соверенов изготавливает мебель из местной древесины, но для более

высококласной работы и по желанию клиента используются куда более дорогостоящие материалы. Для изготовления декорирующих элементов могут использоваться различные металлы, включая золото и серебро.

Мебельная фабрика Соверенов претерпела многих хозяев. Нынешним ее владельцем стал господин Эбон Соверен, последний представитель великой ветви столярных мастеров. Под его руководством создано много новых произведений искусства для настоящих ценителей классической качественной мебели. Творения Соверенов имеют вековую историю; надеемся, что и в будущем непревзойденные мастера своего дела будут радовать мир своими новыми шедеврами столярного производства.

Прочитав брошюру, я выяснила для себя несколько новых моментов: покойный господин Соверен был владельцем местной мебельной фабрики; Босвелл назван в честь непонятого саксаула, который даже не растет на Западе; я совершенно не смыслю в резьбе по дереву, и местная литература действует на меня умиротворяющим образом.

«Утро добрым не бывает» — как часто я слышала эту фразу от Кима и как часто не соглашалась с ней! Сейчас же я полностью разделяла мнение пессимистичного друга. Вчера вечером, зачитавшись непривычной мне литературой (привычной у меня считается только кулинарная, там *такие* картинки, закачаешься), я уснула, забыв погасить ночник. Из-за этого маленького инцидента Вальтер спустил с меня три шкуры, не поленившись прочитать целую лекцию об экономии электроэнергии и моем халатном расточительстве. Вследствие чего мои и без того не проснувшиеся мозги окончательно впали в ступор. Кое-как одевшись, я, пошатываясь и волоча за собой Ландыша, который, не оценив столь ранней пробудки, упирался всеми четырьмя лапами, так что на полу коридора оставалась процарапанная дорожка, спускалась вниз за неумным секретарем.

Стойка пустовала. Похоже, здесь это нормальное состояние. После четырех звонков нарисовался сонный хозяин.

— Чем могу быть полезен, господа?

— Не подскажете, где нам найти местную адвокатскую контору «Тюдор&Енвер»?

— У нас в городе только одна адвокатская контора, ее офис легко найти. Поверьте, мимо не пройдете!

— Благодарю, — откланявшись, мы отправились на поиски пресловутых адвокатов.

Я была вовсе не прочь как можно быстрее закончить работу, но меня волновало одно очень важное обстоятельство.

— Вчера я выяснила, что, по причине траура, дела с ужином обстоят ужасно грустно. Но как у нас завтрак?

— Завтрак? — переспросил секретарь, казалось, само слово было ему совершенно чуждо. — У нас нет времени на подобные мелочи. Вам следует знать, гренадер номер семьдесят семь, человеку следует употреблять пищу не только для тела, но и для разума.

— От такой пищи мой разум скоро впадет в маразм.

Мою реплику секретарь одарил молчаливым презрением. Да, я жалкая смертная, но кормить-то меня надо!

Хозяин гостиницы нас не обманул. Контора адвокатов находилась в единственном четырехэтажном доме города. «Похоже, дом богатых гномиков», — решила я, задирая вверх

голову. Внешне здание отличалось только размерами, дизайн не выбивался из общей кучи. Возле парадной лестницы висела позолоченная табличка с гравировкой: «Адвокатская контора „Тюдор&Енвер“». В приемной конторы нас встретил молодой человек, с ужасом во взгляде разбирающий ящики с документами. Видимо, он пытался навести в них порядок. Приметив нас, он отвлекся от своего гиблого дела и проводил в кабинет. Оказалось, господин Енвер давно почивал, в конторе остался только господин Тюдор. Кабинет адвоката был обставлен со всем шиком. Богатый книжный шкаф из темного дерева, причудливой формы письменный стол с кучей ящиков, два удобных стула, кожаный диван, пара непонятных картин на стенах и махровый ковер. Усевшись, — Ландыша я предусмотрительно привязала на улице к фонарному столбу (надеюсь, его не украдут), — я принялась рассматривать самого господина Тюдора. Полный мужчина лет шестидесяти, в дорогом костюме, с сияющей лысиной и умным взглядом из-за круглых очков в золотой оправе. Он вольготно расположил свое брэнное тело в полустуле-полукресле, на выпирающем животе у него громоздилась ароматная чашка чая вместе с блюдцем. «Господин адвокат не бедствует... и не голодает», — с завистью подумала я.

— Думаю, вы знаете, зачем мы здесь, — начал секретарь.

— Разумеется. Боюсь, господин Рант, дела с передачей наследства покойного господина Соверена вашей организации обстоят не так просто, как нам всем хотелось бы, — ленивым голосом, растягивая слова, проговорил адвокат, прихлебывая из чашки.

— Просто превосходно! Взять во внимание то, что все условия с покойным обсуждались десять раз! У господина Соверена в последнее время имелись трудности, касающиеся работы его фабрики. Он не был в состоянии справляться со всеми проблемами самостоятельно. Так как господин Соверен долгое время спонсировал Западное отделение гренадеров, он договорился с нашим начальством о передаче прав на владение фабрикой Отделу. Все было согласовано, но, к сожалению, господин Соверен не успел подписать соответствующих документов: он скончался. Отдел получил информацию, что господин Соверен, видно чувствуя свою близкую кончину, составил новое завещание, в котором оставляет ЗОГУ все права на владение фабрикой. Все предельно точно и ясно. Неожиданно от вас приходит извещение о том, что с завещанием возникли какие-то проблемы; замечу, какие — вы не уточняете. Наше начальство тут же отреагировало и направило меня на разрешение данной проблемы. Теперь, беря во внимание все мною сказанное, я немедленно жду от вас точного и подробного объяснения возникшего у вас форс-мажора, — закончил Вальтер с вызовом в голосе.

— Я понимаю ваше недовольство, господин Рант, прекрасно понимаю. Поверьте, я возмущен не меньше вашего. После смерти господина Соверена мы обнаружили пропажу.

— Только не говорите, что пропало завещание.

— Нет, завещание находится у меня в целостности и сохранности, — господин Тюдор похлопал по ящику стола. — Права на владение фабрикой пропали. Вы осознаете, что без этих документов, даже имея согласие господина Соверена, записанное в завещание, фабрика не может перейти к вашей... хм, фирме? Это будет незаконно.

— В высшей степени восхитительно, — едко прошипел Вальтер. Мне стало жутко. — Хочу узнать, куда же могли пропасть эти бумаги?

— Я тоже хочу. Но чего не знаю, того не знаю. Завещание — все, что передал мне покойный. В других документах, хранящихся у нас в конторе, ничего нет. Господин Соверен не отличался особой аккуратностью. Возможно, вам удастся отыскать документы в архивах

фабрики или же у него дома. Не исключаю, что они могут валяться где-нибудь под диваном. Господин Соверен мог думать только о работе, забывая все на свете. Чудесный был человек, все его здесь любили. Пусть земля ему будет пухом, эх. Мой помощник выдаст вам ключи от фабрики и дома.

— Благодарю вас, — со сталью в голосе поблагодарил секретарь. От подобной благодарности лично у меня пошел мороз по коже. — Так и поступим.

Оказалось, что длинный глухой забор, тянувшийся по одной стороне улицы, был территорией фабрики. Сама фабрика брала не ввысь, а вширь, из-за забора выглядывала только макушка. Ворота, ведущие на ее территорию, оказались чугунными, массивными, с гравировкой в форме пятилистного цветка на засове. Наверное, той самой загадочной босвеллии. Вальтер дернул засов, и ворота со скрипом распахнулись, открывая перед нами проход в святая святых столярного производства.

— Буррр, — не вовремя раздалось на округу, прерывая всю важность момента.

— Что это за звук?

— Какой звук? — попыталась изобразить я полное непонимание и глухоту.

— Буррр, — предательски протянул мой живот.

— Этот звук.

— Простите, я вчера не ужинала и сегодня не завтракала. Мои кишки бунтуют.

— Давайте оставим ваш ливер в покое, — морщась, попросил секретарь. — Значит, вы проголодались. Пожалуй, это моя вина. Погрузившись в работу, я совсем забыл о ваших потребностях. Прошу принять мои извинения. Думаю, на фабрике ваша помощь мне не понадобится. Вы ведь совершенно не представляете себе, как должны выглядеть эти документы?

Я отрицательно покачала головой.

— Как я и предполагал. Пока я занимаюсь делами на фабрике, можете позавтракать, да и взять на сегодня отгул. Толку от вас мне все равно не будет, — подумав, решил Вальтер.

При слове «отгул» мои глаза засияли. Неужели я дождалась от этого бюрократического бронтозавра хоть каплю понимания и человечности? Да ради такого дела я и все напасти утра перенесу!

— Тогда я побежала, а то без меня все вкусное съедят! Огромное спасибо за выходной! — Отсалютовав секретарю, я поспешно скрылась вниз по улице. Вдруг передумает.

— И все-таки это дыра, — угрюмо протянула я, засовывая одну сушку себе в рот, а другую собаке.

Ландыш с хрустом прожевал угощение, громко чихнув в подтверждение моему мнению. Так называемые питейные заведения оказались вовсе не питейными; все, что я смогла раздобыть, было пара булочек и пара бутербродов, которые мы, разделив по-братски, тут же съели вместе с собакой. Теперь, сидя на скамейке, мы давились сушками, пустыми глазами смотря на стелющийся по дороге туман. Тоска зеленая.

— Здравствуйте, милая девушка, позвольте присесть с вами рядом? — спросил появившийся из тумана пожилой мужчина с палочкой в руках. — Если ваша собачка, конечно, подвинется.

Я посмотрела на «собачку», высота которой в холке составляла семьдесят два

сантиметра, а вес девяносто килограммов. Ландыш одарил мужчину презрительно-равнодушным взглядом.

— Да-да, садитесь. Щас я его подвину, — с этими словами я взяла дога себе на руки. Ух, тяжелый кабанчик. По-моему, он весит больше девяноста килограммов. Все, сушками больше не кормлю. Ландыш, воспользовавшись сменой позиций, положил свою морду мне на голову. О-очень удобно. Только не слюнявь ее, ради всего святого! — Пожалуйста, присаживайтесь.

— Благодарствую. — Мужчина с кряхтением опустился на скамью. — Старые кости. Приятно увидеть среди этих развалин симпатичную девушку. Вы не против, если я посижу с вами пару минут, подышу свежим воздухом?

— Не против. Воздуха мне не жалко.

— Воздух, он здесь все еще свеж. Я хорошо помню те времена, когда улицы города были полны жизни. Нельзя было и сотни шагов пройти, не поздоровавшись с хорошим знакомым... Да. Все изменилось. Наш городок не тот, что раньше. Совсем не тот... — мужчина покачал седой головой. — Молодежь уезжает из Босвелла в более перспективные города. Нельзя их винить, каждому нужно зарабатывать себе на хлеб, правда? На фабрике Соверенов теперь нет работы; возможно, скоро и самой фабрики не будет. Быть отрезанным от большого мира не так уж и приятно, вы мне поверьте! Остается только покой, но и покой быстро надоедает. Плохо, когда он приходит раньше смерти, ведь как бы ни хотели, мы все равно к нему придем.

— Не все. Некоторые очень упертые души отказываются от вечного покоя, предпочитая волочить свое жалкое существование, пугая простых смертных, — авторитетно заверила я.

— Неправильно, никто не должен противиться неизбежному.

— Но если вы не попытаетесь ему воспротивиться, вы так и не узнаете, неизбежно оно или его все же можно избежать?

Мужчина посмотрел на меня, и на его морщинистом лице заиграла улыбка.

— Хорошо быть молодым. Вы многого не знаете, для вас все море по колено!

— Неправда.

— А?

— Неправда, что мы многого не знаем. Считается — опыт приходит с годами, но это не всегда так. Порой один день может заменить всю жизнь. За один день узнаешь, что такое предательство. За один день почувствуешь вес одиночества. За один день поймешь цену жизни. За один день впервые ощутишь запах крови. За единственный день уже никогда не сможешь стать прежним. Станешь на порядок строже и старше. Никогда не забудешь. Не будешь доверять глупой уверенности. Сможешь различать неизбежное и то, что только им кажется, — говоря, я так сильно сжала рукой складки брюк, что костяшки пальцев побелели. Ну вот, меня опять занесло.

— Действительно, — мужчина произнес слово, будто пробуя его на вкус. — Я сейчас заметил, вы не из этих мест?

— Разве не видно? — удивилась я, выглядывая из-за собаки и демонстрируя на шее ошейник. На своей шее.

— А, так вы, как это... наемник?

— Гренадер, — поправила я. — Но не суть важно.

— Вот оно что. Такая милая девушка — и занимаетесь подобной работой. Куда катится наш мир? Так у вас из-за этого... ну, — мужчина смущенно указал на лицо. Летом моя

физиономия хорошо покрывалась загаром, из-за чего белесая полоса особенно сильно становилась заметной. И не только на лице.

— Нет. Это было до того. Но, наверное, послужило поводом.

— Надо уметь забывать.

— Память коварная штука. Я превосходно забываю, куда дома кладу ключи, даже если держала их в руках минуту назад. А то, что было несколько лет... Все жду, когда ясная погода станет переменной облачностью, а потом и вовсе испарится туманом.

— В Босвелле всегда облачно. Редко здесь увидишь ясную картину. Не знаю, радоваться ли этому или грустить.

Голове стало мокро. Очень надеюсь, это пошел дождик, а не потекли слюни Ландыша. Вверх по дороге к дому с железным человечком под зонтом широким шагом шла высокая фигура мужчины с саквояжем в руках.

— Пожалуй, нам пора идти, — решила я, провожая глазами фигуру, пока она не скрылась внутри. Ландыш неохотно слез с колен. — Приятно было с вами поговорить.

— Мне тоже очень приятно. Найдете еще минутку-другую — приходите, я вам расскажу пару историй о старых временах.

— Обязательно, до свидания!

Я не стала задавать вопрос «удалось ли что-нибудь найти». По хмурому лицу секретаря все было понятно. «Дело труба», — сочувственно подумала я, разглядывая выложенные на стол бумаги. Счета, счета, опять счета. М-да, теперь понятно, о каких трудностях говорил Вальтер. Но откуда эти задолженности? Если верить буклету, мебельная фабрика Соверенов — золотой компост! А тут такое.

— Прошу, не путайте бумаги. Мне в них еще разбираться, — требовательно попросил Вальтер, садясь за стол. Я быстро отошла.

— Насколько я могу понять, это не те документы, которые нам нужны. Зачем вам в них разбираться?

— Они могут дать зацепку, — нехотя ответил мужчина, устало протирая очки. — Указать, куда могли пропасть документы на владение фабрикой. Возможно, господин Соверен, имея многочисленные финансовые проблемы, продал их какой-нибудь фирме или оставил в залог.

— Но он обещал передать фабрику Отделу, неужели он мог поступить так, как вы говорите?

— Человеческая глупость не знает границ, гренадер номер семьдесят семь. Теперь, с вашего позволения, я вернусь к работе. Мне нужно еще раз просмотреть все документы, сделать несколько звонков и отослать письма. Дел невпроворот. Если вы продолжите путаться у меня под ногами, я могу занять вас...

— Нет-нет! Я уже испаряюсь. Удачной вам работы! — С этими словами я закрыла за спиной дверь. Уф, легко отделалась, но, в самом деле, чем мне заняться в такой глухой провинции? Незадача.

С едой в Босвелле было действительно грустно. Но, к своему величайшему счастью, я обнаружила изумительную кондитерскую и узнала, что босвелльский шоколад — самый лучший шоколад в мире! Вот это было открытие! Там продавали все виды шоколада: черный (горький), молочный, белый (ах, как давно мне такой не попадался!), пористый и диабетический — новинка в шоколадном производстве, предназначен для больных сахарным

диабетом. Вместо сахара используются подсластители. Например: сорбит, ксилит, маннит (понятия не имею, что такое, но звучит не особо вкусно). А еще в Босвелле имелся собственный музей шоколада! Такое количество сладостей мне и во сне не снилось! Чего в музее только не было! Фигуры из шоколада, фонтаны из шоколада, самая большая шоколадная плитка в мире, дворцы, леса, люди. Чтобы все описать, мне и всей жизни не хватит. Накормив свои глаза и искапав пол музея слюной, я сделала заказ в кондитерской и вприпрыжку отправилась гулять по городку. А может, Босвелл и не совсем дыра?

Нагулявшись по серым улицам, я решила вернуться в гостиницу. К моему великому удивлению, стойка не пустовала. Надо ловить момент.

— Простите, можно от вас позвонить?

— О, конечно. Сию минуту, госпожа. Пройдемте сюда.

Меня отвели в маленькую комнатку под лестницей. Дождавшись, когда мужчина уйдет, я достала смятый клочок бумажки и посмотрела на нацарапанные кривым почерком цифры с пометкой: «Да выучи ты его, наконец!» Бесплезняк, я могу запомнить только цены на отбивную. Я начала крутить колесо телефона. Пора приступать к решительным мерам. Я осторожно поднесла трубку к уху. Затаила дыхание. Один гудок, второй. А вдруг его нет дома? Что тогда? Я не успела перейти к полной панике, как в трубке раздался щелчок и затем до боли знакомый меланхолический голос:

— Да? Слушаю.

— Привет от старых штиблет! Летом пойдет снег, ты подошел к телефону!

— Не вопи ты так. Зачем тогда звонить, заранее ожидая, что никто не подойдет? Не понимаю тебя. Ладно, говори, чего хотела?

— Почему ты сразу думаешь, что мне что-то нужно?

— Разве нет?

— Ну, может, я просто соскучилась.

— Даже когда соскучилась, ты обращаешься затем, чтобы получить внимание. Так всегда. Не мучай, говори по существу.

— Ким, ты невыносимый зануда!

— Какой есть. Так, слушаю.

— Понимаешь, тут такое дело. Мне нужна твоя консультация.

— Чтобы ее получить, нужно сначала объяснить, в чем проблема.

Я объяснила.

— Ясно, — протянул парень.

— Что ясно?

— Дело ясное, что дело темное. У Вальтера сплошная головная боль. Не завидую, не тебя-то чего беспокоит? Твоя работа — бродить за ним тенью и следить, чтоб не прирезали в темной подворотне, а судя по твоим описаниям города и обстановки в целом, короче, ее у тебя нет. Так в чем проблема?

— Ну, Ким, если бы ты знал, какая здесь тоска собачья! Вальтер все копается и копается, а мне как-то не хочется оставаться в Босвелле на зимовку.

— Ох, тебе не угодись. Работа — плохо, нет работы — тоже. Определиться не пробовала?

— А поможет?

— Тебе? Не уверен. Дай подумать. Эй, ты куда лезешь? Какое кладбище? Вали отсюда! Хей!

— Ким, ты там с кем? — удивилась я, все сильнее и сильнее прижимаясь к трубке. На другом конце провода стала раздаваться возня, ругань и потом громкий стук. Видно, трубку уронили на пол.

— Сколько тебе лет, а ведешь себя, как ребенок. Привет, Акира!

— Эм, привет, Жюли, — опешив, поприветствовала я сестру Кима. — Стесняюсь спросить, ты сейчас у него дома?

— Да.

— М-м-м. — У меня отнялся язык. — Дом цел?

— Разумеется, цел, о чем ты таком говоришь? А! Понимаю. Не переживай, у нас с братишкой холодная война, массовых разрушений нет. Кстати, Акира, сходи на кладбище.

— На кладбище? Зачем?

— Прогуляться, свежим воздухом подышать, за компанию проведать господина, как его, а, Соверена!

— Но господина Соверена похоронили только позавчера, думаю, он еще не успел соскучиться по общению.

— Возможно, ты права, — задумалась Жюли. — Но с другой стороны, такая симпатичная девушка решила уделить ему свое внимание, он будет польщен.

— Ну, если ты настаиваешь, я схожу на кладбище.

— Замечательно, как только оттуда вернешься, позвони нам. Пока!

— П-пока. — Я повесила трубку. А если не вернусь? Так, глупые мысли прочь! — На кладбище! — бойко заявила, распахивая дверь комнатки и тут же с грохотом падая на пол. А какой был выход. — Ландыш, престань разлеживаться под дверьми!

Кладбище, кладбище, и где оно может быть? Нет чтобы спросить у хозяина гостиницы, я как ошпаренная вылетела на улицу и понеслась в неизвестном направлении. Хорошо, хоть тормоза сработали раньше, чем направление стало окончательно неизвестным. «Ничего, город маленький, обязательно наткнусь», — успокаивала я себя. Ага, маленький, но ведь можно и в трех соснах блуждать.

Я печально свесилась через перила моста. Нет, топиться я не собиралась. Я всего лишь бросала еловые шишки в темную воду. Шишки плюхались, всплывали и отправлялись в путешествие вниз по каналу. Дог, просунув свою морду между перилами, периодически капал тягучей слюной, словно по ниточке спускающейся к воде, оставляя круги.

— О-хо-хо-хо, — протянула я, кладя голову на руки. Одна я совершенно бесполезна. Глупая собака, гуляющая без хозяина. Я знаю, где мой дом, но где все остальное? И спросить-то не у кого. Улицы безмолвствуют. А может, и нет.

Словно из ниоткуда на мосту возникла черная кошка. Не спеша она прошла к нам. Села. Склонила голову. В ее янтарных глазах мелькнула насмешка. Приехали, теперь и кошки надо мной насмеются. Кошка издала невнятное фырканье, ассоциирующееся лично у меня со вздохом (не знаю, разве кошки умеют вздыхать?), встала, занесла когтистую лапку и дала ею Ландышу по заднице. Пес взвизгнул, подскочил и кинулся на мерзавку. Кошка оказалась проворнее (чего еще ожидать от кошки). Ловко увернувшись от пасти Ландыша, она ринулась прочь. Ландыш за ней. Я за Ландышем. Я и представить себе не могла, что этот ленивый блоходав может так бегать! Чувство было, словно я воздушный змей, парящий на веревочке. Не знаю, сколько могла продолжаться погоня. Казалось, ни у кошки, ни у собаки не кончались силы. И почему эта глупая Мурка не запрыгнет на ближайшее дерево! Ей так

нравится сдавать кросс?! И вот перед нами возникла каменная стена с большими коваными воротами. В последнюю секунду кошка свернула и вспрыгнула на стену. Ландыш остановился, а вот я по инерции продолжала лететь. Будь прокляты законы физики!

Гул чугунных ворот вышел звонким. Оу, мой нос. Почему снова он?! Хоть не сломался? Я с хрустом подергала сей орган. Теперь вроде нормально. Посмотрим, во что я влетела. За воротами проглядывались холмики, каменные плиты, засохшие деревья и загадочного вида здание.

— Бом-бом!

Я задрала голову. Высокая башня с колоколами, увенчанная крестом, на котором примостилась здоровая черная птица. Птицу я опознать не могла. Я же не антрополог... или орнитолог? Вечно их путаю! Столь изысканный антураж мог принадлежать только одному месту.

— Кладбище! — радостно вскричала я, обнимая собаку. — Мы нашли кладбище! Ура!

За долгие годы своего существования кладбище никогда не видело *таких* посетителей. Выпустив из объятий слабо дрыгающего пса, я потянула за ворота. Ворота отказались открываться. Как так? Неужели у них выходной?

— Эй, живые здесь есть?

Глупый вопрос на кладбище, но мало ли, вдруг кому не спится, может, заодно ворота откроет. Но нет, все жильцы оказались порядочными покойниками спокойно почивающими в своих могилах. Может, махнуть через забор? С Ландышем на руках опасно, да и меня могут принять за расхитителя могил. Я пригорюнилась. Достав купленный в кондитерской леденец, я засунула его в рот. Как быть? Как быть? Сбоку раздались чьи-то шаги. Неужели живые? Я обернулась. Шаги принадлежали мужчине с метлой в руках. Хоть кто-то, уже прогресс.

— Простите, я безутешная родственница, и мне позарез нужно попасть на кладбище. Вы не знаете, как можно туда войти?

Мужчина критически посмотрел на «безутешную родню» в лице и морде меня с собакой. Ландышева морда несла в себе куда больше скорби, чем моя сияющая физиономия с леденцом во рту. Но я надеялась, что все прокатит.

— На кладбище, значит, хотите попасть? Я тоже хочу. Я тут местный смотритель. Только, эх, зараза, ключ от ворот уронил в канализационную решетку. Начальство все никак новый не смастерит. Второй день без дела слоняюсь.

— И в какую же решетку вы его уронили?

— Да вы на ней стоите!

Я удивленно посмотрела себе под ноги. И правда, решетка.

— Знаете, приходите в другой раз. Может, начальство и пошевелится. Через недельку.

— А если кто помирать соберется?

— Подождет. Ему уже будет не к спеху, — пожал плечами мужчина, удаляясь вместе с метлой.

Действительно, куда спешить? Я нагнулась. На дне канализационной решетки помимо прелой листвы и прочего мусора блестел серебристый ключ. Я поскребла решетку ногтем. Хм, может, выломить ее, и дело с концом? Я могу, но как бы не пришли жалобы на порчу городского имущества, а если еще про это прознает Вальтер... Я сглотнула. Нет, лучше не рисковать. В задумчивости я вытащила леденец изо рта. Покрутила, осмотрев со всех сторон. Разноцветная спираль радугой переливалась в свете скудного солнца. Хм, а леденец-то

длинный, может сработать. Конфета идеально прошла сквозь решетку. Чуть-чуть...

— Есть!

Ключ ловко приклеился к самому кончику. Главное, теперь его осторожно поднять. Поднятие оказалось намного труднее, несколько раз я чуть не уронила ключ обратно. Но вот долгожданная минута — он у меня в руках. Отодрав ключ, я внимательно посмотрела на леденец. Безусловно, я непривередливая, но не до такой степени.

— Ландыш, хочешь конфетку? — Пес оживился. Клацнув челюстью, он аккуратно стянул конфету с палочки, сразу же проглотив. — Жевать не пробовал? — критически поинтересовалась я, глядя собаку по голове. Ландыш лишь облизнулся. Помнится мне, собакам нельзя давать сладкое. Ладно, от одного леденца ничего не будет, особенно этому троглодиту.

Открыв ворота, мы очутились на территории кладбища. Я посмотрела из стороны в сторону. Вот нам и вторая задача: отыскать, где похоронен господин Соверен. Кладбище маленькое, и если мыслить логически (можно ведь, во всяком случае, попытаться?), семья Соверен как бы знатного рода, значит, у нее должен быть свой личный склеп. Отлично, будем искать склеп. Интересно, как он выглядит? Я пропетляла мимо надгробий. Говорят, если не можешь найти нужную тебе могилу, позови ее хозяина по имени, тогда она сразу отыщется. Попробовать, что ли.

— Господин Соверен! Господин Соверен! Ау! Отзовитесь! Ух! — Я споткнулась о торчащий из тропинки камень и бухнулась на землю. Моей неуклюжести нет предела. Равно как и глупости. Но дуракам везет. Я оторвала голову от земли. Перед моим носом расстилалась каменная дорожка с двух сторон обсаженная стройными осинками, печально шелестящими на ветру. Дорожка переходила в пару широких ступенек, ведущих к маленькому домику из серого камня. На вершине постройки сидела статуя ангела со скорбным выражением лица и почему-то держала в руках рубанок. Над входом в «домик» с железными прутьями была выгравирована надпись: *«Склеп семьи Соверен»*. — Бинго! — радостно воскликнула я, быстро вскакивая на ноги и отряхивая испачкавшуюся рубашку. Надо же, сработало, да как быстро! Я мигом оказалась при входе в склеп. — Опять закрыто! У них что, день закрытых дверей? Честные люди пройти не могут!

На этот раз я решила не изгаляться. Осторожно раздвинув два прута до состояния прохода между ними, я, втянув живот и поджав еще кое-что, просочилась внутрь склепа. Буду выходить — согну все на место.

Склеп, как ему и положено, встретил сыростью, запахом плесень и тлена. Я стала осторожно спускаться вниз, стараясь не поскользнуться на влажных ступенях. Спустившись и все же умудрившись упасть (нам не привыкать), я вошла в круглый зал, в стенах которого от пола до самого потолка торчали «ящики» с написанными на них буквами и циферками. Поглаживая пальцами дверки «ящиков» я в итоге нашла нужного мне Соверена. Призадумалась. Не знаю. Как-то неприлично вламываться без разрешения. «А ты постучи сначала», — ехидно посоветовал внутренний голос. Я постучала. Мне не ответили. «Молчанье — знак согласия», — решила я и потянула ручку. Бесшумно выкатился гроб, отполированный, блестящий, из рыжеватого дерева, с золотой табличкой и пятилистным цветком в центре. По бокам гроба шла витиеватая резьба в виде веток оливы. А оливы тут каким местом? Но кто-то очень постарался, делая такой гроб. На всякий случай я постучала и по крышке. Тишина. Набрав в легкие побольше воздуха и прикрыв рот и нос рукой, я решительным жестом откинула крышку и... замерла.

Не спорю, современная медицина способна творить чудеса. Чего стоит пластическая хирургия, превращающая захудалых кикимор в сногшибательных красавиц; были бы деньги, а все остальное пришьем и отрежем. Надо заметить, конкуренция сильно ударила по заработной плате магов. Омолаживающие зелья и заклинания перестали пользоваться прежним бешеным спросом. Зачем тратиться на сомнительную жидкость в пузырьке, не гарантиющую тебе ожидаемого эффекта, если можно просто лечь на операционный стол? В случае неудачи хирурга и засудить намного легче. Мага еще поди отыщи. Говорят, операции по смене пола тоже перестали быть редкостью. До чего дошла наука. Порой жуть берет.

Отмерев, я еще раз посмотрела на надпись на «ящике». Может, я адресом ошиблась? Ан нет: *«Эбон Соверен. Покойся с миром»*. Адрес тот. Я снова уставилась в гроб. Возможно, процесс разложения так подействовал на тело? Но оно довольно свеженькое, всего пару дней назад похороненное. Как ни крути, тело в гробу ну никак не может быть господином Совереном, наверное.

— Кхе-кхе. Господин Соверен, должна вам сказать, для своих шестидесяти вы выглядите просто отменно! — выдохнула я, глядя на миловидную блондинку в белоснежном кружевном платье. Девушке было не больше двадцати.

— Ну, как твой поход на кладбище? — радостно поинтересовалась Жюли с другого конца трубки.

— Можно сказать, очень плодотворно. Я под впечатлением. Под глубоким.

— Вот оно как. А как нос? Не болит?

— Нет, я уже про него забыла. — Я внезапно опомнилась: — Жюли, откуда ты знаешь про нос?

— Но он ведь у тебя есть, верно? Решила поинтересоваться его самочувствием, а то вдруг болит? Ладно, не будем о носах, даю братишку.

— Погоди... — запротестовала я, но трубку уже передали.

— Да, что там у тебя с носом? — озадаченно спросил Ким, слыша наш разговор.

— На месте он. Я только удивилась, откуда... Неважно, ты, наверное, не знаешь.

— Не знаю чего? Ох, одна с тобой головная боль. Была на кладбище?

— Была. Ким, у меня, конечно, бывают проблемы с анатомией и с биологией. Но мужчину от женщины я в большинстве случаев отличаю. Вот скажи, господин Соверен мужского пола?

— Мужского, если мы будем верить его медкарточке.

— Тогда почему в гробу лежит женское?

— Там женщина?

— Точнее, девушка лет примерно двадцати.

— Ты гробом случайно не ошиблась? — с сомнением спросил друг.

— Нет! Я несколько раз перепроверила! И крышку два раза закрывала и открывала, вдруг почудилось!

— И?

— Не почудилось! Труп как был, так и лежит, и совсем не тот! Ким, я не понимаю, что все это значит?

— Это значит, что тут дело нечистое. Сдается мне, пропажа документов на владение фабрикой и твой труп...

— Не мой!

— Не твой, не твой. Не ори. Все связано между собой.

— И каким таким волшебным образом?

— Каким, тебе и предстоит выяснить.

— Почему мне?

— Есть еще претенденты?

— Нет. И что мне делать с трупом?

— Ничего не делать. Пусть себе лежит. Нам он не мешает. Сделай ты вот что: сходи к местному гробовщику.

— Зачем?

— Гроб себе заказать. Честное слово, включай мозги. Кто-то похоронил девушку, так?

— Так.

— Кто у нас занимается похоронами?

— Конкретно у нас?

— Конкретно у вас. Не тупи.

— Гробовщик?

— Да, гробовщик. Замечательно. Он должен быть в курсе, кого хоронит. Сходи и прижми его к стенке. Как выяснишь, звони мне, понятно?

— Понятно. — Я повесила трубку. Еще одно милое место.

— К гробовщику! Оу!

Бум!

— Ландыш, я же просила!

— Похоронное бюро «Закопайка», — прочла я надпись на вывеске. — Миленькое названьице. А тому, кого устраивает «сжигайка», как быть?

Стоило мне только ступить за порог, как черная тень вместе с какой-то желтой лентой стала кружить вокруг меня.

— Стойте, стойте так, так. Ага, метр шестьдесят... четыре. Надо записать. — Тень удалилась за стол.

— Простите, я вообще-то гроб не собираюсь покупать, — смутившись, пояснила я.

— Понимаю, это на будущее. Так чем могу помочь госпоже гренадеру?

Молодой человек, облаченный в смоляной костюм, с любопытством смотрел на меня. Каштановые волосы волнами спадали на его плечи, на шее небрежно был накинут желтый портновский метр. Жизнерадостное выражение лица и живые глаза противоречиво вязались с его специфичной работой.

— Друг сказал прижать вас к стенке, — честно сообщила я.

— У него был некачественный гроб или похороны прошли не так, как планировалось? — серьезно спросил гробовщик.

— Нет, проблема не в этом. Он жив.

— Жизнь — проблема многих, — понимающе кивнул он. Я почувствовала, что начинаю терять нить разговора.

— Нет, не то. Вы хоронили два дня назад господина Соверена?

— Я. Большие были похороны, весь город стянулся. А сколько цветов! Последний праздник жизни прошел на славу, господин Соверен не может пожаловаться.

— Еще как может, его-то не хоронили.

Молодой человек взглянул на меня испытующим взглядом. «Сейчас он начнет все отрицать», — подумала я, соображая, сколько времени мне потребуется, чтобы развязать ему язык, и какие для того понадобятся разрушения. Но ничего подобного. Гробовщик улыбнулся коварной улыбкой и заговорил:

— Так-так, вы всё знаете.

— Как раз ничего и не знаю. Поэтому пришла к вам для выяснения.

— Сожалею, но вряд ли я смогу вам много рассказать. Не потому, что не хочу, а потому, что сам мало знаю. Два дня назад ко мне пожаловал господин Тюдор.

— Адвокат? — удивилась я.

— Да, вы знакомы?

— Угу, во Вальтер порадуетя, — потирая руки протянула я.

— Кто, простите?

— Неважно, продолжайте.

— Он сказал, нужно организовать похороны. Я не удивился, в конце концов, у нас здесь похоронное бюро, как-никак. Я лишь спросил, кто скончался, он ответил — господин Соверен. Это меня поразило, вы, должно быть, знаете, господин Соверен считался в Босвелле очень значимой фигурой, его кончина любого могла ошарашить. Господин Тюдор доверил мне все вопросы по поводу похорон, но с одним условием: гроб он предоставит сам. Интересное заявление, не правда ли? Меня такая деталь несколько озадачила. Фабрика Соверенов специализируется на работе по дереву; возможно, у господина Соверена был заготовлен гроб, сделанный на его фабрике по его пожеланиям, как знать? Я так решил, и, когда его увидел, мои предположения подтвердились. Но вот что интересно, — гробовщик сделал выжидательную паузу. — Господина Соверена хоронили в закрытом гробу.

— Закрытом?

— Да. На это господин Тюдор ответил, что господин Соверен умер от приступа, его тело скрутила ужасная судорога. Его не могли хоронить в открытом гробу.

— Вас такой ответ не устроил?

— Совершенно, — молодой человек вновь улыбнулся. — Видите ли, я не просто гробовщик. В мою специальность также входит косметическое обновление усопших.

— Э?

— Я делаю из малопривлекательных трупов привлекательные и почти как живые, — разъяснил гробовщик для особо умных.

— О! Здорово! И вы могли бы исправить даже судорогу?

— Ручаться не могу. Надо вначале посмотреть, с чем придется работать. Раньше я работал помощником патологоанатома. Я знаю, как обращаться с телами.

— Господин Тюдор знал про вашу... эм, специальность?

— Да.

— И все равно не обратился к вам за помощью?

— Да.

— Да-а, действительно странно, — согласилась я.

— Вот, вы тоже заметили, — довольно кивнул гробовщик.

— Может, у господина Тюдора были на то причины?

— Причины не показывать мне тела, — фыркнул молодой человек.

Час от часу не легче. Выходит, адвокат замешан во всей неразберихе с телом; возможно, и с документами тоже.

— Раз вам не показали тело и похороны провели с закрытым гробом, как вы догадались, что там не господин Соверен?

— Никак. Вы сами мне об этом сообщили. — Я шлепнула себя ладонью по лбу. Шпион из меня никакой. Все сдаю врагу. — Конечно, взяв во внимание данные нюансы, я и сам понимал — здесь что-то не так, — поспешно добавил он, попытавшись меня утешить.

— Ага, еще как не так. Закопали, то есть задвинули в «ящик» какую-то девушку вместо господина Соверена, делов-то, — невесело пошутила я.

— Какую девушку?

— Откуда мне знать. Блондинку, но это мало о чем вам расскажет.

— Может, и немало, — лукаво улыбнулся гробовщик. Я недоуменно посмотрела на него. — В любом случае вам следует навестить господина Тюдора и уже его «прижать к стенке».

— Хорошая мысль, пожалуй, так и поступлю, — согласилась я. — Спасибо вам за доставленные сведения.

— Всегда пожалуйста. Приходите еще! — пожелал молодой человек мне вслед. Ну уж нет, повременю.

Я недооценила Босвелл, назвав его скучным городком, где ничего интересного и криминального отродясь не водилось. Оказалось, водилось. Просто очень мало и очень редко, и во все время моего пребывания здесь мы с ним не сталкивались. До сих пор.

Начав более-менее ориентироваться в улочках города, я решила срезать путь от лавочки гробовщика до конторы господина Тюдора. Перепрыгнув через маленький заборчик и нагло пройдясь по цветочной клумбе, я угодила в темненький закоулочек. В просвете закоулочка виднелась долгожданная контора. Сначала виднелась, в другое мгновение ее загородила пьяная, небритая физиономия со всеми следами разгульной жизни. Честно сказать, встретить я ее у себя в Крушице, прошла бы мимо, не заметя. Но здесь, в Босвелле, для меня ее появление стало настоящим культурным шоком. Глаза физиономии собрались в кучку, узрев меня. «Дежавю», — пронеслось у меня в голове.

— Оба на! Какие люди, и без охраны, ик! Девушка, у вас такие большие, замечательные... глаза, ик, — произнесла она, уставясь, правда, намного ниже глаз и шеи. — Представляете, меня жена из дома выгнала, ик. Говорит, ик, иди, говорит, работай, месяц, говорит, дурака валяешь. Нечем, ик, говорит, семью кормить. А как ее кормить, ик, я вас спрашиваю? Как?! Была у меня работа, да, вы не сомневайтесь, я не тунеядец какой там, ик. Работал на этом, как его, ну как, а! Заводе, нет... не заводе, а на чем тогда? — Мужчина глубоко задумался.

— На фабрике? — услужливо подсказала я, сама прикидывая, как мне лучше обойти честного работягу.

— Точно! На фабрике, ик! Меб... меб... мебельной! Столяром я был, да! Не верите? А я говорю, был! Был, был. Работа была. Деньги были. Потом пошли проблемы, сокращения, и кончилось все ее закрытием. Грустно, ик. Где теперь работу найти в этой дыре? Вы не знаете? Вот и я не знаю. Остается только с горя напиваться, да. Только все пропито. Эй, девушка, вы не скрасите серые одинокие будни мужчины в расцвете лет?

— Вы ведь женаты, — вежливо напомнила я.

— Фю! Когда это останавливало! — махнул рукой мужчина в расцвете лет. В самом деле, когда и кого? «Как низко пали нравы», — неожиданно промелькнуло у меня в голове.

— Простите, я на работе.

— Ну так хорошо! Я вам ее сейчас организую! — обрадовали меня. «Не на такой!» — вскричала моя уязвленная гордость.

— Вы ошибаетесь. Такая работа не по моей специальности.

— Взаправду? А у вас такие хорошие... качества. Очень подходящие. Но ничего, всегда полезно менять поле деятельности.

После последнего заявления моя красноречивость поиссякла. Разговорами я здесь ничего не добьюсь. «Надо брать силой», — решила я. Одного точного удара в солнечное сплетение ему будет достаточно. У человека черная полоса жизни: работу потерял, жена из дома выгнала. Зачем его еще и пары зубов лишать? обойдемся малой кровью. Однако моему высшему проявлению милосердия не суждено было свершиться.

По мужскому плечу деликатно, но настойчиво постучали ручкой зонта.

— Извините за бестактность. Я разыскивал свою коллегу. Услышал тут ее голос. Вы не могли бы отойти в сторону, вы мешаете ей пройти, — мирно попросил секретарь. Мужчина кинул на него недовольный взгляд.

— А ну пошел отсюда! Пижон расфуфыренный! Я первый ее застолбил!

— Прошу прощения, но как вы соизволили выразиться, то я намного раньше «застолбил» номер семьдесят семь. И на это имеется официальный указ начальства.

— Ты тут что, сутенер? Так вали к чертовой бабушке! Деньги я отдам.

— Простите?! — негодуяще спросили секретарь, раздувая ноздри.

— Не, ну ты че, по-человечески не понимаешь? Накось! — с этими посулами мужчина развернулся, замахнувшись кулаком на Вальтера.

У меня остро скрутило живот. Перед глазами отчетливо замаячила помятая фигура секретаря в разбитых очках. Очередной мой прокол и разнос от начальства. Не допущу! Я готова была кинуться на перехват, но вдруг случилось то, чего ни я, ни тем паче мужчина не ожидали. Вальтер увернулся. С легкостью уйдя из-под удара, секретарь сделал выпад вперед и ловко подхватил крючковой ручкой зонта ногу нападающего. Резкий рывок — и мужчина уже лежал на спине. Но сопротивление со стороны противника ничуть не усмирило разгорячившегося работягу, оно его только подзадорило. Быстро вскочив на ноги, он попытался нанести новый удар. На этот раз Вальтер решил не уворачиваться. Перекрутив в руках зонт, он направил на противника его острый кончик. Укол — зонт со щелчком раскрылся, и мужчина влетел в ограду. Бедные маргаритки, теперь на них еще и валяется тело. Я медленно отклеилась от стены, к которой предусмотрительно прижалась, когда поняла, что «полет шмеля» будет направлен в мою сторону. Присев на корточки, я потыкала пальцем в мужчину. Раздались невнятные стоны. Слава богу, живой.

По железным крышам раздался звук ссыпавшегося гороха. Дождь. Щелчок — я невольно вздрогнула. Над головой раскрылся зонтик.

— Вы вновь в неподходящем виде. Где же ваш дождевик, смею я спросить? Так вы промокнете до нитки. И что у вас с рубашкой, она вся в грязи? — задал Вальтер ряд привычных вопросов и наездов, поправляя свои сползающие на кончик носа очки.

Я была в ступоре. Вальтер — человек, которого вне Отдела никто почти никогда не видел. Человек, с дотошной кропотливостью занимающийся всей бумажной работой. Настоящая мигрень всех сотрудников, не исключая госпожу Розу. Высокомерный, пунктуальный, щепетильный. И этот человек...

— Господин секретарь, вы умеете драться? — ошарашенно спросила я. Вальтер

удивленно приподнял бровь.

— Безусловно, умею. В юношеские годы я занимался фехтованием. Не буду хвастаться, скажу лишь, что в данной деятельности я достиг больших высот. Гренадер номер семьдесят семь, неужели вы считаете, будто сотрудник Западного отдела гренадеров может являться человеком, не умеющим постоять за себя? Это было бы просто нелепо.

— Тогда какого... в смысле, я хочу сказать, зачем нужна я, если вы сами способны себя защитить?

— Указы начальства не оспариваются. Тем более применять силу в моем нынешнем положении секретаря просто не этично.

— Вот как, — только и смогла выдохнуть я.

Ландыш, обнюхав постанывающего мужчину, задрал ногу и невозмутимо сделал свое дело. На данном пес не остановился, принявшись закапывать следы нашего бесчинства. Маргаритки и комки земли летели в разные стороны. Закопать тело можно назвать хорошей идеей, но когда оно еще живое — едва ли. Я оттащила собаку.

— С вашего позволения, хочу кое о чем спросить.

— М-м-м?

— Зачем вы ходили в местное бюро ритуальных услуг?

— А я туда ходила? — неподдельно удивилась я, наученная недавним опытом.

— Хозяин гостиницы утверждал, что вы интересовались его местом расположения, или я ошибаюсь?

— Может, это он ошибается? Но нет, вы правы. — Озадаченность на лице секретаря возрастала с каждым моим словом. — Господин секретарь, я вам потом все разьясню, но сейчас нам нужно немедленно нанести визит господину Тюдору!

Вальтер достал свои карманные часы.

— Слишком позднее время для визитов. К тому же контора уже закрылась.

— Ничего, я вижу, у них в окошке горит свет.

— Гренадер номер семьдесят семь, столь поздний и незапланированный визит будет крайне неуместен.

— Еще как уместен! Вы сами убедитесь. Никаких возражений, все после!

Секретарю ничего не оставалось делать, как проследовать за мной.

Ради спокойствия Вальтера я решила сразу не выбивать дверь, а для начала постучаться. Послышалось шепуршание.

— И все-таки я считаю это бескультурной затеей, — не унимался мужчина, терпеливо продолжая стоять надо мной с зонтом.

— Вначале все так считают, а потом стоит сотни раз повести себя бескультурно, как привыкаешь.

— Сколько раз?! — в ужасе переспросил Вальтер. Своим откровением я доведу его до нервного срыва. Секретаря спасла открывающаяся дверь.

— Извиняюсь, но мы закрыты. Приходите завтра, — смущенно сообщил молодой человек, который утром занимался сортировкой бумаг.

— До завтра, боюсь, не дотерпит. Народ должен знать правду!

— Правду? — удивился и одновременно испугался парень.

— Господин Тюдор у себя в кабинете? — не отвечая на вопрос, поинтересовалась я.

— Да, но он просил его не беспокоить. Я очень извиняюсь, но вам правда нельзя. —

Парень попытался закрыть дверь, но я быстро просунула ногу.

— Нам все можно, — непоколебимо заявила я, оттесняя его в сторону.

Дверь в кабинет адвоката оказалась запертой. Я выразительно постучала, и с верхних полок попадали книги.

— Господин Тюдор, открывайте! Вам не уйти от закона! Признавайтесь, зачем вы спрятали документы? Куда дели труп господина Соверена? И что за девушка лежит в его гробу?

— Какой труп? Что за девушка? — оживился Вальтер.

— Вот и я хочу знать, что за... Немедленно открывайте, иначе лишитесь двери, а может, и еще некоторых предметов интерьера. — Мои угрозы остались без внимания. — Ах, так! Ну и пожалуйста! — Я занесла было ногу, но секретарь меня остановил.

— Гренадер номер семьдесят семь, что вы собираетесь сделать?

— Эм, разве не видно? — удивилась я. — Применяю свою угрозу на практике.

— Ни в коем случае! Вы не имеете права повреждать чужую собственность.

— Но...

— Никаких возражений! Это приказ, гренадер номер семьдесят семь. У вас есть ключ? — обратился Вальтер к помощнику.

— Да, есть. Но я не имею права...

— Имеете. Сейчас же откройте дверь, если не желаете приобрести новые проблемы, — непреклонно произнес секретарь.

Парень сглотнул и дрожащими руками принялся открывать дверь. Через мгновение мы вчетвером, считая собаку, вошли в кабинет адвоката. И я поняла, почему мои угрозы и гневные тирады никак не подействовали на господина Тюдора. Теперь его ничто не могло беспокоить.

Помощник адвоката, бледнея, осел на пол. В комнате до сих пор чувствовался запах пороха. Револьвер валялся на полу. В неестественно закинутой голове алела небольшая дырочка с запекшейся кровью. Господин Тюдор выбрал самый простой путь уйти от ответов. На столе лежало недавно законченное письмо. Чернила влажно блестели на свету. Незакрытая ручка покоилась рядом. Вальтер подошел к столу и зачем-то закрутил колпачок, затем взял письмо. Его строки были обращены к нам.

Представителям Западного отделения гренадеров, приехавшим в Босвелл по вопросам передачи прав на владение фабрикой.

Да будет вам известно, соблюдение чужой тайны — самый большой крест, который может нести человек. Откровения, коими я с вами хочу поделиться, были для меня тягостными раздумьями.

17 июля этого года.

Поздно вечером в дверь моей конторы постучал господин Эбон Соверен. С этим человеком я был знаком всю свою сознательную жизнь, и услуга, оказанная мне им когда-то, не знает границ. Он был самым достойным и влиятельным человеком нашего города. Но власть никогда не омрачала его сердце, а разум его всегда был тверд и ясен. В тот судьбоносный день шел дождь, один из тех дождей, которые так часто проходят у нас в городе. Лицо моего старого друга, сияющее в ударах молний, отражало глубокую боль и страдание. С глазами, полными пугающей пустоты, он сообщил, что его дочь Оливия скончалась из-за болезни. Эта

новость поразила меня до глубины души. Ни я, ни кто другой в городе не знали, что у господина Соверена была дочь. Я был знаком с его юной помощницей по имени Оливия, но я и не подозревал об их родстве! Как оказалось, сам Эбон узнал о том, что она его дочь, только месяц назад. Я не хочу сообщать вам, откуда у господина Соверена появилась внебрачная дочь, пусть это останется только на его совести, но так или иначе девушка скончалась от лейкемии. Для моего друга данное событие стало большой потерей. Он был сильно привязан к девушке, и, только недавно обретя единственную дочь, он почти сразу же ее потерял.

Он желал похоронить ее в своем фамильном склепе, но из-за их неофициальной связи это могло вызвать проблемы. Босвелл — маленький городок, где слухи распространяются со скоростью лесного пожара. Господин Соверен хотел уберечь память о дочери от ядовитых обвинений и глупых пересудов. Тогда он решил: пусть официально именно он — Эбон Соверен скончается для Босвелла. Я пытался его отговорить, но он оставался непреклонным. Оливия должна быть похоронена в фамильном склепе со всеми почестями, и точка. Он уже стар и чувствует, что силы его вскоре покинут, особенно сейчас, когда он потерял все: смысл жизни — фабрику и свою дочь. Я решил принять последнюю просьбу моего друга, тем самым вернув ему старый долг, который, как и положено благородному господину, он давно забыл и простил мне.

Оливию мы похоронили в закрытом гробу. Ни единая душа не подозревала о нашей подмене. Сразу после похорон господин Соверен покинул Босвелл. Я не знаю, куда он отправился, но знаю точно — это его последний путь.

Вернусь к вашей проблеме. Господин Соверен действительно завещал права на владение фабрикой вашему Отделу. Но предо мной как перед адвокатом возникла проблема: завещание не могло вступить в силу, пока господин Соверен жив. Для всех он был мертв, но я знал, что это не так. Как быть? Я понимал, что надо поступить следуя нашей легенде, но меня охватила личная дилемма. Долгие столетия мебельная фабрика семьи Соверен была сердцем нашего города. Я понимал, передай ее в чужие руки — и Босвелл обречен. Он уже погибает, медленно, чуть заметно, но все же гибнет. Я осознаю, что своими безрассудными действиями я ни чем не могу спасти его. Но я все равно не мог расстаться с последней, пусть совершенно пустой, но надеждой. Борясь сам с собой, я отправил вам письмо о том, что произошла некая проблема. Я не ожидал, что ваш Отдел отреагирует так быстро. Мне приходилось всеми силами сдерживать свое волнение, когда на следующий день после отправки письма вы заявились ко мне в контору. Я думал, что еще, возможно, смогу все исправить и сохранить возложенную на меня тайну, но когда из окна своего кабинета я увидел, как ваш сотрудник идет в похоронное бюро, то понял — все кончено.

Нужные вам документы вы найдете на моем столе рядом с этим письмом. Надеюсь, ваша организация мудро поступит с мебельной фабрикой Соверенов, в любом случае Бог мне судья, я пытался поступить, как считал нужным. Теперь я понимаю, насколько был глуп. Все тайное всегда становится явным, возможно, все так. Я не смогу пережить свалившийся на меня позор, поэтому я ухожу. Ухожу, будучи еще достопочтимым адвокатом Босвелла. Как странно, даже на пороге смерти мы так тщеславны...

На этих словах письмо обрывалось. Как и говорил господин Тюдор, документы на владение фабрикой мы обнаружили здесь же, на столе, рядом с последним признанием. Все дела были улажены, и на следующее утро первым поездом мы покинули Босвелл. Но до этого произошло кое-что еще.

Мы стояли на станции в ожидании прибытия нашего поезда, как вдруг ко мне подскочил незнакомый человек.

— Вы, если я не ошибаюсь, гренадер из Западного отдела?

— Не ошибаетесь.

— Замечательно, а это, должно быть, Ландыш? Малыш сильно подрос с нашей последней встречи, — с этими словами мужчина наклонился к собаке, заглянул ей в пасть, оттянул шкуры, посмотрел уши и ощупал позвоночник.

Довольно хмыкнув, он занес что-то в свою записную книжку. Я испугалась, не собирается ли он съесть Ландыша?

— Очень хорошо. Собака в замечательной форме. Еще один укольчик, и можете быть свободны, — с этими словами незнакомец принялся доставать из саквояжа шприц.

— Укольчик?! — После моей недавней болезни я очень нервно реагировала на данное слово. — Господин секретарь, тут какой-то незнакомый человек пристает к собаке госпожи Розы!

— Что?!

Секретарь каменной стеной возник между нами и незнакомцем. Но мужчина ничуть не смутившись, ловко сделал свое черное дело. Пес недовольно рыкнул и почесал лапой уколотое место.

— Вот так-то.

— Простите, вы кем будете? И что вы делаете? — грозно спросил Вальтер.

— Я? Разве не видно? Укол против бешенства. Конечно, его лучше было бы делать в начале лета, а не в конце, но госпожа Роза не смогла прибыть раньше.

— Откуда вы знаете госпожу Розу?

— И Ландыша?

— Как откуда? Так ведь она у меня щенка и брала! Три года назад. Да и каждый год приезжает на осмотр. Я здешний ветеринар, — удивленно пояснил мужчина.

— Приезжает сюда, в Босвелл?!

— Ну да! Она не доверяет местным врачам, говорит, им лишь бы деньги содрать, а качество лечения оставляет желать лучшего. В этом году она написала, что не сможет приехать лично, но пришлет своих сотрудников вместе с собакой на осмотр. Я так понял, у вас было много дел, поэтому вы сразу же ко мне не зашли, хорошо, что я догадался вас на станции перехватить! — радостно сообщил ветеринар, не понимая наших унылых лиц.

— Получается, по большому счету мы приперлись сюда только ради того, чтобы показать Ландыша ветеринару, а трудности с документами просто пришлись госпоже Розе как нельзя кстати? — убитым голосом спросила я у секретаря.

— Получается, именно так, — таким же тоном ответил он мне.

— Эй, ребята, что это с вами? Хей?

В эту минуту у нас с Вальтером впервые было полное взаимопонимание. Дожили.

Размеренно стучали колеса, и меня, как обычно, разбирали на расспросы.

— Господин секретарь, а что будет с мебельной фабрикой?

— Это решать начальству.

— И что решит начальство?

— Гренадер номер семьдесят семь, почему бы вам не спросить у него лично? И говоря откровенно, данные вопросы вас не касаются.

— Может, очень даже касаются, — пробубнила я себе под нос.

Поезд качнуло, и на меня чуть не обрушился шквал коробок. Я быстро удержала шатающуюся конструкцию, построенную из коробок с шоколадом в мой полный рост.

— Гренадер номер семьдесят семь?

— А?

— Меня интересует, зачем вам столько шоколада?

— Это сувениры. У меня много друзей, — ответила я, покрепче перевязывая коробки.

— Надо было купить что-нибудь практичное, — нравоучительно заявил Вальтер.

— Что может быть практичней шоколадных конфет? — неподдельно изумилась я. Мужчина решил не спорить, отвернувшись к окну. За горами скрывался крохотный городок. — Без фабрики Босвелл долго не продержится, так?

— Возможно, мебельная фабрика — единственная крупная промышленность в данном районе.

— Что будет со всеми местными жителями?

— Разъедутся. Кто-то, может, останется, но это будет глупым решением. В Босвелле нет приличного заработка.

— Значит, город исчезнет?

— Со временем. Это неизбежно, — безучастно ответил Вальтер.

Перед моим взором вновь проплыли маленькие домики, обшарпанные стены гостиницы, сырые безрадостные улицы, кондитерская, сушки, мужчина на скамейке, кладбище, печальный звон колокола. И всему этому было суждено безвозвратно исчезнуть. «Никто не должен противиться неизбежному», — вспомнились мне слова пожилого мужчины. Босвелл вовсе и не пытался противиться. Он смирился. Он просто ждал. Снова заиграла музыка, но теперь я смогла ее схватить.

— Реквием.

— Простите, что?

— Нет, ничего. Просто я действительно не люблю грустные сказки.

Отчет 8

Сказка

Ох уж эти сказочники!

В конце августа, в дни уходящего лета в Крушице начиналась неделя летнего фестиваля. Знойные, душные полдни, раскаленные мостовые, на которых запросто можно поджарить яичницу, приятная прохлада мраморных фонтанов, тенистые сады и шепчущие чарующую песню листья вековых кленов — вот-вот и они окрасятся в пурпурно-золотые цвета. Со всем этим вскоре придется проститься. А пока только радужные фонарики да воздушные ленты конфетти радуют глаз своей легкомысленной пестротой, оживляя серый город, растрескивая его каменную скорлупу. Трещинка за трещинкой.

Несомненно, лето уходит. Впереди долгие тусклые зимние месяцы. Прощальную вечеринку нужно устроить, так чтобы в следующих годах ее хотелось повторять снова и снова. До сих пор удавалось. Но что будет в этот раз? Во всяком случае, до открытия фестиваля остался один день. А сколько всего нужно еще успеть сделать!

На крупных площадях города выросли маленькие складные палатки торговцев. Тут продавалось абсолютно все, начиная с печеных яблок в красном вине, изысканное угощение представительных горожан, заканчивая жареными кузнечиками в панировке для рискованных любителей своеобразной восточной кухни. Каждый найдет себе блюда по душе и своему кошельку. Главное — иметь крепкие желудки.

Перебранки среди владельцев палаток за выгодное место под солнцем были делом нередким. То там, то сям вспыхивали скандалы и потасовки. Ничего, городская стража и гарда пресекут глупые стычки, никому не позволяя разрушить праздничную атмосферу. Гренадеры тоже не дают спуска, но, к удивлению, в этом году на улицах их встречается поразительно мало. Ходят слухи, что всему виной жеребьевка. Но что же такое могло достаться ЗОГУ, что он снял большинство своих сотрудников с обычной работы? Вот вопрос, беспокоящий многих.

За эту неделю в сторону Отдела несколько раз приезжали пожарные, но наемники не пускали их за порог, утверждая, что все проблемы улажены и волноваться не о чем. Затем посреди ночи жителей Крушицы оглушил мощный взрыв, доносившийся опять же с той стороны. В ближайших домах вылетели стекла! И снова Псы Правителя убеждали городское правление в пустяковости данной проблемы. Потом затопило канализацию, и вообще произошло немало неприятных инцидентов, корни которых неизменно тянулись в сторону злополучного учреждения. Что бы наемники ни удумали, было ясно одно: этот фестиваль запомнится надолго.

В последний день перед летним фестивалем все сотрудники ЗОГа носились, словно паровые веники. По любимой человеческой прихоти самое важное было оставлено на последнюю минуту. Следствие: стружки и щепки летели в разные стороны, о разбросанные повсюду инструменты то и дело кто-то спотыкался, масляной краской и лаком безнадежно провоняло все здание Отдела; слишком поздно спохватились, что лучше всего заниматься покраской во дворе, на свежем воздухе.

Стучали молотки, жужжали швейные машинки, галдеж не замолкал ни на минуту.

Солнце нещадно припекало, все обливались потом, путаясь под ногами и прилипая друг к другу, тем самым сильно играя на нервах. Нервов, как и времени, катастрофически не хватало. Озверевшие и замученные сотрудники то и дело начинали срывать злость друг на друге. В ход шло все. К сожалению, этого всего под рукой валялось непомерно много. А тех, кто случайно попадал под эти самые горячие руки, ноги, монтировки и пилы, — еще больше. Бедный Пернел, главный врач Отдела, замучился принимать покалеченных в своем кабинете. Желających попасть на койку в лазарет было неисчерпаемое множество. Еще бы, ведь там, в палатах, стояли вентиляторы!

А весь этот сыр-бор начался лишь по простой вине случая. В этом году, кроме традиционного фейерверка и парада собак, ЗОГУ выпало поставить детский спектакль...

Гренадеры, наемники, воины, убийцы (да кто у нас только не завалился!) должны были ставить детскую сказку. Это вызвало и смех и слезы. Точнее, сначала был истерический хохот, а потом, когда пришло осознание жестокой действительности, начались слезы.

Первым испытанием был выбор сказки. Методом долгих проб и ошибок, ценой отсиженной в библиотеке пятой точки, последних нервов Вальтера и печени госпожи Розы из всех возможных, более или менее приемлемых детских сказок приговор был вынесен «Колобку». Причина решения очень проста: «Колобок» оказался одной из самых немудреных и менее травматичных сказок.

Нужно признать, сначала мы выбрали историю про дракона, но так как настоящего у нас в наличии не имелось, пришлось соорудить его самим. Да, гренадеры с магическим образованием потрудились на славу. А каким натуральным вышло огненное дыхание! Высший класс! Настолько натуральное, что спалило все шторы в актовом зале. От дракона пришлось отказаться. Затем новоиспеченные сказочники направили свои взоры на восточную сказку о волшебной лампе. Лампу в ломбарде откопали, а вот джинн к ней не прилагался. Так как все дружно решили, что спектакль должен получиться как можно более реалистичным, стали думать, где бы раздобыть джинна. На Восток смотреть точно не успеем, почему бы тогда просто его не призвать? Вызовом демонов в Отделе занимались редко, но практика все же имела, как и специально отведенная комната с литературой. Попытка не пытка, а любопытство не порок; короче, побежали вызывать джинна. Вызвали... демона разрушения. Случайно не ту руну на пентаграмме нарисовали. Демон потребовал жертвоприношений. Жертвоприношений у нас не оказалось, исполнять роль оных не хотелось. В итоге обратно в преисподнюю демона загнали с большим «бумом». Очень большим «бумом». Крышу продолжают чинить.

Но предыдущих просчетов нам показалось мало, и мы стали изгаляться дальше. Сказку-то, в конце концов, выбрать нужно! «Золотая рыбка» — звучит весьма безобидно, стоит попробовать. Попробовали — ничего смертельного не произошло, вот только у многих в городе подвалы превратились в бассейны, а из туалетов получились оригинальные фонтаны. В результате «Золотая рыбка» тоже отправилась в черный список.

Бедный Вальтер во все время наших экспериментов не расставался с пузырьком валерьянки, которую вскоре стал хлебать не разбавляя водой. Госпожа Роза держалась лучше, но чуть уловимый запах коньяка, витающий в воздухе кабинета руководителя Отдела, наводил на мысль о том, что пора отбросить тяжелую артиллерию и перейти к чему-нибудь более безобидному и минимально требующему магического вмешательства. Скачущий по лесу гигантский округлый пирожок вызвал долгие споры и опасения. Кто-то предложил оживить кучу теста, но, представив бродящего по Крушице колобка-убийцу, разрушающего

все на своем пути (если еще хоть что-то осталось после наших прежних попыток), мы тут же отбросили данную затею. После длительных часов обсуждений «вердикт» наконец был вынесен. Сцену и декорации мастерим из подручных материалов своими руками (нет, не теми руками, которые создавали дракона!), роль колобкоядных зверей исполняем опять же сами, переодеваясь в костюмы. Колобка выпекаем стандартного размера (кстати, кто-нибудь вообще знает, что это за «стандартный размер?»), двигаться он у нас будет с помощью левитации, самый безобидный приемчик, а говорить за поджаренную булочку будет суфлер. Ура! Осталась самая малость. Все это сделать. За день до праздника.

Бессонная ночь и работа до седьмого пота сотворили из невозможного возможное. В шесть часов утра вся актерская труппа и работники по сцене были на Соборной площади. Собрать сцену заново оказалось нелегким мероприятием, но ребята вроде справлялись. Правда, подозрительно много лишних деталей у них оставалось после сборки. Но это ерунда, главное, сценарий написан, костюмы сшиты, декорации сделаны, оставались сущие мелочи.

— Акира?

— Ха? — откликнулась я, отрываясь от заштопывания не вовремя порвавшегося занавеса.

— Ну, во-первых, оденься, а во-вторых, сходи купи цветы, чтобы сцену украсить, а то у нас тут куча «соплей» и гвоздей торчит, прикрыть бы не мешало, — попросил Ким, опасно пошатываясь на стремянке, пытаюсь подвесить картонное облачко. Облачко сопротивлялось.

— Хорошо, а какие цветы покупать? — спросила я, бросая несчастную занавеску.

— Без разницы, главное, чтобы их было много и дешево.

— Вот, Аки, возьми, — Альма протянула мне выданные на расходы деньги.

— Ладненько, тогда я побежала.

— Оденься, — раздался сверху усталый голос «провидца».

— Точно! — Я принялась натягивать сарафан. — Думаешь, в одном купальнике расхаживать по городу неприлично?

— Не знаю, как в *обычном* купальнике, но в *твоем* так точно, — проворчал парень, слезая со стремянки. — Смотри, в таком виде не попадайся на глаза Вальтеру, а то его точно удар хватит.

— Не понимаю, что такого в моем купальнике. — Я задрала подол сарафана для лучшего изучения предмета спора. — А?

— Ничего, он очень миленький, — улыбнувшись, ответила девушка.

Я перевела взгляд на друга. Ким вздохнул, утомленно потирая лоб.

— Хорошо, что ты в этот раз выбрала совместную модель. Но про то, как он тебя обтягивает я лучше промолчу. Кстати, ты в нем дышать-то можешь? Я задам тебе всего один вопрос: почему именно *эта* расцветка?

— Расцветка? О, ну там была еще леопардовая, но я подумала, это будет выглядеть слишком вульгарно.

— Зато это выглядит слишком очевидно, — пробурчал Ким.

— Очевидно?

— Забудь. Иди уже за цветами, — махнул рукой парень, возвращаясь к работе.

Я недоуменно пожала плечами и побежала выполнять поручение. Что может быть очевидного в черно-белых пятнах коровы? Не понимаю.

В Крушице хватало цветочных магазинов, но по случаю фестиваля в большинстве из них

уже закончились цветы, а в других были столь непотребные цены, что я просто не могла поверить, что какой-то плюгавый лютик может столько стоить. Безрезультатно бродя от одного магазина к другому, я начала отчаиваться. Быть может, сбегать в городской парк и там повыдирать цветочки из клумб? Пожалуй, оставлю эту затею на крайний случай. О, вот и еще один магазинчик, а вдруг здесь повезет?

Я остановилась, разглядывая витрину. Во всяком случае, товар имеется, посмотрим, какие тут цены. Стоило мне очутиться внутри, как запах цветов, земли и удобрений тут же ударил в нос. Порой запахи лучше любой визитной карточки. Я по ним даже дорогу порой нахожу быстрее. Ну как можно перепутать запах свежей выпечки, доносящийся из булочной, и дразнящий желудок аромат шашлыка в трактирчике под мостом? Правильно, никак. А карты и адреса — это уже вторично.

— Привет, девушка-ананас! — радостно поздоровались со мной, оторвав от неизменно голодных мыслей. Я посмотрела на стоящего за стойкой парня в темно-синем фартуке с вышитым на нем красным тюльпаном. Солнечный свет, пробивающийся сквозь листву цветов, коими заставлялась витрина, алмазным блеском отражался на белоснежных волосах. Таких белых и искристых, словно недавно выпавший снег. Ярко-голубые глаза и улыбка чуть ли не до ушей.

— Ты... — помедлив, начала я, — почему назвал меня ананасом?

Белые брови удивленно поднялись.

— Почему? Но ведь у тебя прическа будто хвостик ананаса.

— Ананаса? Ладно, как только мой хвост не называли. Смирилась. Пальмой — называли, фонтаном — называли, редиской — называли, — загибала я пальцы. — Но ананасом еще ни разу.

— Теперь разу! — Парень вновь улыбнулся, пристально посмотрев на меня. — Послушай, ты ведь догадалась, кто я?

— Конечно, — ответила я, тоже пристально уставившись на него. — Ты продавец в цветочном магазине! Чего тут гадать?

Последовала минутная тишина. Можно было услышать, как из глиняных горшков тоненькой струйкой сочится вода. Кап-кап, кап-кап. Затем блондинчик разразился таким диким хохотом, что рухнул под прилавок. Я лично никак не могла понять причину столь бурного веселья. У него амнезия и он сам не мог вспомнить, кто он и где? В любом случае странный он какой-то и что-то или даже кого-то мне напоминает. Но вот кого? Никак не вспомню. Задыхаясь, странный парень кое-как выбрался на свет божий.

— Ох... нет... ты меня просто уморишь... ух. — Он утер проступившие от смеха слезы. — Я скажу тебе, только по секрету. На самом деле я не продавец в цветочном магазине, — неожиданно заговорщицки произнес парень.

— Не продавец? А кто тогда?

Лжепродавец сделал знак рукой, и я наклонилась к нему через прилавок.

— Тише, нас могут услышать. — Он настороженно покрутил головой. Я последовала его примеру, но кроме представителей флоры никого поблизости не обнаружила. На всякий случай я подалась еще ближе. — На самом деле я...

И тут только, наклонившись почти к самому лицу парня, я заметила рассекающий губу шрам. Зараза! Я попыталась отскочить, но жгучая боль внезапно разорвала мне рот. Знакомое чувство. А я надеялась, что смогла его позабыть. Я взвыла. Потребовалась всего доля секунды, и я оказалась на другом конце магазина. Сквозь прижатые ко рту пальцы

сочилась горячая кровь. Северянин остался невозмутимо стоять за прилавком, задумчиво крутя в руках маленькую садовую лопатку. Ею он меня порезал?! Класс! Быть убитый садовым инвентарем. Не такую смерть я себе представляла.

— Ты сегодня без сторожевого хори, малышка? Жаль, — ты не представляешь, как я об этом жалею! — Эй, не обижайся! Я не собираюсь тебя убивать. Всего лишь возвращаю должок. Теперь мы квиты! — Мило улыбнувшись, парень кинул лопатку в пустой цветочный горшок.

Квиты?! Нормально! Кусал его Шнурик, а шишки мне! Но попробуй он тронуть Шнурика хоть пальцем... Моей руки легонько коснулись. Я вздрогнула. Северянин стоял рядом со мной. Я не заметила, как он подошел. Его движения совершенно бесшумны — именно так падает снег. Он осторожно отвел мою руку и приложил что-то к распоротой губе. Почувствовался приятный холод.

— Возвращаю.

Мой платок? А я и позабыла. Небрежно улыбаясь, блондин положил свою огромную руку мне на голову и дружески потрепал волосы. Хватит. Это уже перебор. Мои нервы больше не выдержат. Я быстро увернулась и занесла руку для удара. Ну, сейчас я точно снесу ему голову за все хорошее! Но он успел меня перехватить. Схватив, он закрутил меня, как юлу. Перед глазами все замелькало. Секунда карусели — и я оказалась на улице. В руках я держала огромную корзину, наполненную ромашками и голубыми колокольчиками. Вокруг, удивленно смотря, проходили люди. Какого?!

— Лучше платок еще подержи, пока кровь не остановится, — добродушно посоветовал парень, стоя в дверях цветочного магазина.

— Да ты...

— Я Хел.

— Хрен ты, а не Хел!

— А ты Арика, а не Акира. Но не суть важно, — развел руками Хел.

Я застыла. Откуда он знает?!

— Да кто ты, черт возьми, такой и что тебе на Западе нужно?!

— Мне? Я приехал на летний фестиваль, — удивленно ответил парень. — Не дуйся, малышка, у меня и соответствующие документы есть. Все законно. Можешь спросить в посольстве. Тебе пора идти, иначе ты опоздаешь. Я обязательно приду посмотреть ваш спектакль! Ты не играешь в главной роли? Нет? Жаль. Хочу сказать тебе еще кое-что на дорожку: хоть ты и не Красная Шапочка, будь осторожна. Волков всегда хватает в жизни.

Дверь закрылась. Я осталась стоять в растерянных чувствах и с рассеченной губой. А в голове крутилась одна-единственная и, как всегда, бредовая мысль: почему мы не догадались поставить «Красную Шапочку»?!

— Тебя только за смертью посылать. Неужели купить цветы — большая проблема? Погоди, что у тебя с губой? — Ким, забрав корзинку, обеспокоенно посмотрел на мое лицо.

— Я целовалась с садовой лопаткой.

— Что?

— Шутка. Просто один должок. Извини, что долго. Пришлось к госпоже Розе забежать передать кое-что. Ох, Ким, — я растерянно схватилась за голову. — Я что, проклята на сплошные недоразумения?! Ужас!

— Ты сама сплошное недоразумение, — успокоил напарник. — Так что в итоге

произошло?

— Да там... — Но объяснить мне не дали. Сотрясающий воздух крик заставил нас позабыть обо всем на свете. С тарелкой в руках к нам выбежала взволнованная Альма. На самом деле «взволнованная» было еще мягко сказано. У девушки вот-вот готова была начаться истерика. Вокруг Альмы стал собираться народ.

— Что случилось?

— Да не толпитесь!

— Что происходит?

— Ау! Отойди, ты мне ногу отдавил!

Когда шум слегка ослаб, девушка возбужденно затараторила:

— Я хотела наложить грим на колобка, чтобы он был готов к выходу, прихожу в гримерку, а там вот! — Альма продемонстрировала пустую тарелку, на которой осталась всего пара крошек, напоминающих о недавнем присутствии пропавшей булочки. — Куда он мог деться? Мы не успеем испечь другой!

Шум в толпе вновь возрос. Все плевались, матерились, хватались за голову, не зная, куда бежать. Ведь как возможна сказка про «колобка» без самого колобка? Нереально! И только я одна стояла, мявшись с ноги на ногу. Во мне возрастали смутные сомнения.

— Альма, прости, а колобок находился в крайней правой гримерке?

— Да.

— Лежал на стуле?

— Да.

— Коричневый, сплюсненной формы?

— Да! У нас не получился круглый, — вытирая слезы, ответила девушка и тут внезапно прекратила плакать. — А ты откуда знаешь?

— Ой-ой, — только и смогла протянуть я.

— Акира, что значит «ой-ой»?

— Понимаешь, я не знала, как выглядел ваш колобок. Я думала, это каравай... притом не очень вкусный.

— Ты съела колобка?! — в ужасе вскричала Альма.

— Каравай! Каравай! Я думала, что это каравай!

Десятки глаз впелись в мою сторону. Ох, как мне не нравится выражение их лиц. Я непроизвольно начала ретироваться спиной к стене. Кольцо вокруг меня становилось все плотнее и плотнее. «Без боя не сдамся», — отчаянно решила я.

— Знаете, что я подумала, — пусть тот, кто съел колобка, и будет колобком.

— Что?! Нет, нет, какой из меня колобок? У меня ноги, руки и вообще тело имеется, а не только голова!

— А мы сейчас все лишнее быстренько уберем.

В толпе блеснул нож.

— Нет! Да вы чего?! Помогите!!!

— Вот так. Теперь ты настоящий колобок. — Альма отошла в сторону, любовно изучая свое творение.

— М-да, хорошо хоть налысо не побрили, — проворчала я, разглядывая себя в зеркале. Желтая гладкая голова с ярко-красными щеками удивленно смотрела на меня.

— Да, удачно мы нашли подходящую шапочку для плавания, — согласилась девушка. —

Только не вовремя ты губу разбила. И как ты только умудрилась?

— Да как обычно, — хмуро проворчала я.

— Ничего, красоту ничем не испортишь! Ну что, идем смотреть, как переоборудовали сцену?

К моей великой радости, во время расчлененки вмешался один здравомыслящий человек — Ким. Отговорив народ от головотяпства, он предложил идею переоборудовать сцену. Теперь в полу имелась «траншея», из которой должна была торчать моя голова, вся остальная часть находилась под, мне оставалось только ползать на коленях. Для прикрытия дырки вокруг была выстроена бумажная трава, доходящая чуть ли не до самой моей макушки.

Я с сомнением осматривала сию конструкцию. Уж очень сильную ассоциацию с гильотиной она у меня вызывала.

— О, Ким, смотри! Как тебе наш колобок? — спросила Альма у проходящего мимо парня. Ким остановился, присмотрелся, закатил глаза и начал хмурить лоб.

— Ты чего делаешь? — удивились мы.

— Пытаюсь вспомнить.

— Что?

— Заразная ли желтуха.

— Тьфу на тебя! — обиделась девушка, но я лично была в чем-то солидарна с другом. — Колобок должен быть румяным! Ничего вы не понимаете.

— В колобках? — уточнила я.

— В красоте, — возвышенно произнесла она. — А ты, — палец уткнулся в Кима, — критик, иди в гримерную, через полчаса выступаем. — Дав распоряжения, Альма удалилась.

— Ух ты, Ким, ты тоже будешь выступать! А кого играешь?

— Волка. Серого, — угрюмо ответил напарник.

— Тогда уж черного, — заметила я. — Но как ты позволил себя уговорить? Я ни за что не поверю, что ты согласился на добровольной основе.

— Шантаж.

— А?

— Обыкновенный шантаж.

— И чем же тебя шантажировали?

— Неважно, — встряхнул головой парень. — Кажется, перед твоим дележом ты хотела рассказать о своем свидании с садовой лопатой. Я слушаю.

— Ах, да! Знаешь... — Внезапно я запнулась. У меня не было особенного желания рассказывать другу о недавнем инциденте. Слишком свежим он был и вызывал чувство собственной ущербности. Я снова проиграла этому типу. Не понимаю, я точно сильнее его. Но мне явно не хватает опыта. Бесполезно иметь силу, когда твой противник всегда на шаг впереди тебя. Все равно что стрелять из пушки по комарам. Шуму много, толку мало. Я рассказала обо всем госпоже Розе. Она обещала проверить информацию. Но что-то мне подсказывает, что и тут северянин обошел нас. Ничего они не найдут, и не к чему будет подкопаться. — Ничего особенного. Забудь.

Ким внимательно всмотрелся мне в лицо. Раскаленное золото прожигало насквозь. Пресвятая ватрушка, как я не люблю врать Киму, особенно зная то, что он всегда знает, когда я вру. Так и хочется провалиться сквозь землю.

— Ну-у-у, ладно. Забуду, раз *ничего особенного*, так?

— Да, — торопливо подтвердила я. — Абсолютно ничего!

— Тогда я пошел переодеваться. Встретимся на сцене.

— Ага, давай. — Я помахала другу вслед.

Уф, пронесло. Но в голосе Кима так и читалось: я все равно все узнаю. Пускай узнает лишь бы мне не говорить.

— Эй, колобок, иди на сцену! Нужно отрепетировать выход.

Правильно, сейчас эти проблемы неважны. Главное — войти в роль. Я говорящая булочка, я говорящая булочка, я — булочка.

Жили-были старик со старухой. Вот и говорит один раз старик старухе:

— Поди-ка, старуха, по коробу поскреби, по сусеку помети, не наскребешь ли муки на колобок.

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела и наскребла муки горсти две. Замесила муку на сметане, состряпала колобок, изжарила в масле и на окошко студить положила (очень, очень безрассудный поступок). Колобок полежал, полежал, взял да и покатился (это из чего у них там мука была? С алхимическим порошком случайно не перепутали?) — с окна на лавку, с лавки на пол, по полу к двери, прыг через порог — да в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится Колобок по дороге, навстречу ему Заяц.

На сцену вышла Альма. Я поперхнулась — кхе-кхе, с таким зайцем нашей сказке ограничение нужно давать плюс восемнадцать. Зато у мужской половины зрителей сразу же проснулся интерес. Главное, чтобы только он один...

— Колобок, Колобок, я тебя съем! — кокетливо произнес зайчишка.

Обтягивающие лосины, жесткий корсет, пикантно перекосившийся бантик на шее и игривые заячьи ушки с хвостиком. И где они только таких зайцев видели?! Но больше всего меня убивала метровая мягкая игрушка в виде морковки, которую Альма держала под мышкой. Спрашивается — зачем зайцу есть колобка, если у него имеется при себе *такая* морковка! Радиоактивная. А бог с ней, с морковкой! Пора свою речь вспоминать.

— Не ешь меня, Заяц, я тебе песенку спою:

Я Колобок, Колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
От тебя, зайца, подавно уйду!

Показав зайцу язык, я «покатилась» дальше.

И покатился по дороге — только Заяц его и видел! Катится Колобок, навстречу ему Волк.

Волк подплелся ко мне походкой умирающего лебедя. Хвост умудрился зацепиться за

торчащий из пола гвоздь. Попытки Кима освободить его не увенчались успехом. Теперь создавалось впечатление, будто его купировали чуть ли не под самый корень. Правое ухо так и норовило сползти с макушки на подбородок. Парень был вынужден постоянно его поправлять, дабы окончательно не растерять вид страшного серого волка.

— Колобок, Колобок, я тебя съе-е-ем! — прозевал волк, кляцнув не особо устрашающими белыми зубами. Я критически смерила волка взглядом.

— Уж скорее я тя съем, — пообещала я волку, более эффектно щелкнув челюстью. Дети рассмеялись, внизу меня усиленно стали пихать в бок.

— Не отходи от текста, — шептали из подсобки.

— Да-да, — закивала я. — Не ешь меня, Серый Волк, я тебе песенку спою...

Поползла я от волка дальше. Ким лишь пожал плечами, лениво удалившись со сцены.

И покатился по дороге — только Волк его и видел! Катится Колобок, навстречу ему Медведь.

Ой, мамочка! Медведь в образе Моэги вышел крайне брутальным. Я даже струхнула. Оскалившись, девушка заговорила басом:

— Колобок, Колобок, я тебя съем!

— Верю, — сглотнув, согласилась я. — То есть где тебе, косолапому, съесть меня!

Снова бессмертный хит сегодняшнего дня.

И опять покатился Колобок — только Медведь его и видел! Катится Колобок, навстречу ему Лиса.

Дождалась, вот и эпический конец подходит. Все коленки уже стерлись. О, а я и не знала, что Май у нас лису играет... трансвестита. Куда катится этот спектакль? Явно не туда же, куда Колобок. Действительно, как в сказке — чем дальше, тем страшнее.

Закинув на плечо шикарный лисий хвост, Май откашлялся и попытался заговорить фальцетом. Вышел писк комара.

— Колобок, Колобок, куда катишься?

А черт его знает!

— Качусь по дорожке. — Логика у Колобка напрочь отсутствует: спросили «куда», а «не по чему».

— Колобок, Колобок, спой мне песенку!

Я вновь завела знакомую пластинку. Подумав, Май произнес:

— Ах, песенка хороша, да слышу я плохо. Колобок, Колобок, сядь ко мне на носок да спой еще разок, погромче.

Я уже начала лихорадочно вспоминать, что я там делала на репетиции, как вдруг из толпы раздались детские крики:

— Нет, Колобок! Не слушай Лису!

— Она тебя съест!

— Не садись к ней на нос!

— Убегай!

Такого поворота событий мы не ожидали. Май растерялся, да и я тоже, но ненадолго. Нас учили: клиент всегда прав, следовательно, зритель тоже. А детей расстраивать тем более нельзя, себе дороже. Раз народ требует триумфа Колобка — будет им триумф Колобка!

— Не бойтесь! Я не простой Колобок! На самом деле каждый третий... сейчас что?

— Э, понедельник, — оторопело ответил Май.

— Да, так вот, каждый третий понедельник месяца, при новолунии, и то если оно

выпадает на двадцатое число, я спонтанно эволюционирую, отращивая ноги, руки, и становлюсь... — Я выдержала эффектную паузу. Дети в ожидании зачарованно поддались вперед. — Колобком — воином справедливости, защитником, сирых, убогих и обделенных хлебобулочных изделий!!!

У Мая отпала челюсть. В подсобке, кажись, все попадали.

— Коварная Лиса! Узри же кару Колобка — воина справедливости! — с этими словами я выскочила из пола. Щепки и доски полетели в разные стороны. — Смертельный прием: пендель правосудия! — Я с разворота заехала ногой Маю по челюсти.

Парня снесло со сцены. Тишина и... бурные аплодисменты. Ничего не скажешь, а роль Колобка мне явно удалась на славу!

После спектакля все пошло своим чередом. Была музыка, танцы, игры и какие душе угодно развлечения. Вечером весь свободный коллектив ЗОГа бух... отмечал первый день летнего фестиваля и дебют поставленной сказки. Маю бы тоже налили, но он, к сожалению, все еще лежал в отключке. Но уже не на дороге, а в лазарете. Не знаю, как долго мы праздновали и как много я выпила, однако домой Ким провожал меня, придерживая за талию. А я все удивлялась, почему так петляет дорога.

— Не, ну че мы так рано ушли? — не унималась я, споткнувшись уже, наверное, в сотый раз. — Я еще очень даже могу!

— Не сомневаюсь, — кивнул Ким. — Это и пугает.

— Не, ну че? Я трезва, да! Я трезв, как стеклышко; стекл, как трезвышко, о-о...

— Ого, — передразнил друг. — Хватит с тебя, Колобок — воин справедливости. Боже, только ты могла такое выдумать.

— Точно! Я же герой! Эй, мужчина! Да, вы самый! Куда это вы рогалик потащили? Съесть хотите?! Да я вас щас! Пендель правосудия, уху!

— Акира, уймись! Бегите, мужчина, бегите... А-а, поздно. Лежите.

Отчет 9

Арика

Наверняка есть местечко, где нам будет лучше, но пока мы здесь.

Немецкая пословица

Кусок стены надгробной плитой давил на грудь. Каждый последующий вдох давался все с большим трудом. Нос забило пылью и крошками штукатурки. Глаза заливало кровью из разбитой головы. Правую руку я уже не чувствовала, но очень надеялась, что она была на месте. В который раз я сделала бесплодную попытку выбраться. Бесполезно. Я слишком пострадала и не могу направить нужное количество праны. Вместо накопления в кисти левой руки она растекалась по «трубам» всего тела, заполняя собой наиболее поврежденные участки. Но, не поступи она так, я бы уже умерла. Организм умный, не то что я. Сил хватало лишь на поддержание стены, иначе прихлопнула бы она меня, как таракана тапком, не больше. Но долго это продолжаться не может. Всему есть предел. Моей выдержке тоже.

Ничего не скажешь, веселенькое нам досталось дельце! Обезвредить группу подрывников-самоучек. И угораздило нас устроить облаву во время их опытов по добыче новой взрывчатки. Но есть положительный момент — обезвреживать уже никого не надо. Подрывников либо завалило, либо разорвало на кусочки. Правда, нас тоже. К счастью, только завалило. И где-то среди всех этих завалов должен быть и Ким.

Плита, поднявшись на пару жалких миллиметров, опустилась обратно, взметая за собой облако удушающей пыли. Из-под ногтей потекла кровь.

«Кхе-кхе», — казалось, мои легкие как следует отштукатурили.

Вот вам и капитальный ремонт! Мутило. Глаза начали слипаться. Прости, Ким, я плохой Пес. Я не смогла спасти своего хозяина. Я даже себя не могу спасти. Рука вяло сползала вниз. Грохот падающей стены сравнялся со звуком закрывающейся крышки гроба.

Я мечтала стать сильной, потому что не хотела больше плакать. Я много тренировалась, надеясь полагаться только на себя. Я решила никому больше не доверять. Но затем у меня вновь появилось много дорогих мне людей. И я снова стала рыдающей малышкой. Получается, те, кого мы любим и кем дорожим, делают нас такими слабыми? Как так выходит? Мне не понять.

Горячие капли падали мне на лицо. Что еще? Кровь? Или это у кого-то протек кран? Бред, о чем я вообще думаю. Я ведь уже должна быть размазанным блином, схоронившимся под грудой камней и бетона, а сверху, будто сахарной пудрой, присыпанной шпаклевкой с потрескавшейся краской. О, святой профитроль, я даже на грани смерти только о еде и могу думать! Могила меня не исправит. Но все-таки, что это там капает?

Открыть глаза удалось не сразу. Запекшаяся кровь закрывала большую часть обзора. Я смогла рассмотреть лишь смутный силуэт, склонившийся надо мной. Так вот ты какая, смерть! Интересно, почему смерть, как заведенная, повторяет: «Прости меня, прости»? Я ведь понимаю, у каждого своя работа, без обид. К чему драматизм? Обжигающая капля

упала мне на губу. Ну вот, на самое больное место. Порез только-только начал затягиваться. Но что-то мне подсказывало, что этот шрам тоже останется со мной навсегда. Навсегда подобралось незаметно. Хм, а капля соленая. Ну не надо мне сыпать соль на раны! Или это вкус моей собственной крови? А может, слезы? Смерть плачет? Глупость! О ужас, неужели мое искореженное тело выглядит настолько кошмарно, что вызвало плач у самой смерти! Уж она и не такие виды видала! Смерть наклонилась к самому моему лицу.

— Прости, я хотел тебя защитить.

Я попыталась ответить, но вместо звуков из меня вышло лишь жалкое бульканье. Смерть затонула во мраке. Я потеряла сознание.

Когда я была маленькой, мне было достаточно лишь заплакать, как все прибежали ко мне, готовые решать любые проблемы, ограждать от всех страхов и тревог. Так было до пяти лет, пока бабушка не взяла на себя мое воспитание.

Я хорошо помню, как плакала, случайно разбив свою любимую фарфоровую куклу, и как громко прозвучала пощечина, отозвавшаяся во всех углах зала. Помню мой взгляд, прикованный к бабушкиной руке с выступающими от старости венами, короткими ухоженными ногтями и крупным перстнем с янтарем, ее вкрадчивый, властный голос:

— Привыкла ждать помощи? Думаешь, все проблемы решаются слезами? Так знай, женщина никому не должна показывать своих слез. Никогда! Если у тебя есть время плакать, значит, у тебя есть время решать проблему. В твоей жизни настанет момент, когда никто не придет тебя спасать. Так научись справляться со всеми трудностями уже сейчас. Оставь надежду на других, если есть надежда, то вслед за ней придет и разочарование, сожаления, ненависть. Пока ты не познала их, учись преодолевать преграды самостоятельно.

Мне было пять лет. Я мало смогла понять из бабушкиных слов. Но они застыли в моей памяти, как застывает жук в смоле, превращаясь в вечный янтарь. Янтарь, сохранившийся до сих пор.

Бабушка, как же ты была права. Люди одиноки, они не могут жить не полагаясь на других. Жить без надежды. Даже ты. Все твои упования были возложены на меня. Но в одном ты права. Разочарование, оно всегда рядом. Я та, кто подарил его тебе. Наш последний разговор. Мои слова, теперь твой янтарь. Думаю, ты все еще его хранишь. Мне жаль.

Холодно. Сначала горячие слезы, а теперь что? Остыли? Ох, опять мне очи свои несветлые разлеплять, да сколько можно! Когда я к праотцам отправлюсь? Хм, что-то как-то у смерти пушистость повысилась. Прошлый силуэт поглаже был, а этот сверху лохматится. Где-то я эту нестриженую личность встречала. В прошлой жизни, когда была кулебякой? Так вот кто меня съел!

— Буль-буль, — враждебно побулькала я. Руки, крутившие мою голову, замерли. Раздалось до боли знакомое хмыканье.

— Дурочка.

Холодные прикосновения возобновились. Холодные и успокаивающие. Сам дурак...
Ким.

Каждую пятницу в поместье приезжала телега с продовольствием. Выгружаясь и меняя полные бочки на пустые, возничий получал свои деньги и уезжал обратно в город. Так продолжалось уже несколько лет. Из недели в неделю, из месяца в месяц. Самое обычное действие, не привлекающее ничье внимание. Именно поэтому оно как нельзя кстати. Возничий не знал, что в этот раз вез еще и пассажира. Только через час взрослые обнаружат пропажу. Но за этот час я буду уже далеко.

Крушица, не будучи столицей или довольно крупным городом, ухитрялась являть собой место, где, точно в огромном котле с солянкой, кипела всевозможная жизнь. Богатые, бедные, торговцы, туристы, воры, убийцы — каждый находил себе место в его петляющих улочках.

В подобном месте, где на каждом пяточке может произойти какое-нибудь событие, начиная с оброненной в лужу булки и заканчивая убийством, люди перестали удивляться текущей вокруг них жизни, но в этот теплый весенний день одно обстоятельство сумело привлечь внимание многих.

Двенадцатилетняя девочка, гуляющая в одиночку по городу. Что может быть особенного в самом обычном ребенке? Мало ли таких детей в Крушице? Немало, но вот «особенное» имелось. Девочка была одета в кружевное белоснежное платье, расшитое замысловатыми узорами из жемчуга. На ногах красовались дорогие туфли на низком каблучке. Каштановые волосы, собранные в две длинные косы, спадали на плечи. Голову девочки венчал витиеватый серебряный обруч с переливающимися на солнце мелкими бриллиантами. Определенно, простые дети так не одеваются. Девочка, несомненно, принадлежала к высшим слоям общества. Но тогда почему ее никто не сопровождает? Такие люди не гуляют без охраны. Однако она гуляла.

Я, задрав голову вверх, стояла, с интересом рассматривая огромные часы на башне площади. После того как они пробили два часа, заиграла музыка, и из маленьких дверей под часами вышли человечки, начав танцевать. Через пару минут музыка смолкла, и человечки, закончив свой танец, удалились обратно за дверцы. Я восторженно захлопала в ладоши. Вот здорово! Хорошо, что мне повезло увидеть представление. Правда, жаль, что оно такое короткое. Чем теперь заняться? Я, покрутившись на каблуках, заметила стоявшую возле фонтана девушку. Рыжие волосы медью сияли в лучах солнца. Восхищенно ахнув, я подбежала к ней.

— Здравствуйте, тетенька! У вас такие красивые волосы, прямо как у нашей кошки! — сделала я комплимент то ли кошке, то ли девушке. Незнакомка удивленно обернулась. Посмотрев на меня, она тепло улыбнулась.

— В самом деле? Я рада. Значит, у тебя рыжая кошка?

— Да, только она еще в темную полоску! Но если честно, то она не моя, а садовника, — затараторила я. — А вы не знаете, тем танцорам, которые выходили из дверей под часами, не страшно танцевать? Такая большая высота!

Девушка недоуменно посмотрела на башню, потом, поняв, о чем я толкую, рассмеялась.

— Думаю, не страшно. Они ведь ненастоящие.

— Ненастоящие?

— Да. Там куклы. Живых людей нет.

— А-а, — разочарованно протянула я.

— Ну, ты не расстраивайся. Вряд ли бы нашлись такие смельчаки. О, хочешь апельсин? — рыжеволосая, порывшись в сумке, протянула мне такой же рыжий фрукт.

— Хочу, а можно?

— Конечно, угощайся!

Мы присели на край фонтана. Несколько секунд я сосредоточенно чистила апельсин. Делать это без ногтей было крайне неудобно. Но ничего, уж теперь я их точно отращу!

— А где ты живешь?

— Не здесь.

— Это я поняла. Ты приехала сюда с родителями?

— Нет, с бочками.

— А?

Умею я озадачивать, ничего не скажешь. Я победно оторвала последний кусочек шкурки и, не размениваясь по мелочам, целиком засунула апельсин себе в рот. Потек сок. Девушка изумленно кинулась подавать мне платок.

— Осторожно! Жалко будет испачкать такое красивое платье.

— Не жалко. Оно мне хуже горькой редьки надоело, — напыщенно сказала я, вытирая лицо.

— Ну что ты, оно тебе очень идет. Ох, голова моя пустая! Мы ведь даже еще не познакомились! Так, давай начнем все сначала, меня зовут Улина, а тебя?

Я представилась. Девушка чуть ли не в ужасе вскочила на ноги. Глаза ее стали точно блюдца, губы неуверенно дрожали. Немного успокоившись, она взяла себя в руки.

— П-приятно познакомиться. Выходит, ты его дочь, — с какой-то грустью и в то же время нежностью в голосе произнесла Улина. — Дай я на тебя посмотрю.

Я недоуменно встала. Неужели она не насмотрелась на меня, пока мы говорили? Девушка аккуратно коснулась моего лица.

— Лицо совсем другое, — тихо произнесла она.

— Мне говорят, я больше похожа на маму, чем на папу, — пояснила я.

— Да, выходит, так. — Улина взяла меня за руки. — Но руки его, такие же длинные чуткие пальцы.

— Лучше бы у меня были сардельки! — вырывая руки, прокричала я. — Тогда бы меня не заставляли этим заниматься!

— Этим?

— Неважно.

— Так как поживает твой отец? — после минутного молчания неуверенно спросила девушка.

— Хорошо. Все палкой машет, — небрежно ответила я. Улина звонко рассмеялась, но почему-то невеселым смехом, в нем чувствовалась боль.

— Да, он в этом настоящий профессионал! Всю жизнь готов этим заниматься.

— Вы знаете папу?

— Да, знаю, хорошо и очень давно.

— Но раз вы его знакомая, почему ни разу не приезжали в гости?

— Приезжала. — Девушка ласково погладила меня по голове. — Когда тебя еще не

было. Ни тебя, ни твоей мамы...

— Не было мамы? Мне казалось, мама с папой очень давно знакомы, — не поверила я.

— Выходит, я дольше, — печально заключила Улина. — Но все же, Арика, что ты делаешь в Крушице одна?

Я увернулась из-под руки и отошла на шаг в сторону.

— Я убежала из дома, — нехотя призналась я.

— Убежала?! Как? Зачем?

— Затем! Я не могу там больше жить! Я хочу заниматься тем, что я *люблю* делать, а не тем, что мне *надо* делать! А они этого не понимают! Всё твердят про семейные традиции! А я не хочу их продолжать! *Не хочу!* — с последней фразой я звучно топнула ногой по мостовой. Осколок камня отлетел в сторону на пару сантиметров, распоров подол юбки Улины. По покрасневшимся от злости щекам потекли слезы. Девушка подбежала ко мне и обняла.

— Ну-ну, не плачь. Все хорошо, не хочешь — не делай. Я тебя не заставляю. А давай ты пойдешь ко мне в гости! А? Я тебя с сестрой познакомлю, идем?

Я неуверенно кивнула. Улина быстро повела меня вниз по улице.

Угловой дом. Третий этаж. Трехкомнатная квартира. Одна проходная. Запах табака. Куча безделушек на полках. Цветы. Быстро распахивающаяся дверь.

— Роза, Роза! Ты не поверишь!

Девушка, нет, уже женщина, так удивительно похожая и не похожая на Улину. Те же длинные медные волосы, но не волной, а мелкими кудрями. Умные глаза с уставшими морщинками, сигарета во рту, скривившиеся в недоуменной улыбке губы.

Через секунду она спросит: «В чем дело?» Через пять секунд меня оставят одну в комнате. Через минуту из-за дверей раздадутся взволнованные голоса. Через час будут бесчисленные звонки. Через семь часов я буду спать на скрипучем диване. Через неделю я стану ученицей госпожи Розы. Через две недели перееду в новый дом. Через четыре месяца Улина умрет. Спустя год я узнаю, что это было убийством. Через три года я буду работать в ЗОГе. Отчет подошел к концу.

Первое, что я почувствовала, был запах крахмала и еще чего-то резко щекочущего нос. Крахмал. Жесткие, колющиеся простыни. На них просто невозможно спать! Тихий звук, раздававшийся справа и легкий ветер слева. Значит, слева, возможно, окно, тогда справа кто-то есть.

Белый потолок. Я не знакома с этим потолком. «Вот и познакомились», — промелькнула очередная глупая мысль. «Раз моя голова в состоянии производить глупые мысли, значит, с ней все хорошо», — заключила я. Несколько секунд я лежала, набираясь сил, чтобы повернуть голову. Казалось, голова весит целую тонну и сделана из сплошного чугуна. Такой тяжелой она не была даже в редкие, но тяжкие минуты похмелья. Видимо, старею. Сместив свой купол, я поморгала и сделала измученное лицо.

— В здравом (почти что) уме и светлой (местами) памяти я завещаю все свое имущество (надеюсь, от него что-то осталось) Отделу. А ты позаботься о Шнурике, — умирающим голосом поведала я свою последнюю просьбу.

— Удружила, а Власу ты его оставить не можешь?

— С ума сошел, что ли?! — возмутилась я, приподнявшись с кровати, забыв о роли

умирающей. — Да он его при первой удобной возможности живодерам продаст!

— А я при второй.

Ким ловко перехватил летящую в него подушку и осторожно присел на край кровати.

— Вижу, ты идешь на поправку. Врачи сказали, через неделю тебя можно будет выписать.

— Даже раньше! Я обязательно выйду отсюда к своему дню рождения!

— Да, он ведь совсем скоро, — задумчиво протянул парень, приобняв подушку и явно не торопясь ее возвращать.

— Ким, ты ведь не забыл, когда мой день рождения? Правда? — с недоверием спросила я.

— Разумеется, не забыл. Я не ты, я ничего не забываю.

— К сожалению?

— Порой, — тихо ответил он.

Мы замолчали. Я посмотрела в окно, за которым понемногу начинали желтеть листья. Порывистый ветер безжалостно сдирал ослабшие листочки.

— Знаешь, когда выйду, надо будет сходить навесить могилу госпожи Улины, — сообщила я, казалось, самой себе. Ким заинтересованно приподнял голову.

— С чего вдруг такое решение?

— Просто подумала, что стоит так поступить.

— Просто? Хорошо, неплохая идея, сходи. Можешь взять и госпожу Розу.

— Нет, она ходит одна.

— Одна. Похоже на нее.

— Похоже.

Еще один лист слетел с дерева. Пора посмотреть в другую сторону, а то чего-то меня эта картина в депрессию вгоняет. Я взглянула на друга. Пластырь на щеке и на лбу, вид потрепанный, но переодеться успел. Интересно, как выгляжу я?

— Ким?

— М?

— А как я выгляжу?

— Понимаешь, такие вопросы, если ты хочешь услышать правду, лучше не задавать, — уклончиво ответил Ким.

— Что?! Так плохо?! Зеркало мне!

— Началось, — вздохнул парень и вышел из комнаты. Через минуту он вернулся с зеркалом.

— Ух, ты меня напугал! А тут всего лишь припухшая физиономия, перевязанная голова и сломанная рука.

— Всего лишь? Ну-ну. Кстати, чтобы рассмотреть руку, зеркало можно было и не использовать.

— Знаю, это я за компанию! Но вот чего я не понимаю: почему я пострадала больше, чем ты? Это несправедливо!

— Ты еще и справедливости требуешь? Забудь, мечтатель. Просто во время взрыва ты уже находилась в помещении, следовательно, тебе досталось сильнее, а я только собирался войти, меня лишь снесло взрывной волной. Понятно?

— Понятно, — угрюмо кивнула я. — Но все равно нечестно.

— Успокойся. — Ким подложил под меня подушку. — Отдыхай, для тебя главное

сейчас — выздороветь. Потом будешь устраивать протесты.

Я хотела было возмутиться, что вполне полна сил и мне все море по колено, но внезапно почувствовала накатившую усталость и дикое желание поспать. Но прежде чем окунуться в сон, нужно успеть сделать нечто важное.

— Ким. — Друг остановился в дверях. — Спасибо за то, что вытащил из-под завала. Если бы не ты, я бы была мертва.

Ким стоял не оборачиваясь, наконец он произнес:

— Не благодари. Здесь совершенно нет моей заслуги.

Я осталась одна наедине с колючими простынями. Нет заслуги, но как же? Ведь это ты меня спас. Правда?

Только преодолев последнюю ступеньку, Ким поднял голову. Возле выхода со двора больничного крыла его ждали.

— Ну как себя чувствует Ари? Надеюсь, ее скоро выпишут.

Ким медленно смерил юношу взглядом. Золото и сталь на секунду столкнулись, наэлектризовав воздух, и так же внезапно отступили.

— Через неделю выпишут. Благодаря тебе. — Последние слова Ким произнес после небольшой паузы. На лице Опала проскользнула загадочная улыбка.

— Давай пройдемся. Я хочу с тобой кое о чем поговорить.

Шли молча, не произнося ни слова. Первые дни осени напоминали о себе холодным ветром. Ким поежился и внезапно поймал себя на мысли, что пытается прикрыться шарфом, которого сейчас на нем не было. *Тот самый шарф*. Отведя глаза от темной мостовой, он посмотрел на небо, обрамленное кронами деревьев. Если вспомнить, тогда он шел также, то смотря себе под ноги, то поднимая голову вверх, не находя для себя ничего интересного. Небо было такое же светлое, но было заметно теплее. Тогда стояло лето.

* * *

Пять лет назад он только переехал сюда с родителями и сестрой. Какой это по счету был переезд? Он перестал считать. Как и перестал заводить друзей. Зачем они, если через месяц, а может, и раньше, а может, и позже придется прощаться. Да он и сам никогда не любил шумное общество. Большое количество людей его утомляло. Он предпочитал сидеть в уединении дома, но именно сейчас он больше всего не хотел там быть.

Бесцельно блуждая по незнакомым улицам, Ким случайно набрел на территорию полуразрушенной школы. Когда-то здесь резвились дети, а теперь лишь разломанные стены и погнувшиеся качели. От детской площадки осталось одно воспоминание, но один ребенок на ней все же был. Ким обошел площадку и присел на ржавый заборчик. Склонив голову набок и прикрыв глаза от яркого солнечного света, он попытался рассмотреть находившегося здесь человека.

Девушка. Худая. В шортах и рубашке. Волосы коротко пострижены, топорщатся в разные стороны. На смуглом лице, руках и ногах можно заметить светлые полосы шрамов. Шрамы? Ким наклонил голову набок. Посмотри на нее со спины — мальчишка мальчишкой. Драчливый, растрепанный. Только шрамы не от драк. Больше похоже на побои.

Бывают семьи и похуже его. Впрочем, он не знал, что хуже: моральное или физическое

насилие. Молот и наковальня. Разная боль, но она все так же болезненна. Что за каламбур? «Думать слишком много тоже плохо», — решил Ким, потирая виски. Медленно начинаешь сходить с ума. Его ум, он начинал его ненавидеть. А память? Она играла с ним злую шутку. Будто в голове установили фотоаппарат, который непрерывно снимал моменты его жизни. Потом происходит показ. Все до мельчайших деталей запечатлено на этой пленке. Запах подгорелой картошки с кухни, шум проезжающего за окном экипажа, скрип половиц, шуршание маминого фартука, дрожание хрустальных подвесок на люстре, интонация отца. Нет, он не кричал. Он никогда не кричит. Все его доводы взвешенны и обдуманно. И это бесит больше всего. С ним нельзя поспорить. Как? А теперь, вспоминая свой собственный голос и свои слова, ему становилось жутко, как сильно он на него похож. Нет, он не будет таким, как отец. Всю жизнь провести в сырых склепах. Не иметь места, которое можно назвать домом. Ха, да лучше сдохнуть! Ким бессильно сжал свои волосы. Черт, как же удалить эту пленку? Как ее стереть? Может, просто заменить? Чем?

— Эй, лохматое чудовище! Ты находишься на моей территории! Уходи, ты мешаешь мне тренироваться.

Ким недоуменно поднял голову. Да, это та девчонка. Хм, вблизи она выглядит довольно симпатичной, только взгляд с прищуром и сдвинутые брови портили ее детское лицо. Такой взгляд принадлежит человеку, не доверяющему другим людям. Смотрящему на всех с опасением, ждущего удара в спину. Если учесть шрамы, то неудивительно.

— У тебя есть соответствующий документ, подтверждающий твои права на владение данной собственностью?

— Чего?! — опешила девчонка.

— Насколько я понимаю, это муниципальная собственность, и если ты не являешься членом муниципалитета, то у тебя нет законных оснований меня прогонять, — отчеканил Ким, в упор смотря на девушку.

— Да ты! Да я! — пропыхтела незнакомка, залившись краской от возмущения. — Если ты сейчас же не уйдешь, я тебя побью! Вот!

— Интересно. Но сомневаюсь, что ты сумеешь это сделать.

— Сомневаешься?

— Да. С учетом твоего роста, пропорции, мускулатуры и толщины костей — я считаю данную возможность химерической.

— Химе... что?!

— Невыполнимой, — перевел парень.

— Ах, «невыполнимой»! Ну, это мы сейчас посмотрим! — зловеще произнесла девчонка, похрустывая костяшками пальцев.

Через минуты Ким возвращался домой заметно прихрамывая. Впервые его побила девушка. Впервые он усомнился в своей логике. Будет ему новый опыт. И новая нестираемая пленка позора. Но он почему-то чувствовал себя довольным. Физические мучения отвлекали его от своих обычных дум. Интересный способ, но, пожалуй, повторить он его не рискнет. Странная девушка. В первый раз он заинтересовался кем-то посторонним. Нужно будет и завтра сходить на ту площадку, вдруг удастся ее встретить. Только следует запастись бинтами... и йодом. Но сначала доковылять бы до дома.

Эта была их первая встреча. Садины болели еще долго.

— Садись.

Внезапное слово выдернуло Кима из потока воспоминаний. Он нехотя сел на сомнительно чистую скамейку. Опал опустился рядом.

— Я уезжаю.

— Поздравляю, — равнодушно буркнул Ким.

— Я не поздравлений ждал.

— Прости, подарков с собой нет.

— И не этого. — Юноша откинулся на спинку скамейки. — Арика, я не смогу за ней больше присматривать. Вся ответственность ложится на тебя.

— Успокоил.

— Последний раз. — Опал пропустил мимо ушей язвительность Кима. — Ты не блистал. Если бы меня тогда не было рядом...

— ...то ее уже не было бы здесь. Я знаю свои проколы. К чему весь этот разговор? Акира не маленький ребенок. Конечно, ее умственные способности и здравый смысл оставляют желать лучшего... много лучшего. Но она умеет позаботиться о себе самостоятельно.

— Умеет? Я был бы только рад, но ей все еще нужна нянька.

— Из тебя бы получилась неплохая, так? Тогда объясни мне, ты так о ней печешься и тем не менее сделал все возможное для того, чтобы она возненавидела тебя до глубины души. Почему?

— В этом и проявляется моя забота. Смешно, не правда ли? Тогда она казалась такой беззащитной, боялась всех. Но затем научилась мне доверять, стала цепляться и полагаться во всем.

— Такое ощущение, что ты описываешь приручение дикого зверька, — скептически заметил Ким.

— Пожалуй, — усмехнулся юноша. — Этот зверек так ко мне привязался, но ему нельзя было больше со мной оставаться, а он не хотел уходить.

— И единственный способ прогнать его было заставить бояться? Разрушить доверие, зародить ненависть. Ей не оставалось ничего другого, как уйти самой.

— Верно.

— По-моему, ты слишком переусердствовал, — угрюмо ответил Ким. — Шесть переломов. Ее до сих пор мучают кошмары. Сразу после того случая она тренировалась до потери пульса. Ее это чуть не убило.

— Но она жива. А если бы я тогда так не поступил, то шансов бы уже не было.

Очередной порыв холодного ветра с шелестом понесся по кронам деревьев.

— *Ким, я слышала, в разные сезоны листва шелестит по-разному, ты как считаешь?*

— *Я никогда не задумывался над этим.*

— *Ну а если задуматься?*

— *Думаю, это возможно. Весной, летом, осенью и зимой скорость ветра различается. Вероятно, дело в этом.*

— *Ким, ты дурак.*

— *А?*

— *Зимой на деревьях нет листьев! Ветер их не трогает!*

— *Точно, я не учел.*

— *Ха, тоже мне самый умный! Ан нет!*

— *Радуешься?*

— *А то! Хочу приз!*

— *Приз?*

— *Да, угости обедом!*

— *Хорошо, угощу.*

— *Легко согласился.*

— *Что такого?*

— *Ничего. Я научу тебя быть более осмотрительным.*

Какой старый разговор. Это было после их первого совместного задания. Тогда он плохо знал свою напарницу. И она действительно научила его осмотрительности. Еще никогда его кошелек не был таким пустым. Сейчас он неожиданно понял, из каких глупых, но значительных мелочей состояла их жизнь. Как много было таких пустых разговоров, самых обычных, ни о чем и обо всем сразу. Как Акира, она могла быть ничем и всем одновременно. Она всегда заполняла собой пустоту в сердце, в душе. Она была отличным другом и надежным напарником. Легкомысленная девчонка. Кому она могла помешать?

— Это форма одной престижной мужской академии?

Опал скользнул взглядом по своему костюму.

— Да. Академия для детей высокопоставленных лиц. Сколько пафоса, не находишь?

— Нахожу. После пятого года обучения учеников отправляют на дальнейшее обучение за границу? На Восток?

— Программа служит для поддержания дипломатических отношений с Востоком. Обмен учениками: мы к ним, они к нам. Как будто это сможет сделать нас ближе. Глупо, — усмехнулся Опал.

— Глупо, — согласился Ким. — Но по данной программе учатся только на дипломатическом факультете, значит, ты пойдешь по стопам семьи?

— Значит, пойду, — грустно заключил юноша. — В нашей семье почти все дипломаты или политики. Нравится, не нравится, а делать будешь то, что скажут. Я не Ари. Я не могу громко хлопнуть дверью и уйти в наемники, наплевав на мнение окружающих. Не получится. Да и семья у меня, не такая, как у нее. Они глаза не закроют.

— Акира — это отдельный случай.

— Точно.

Серые облака медленно заволакивали небо. «Наверное, будет дождь», — подумал Ким. Конечно, будет, ведь зонта у него при себе нет. Всегда так.

— Я одного не могу понять: зачем? Зачем ее хотели убрать?

— Кто знает, какие у них в голове тараканы? Я и сам до конца не понял. Могу предположить вариант внутренних разборок и заметание следов. Политика, дипломатия — все это грязные игры. Я давно понял, что живу в грязи. Госпожа Улина, она была первой. Не знаю, что ей удалось выяснить, но это послужило причиной ее смерти. Госпожу Розу достать было сложнее. Они не рискнули, но решили перестраховаться и убрать Арику. Ненаглядная ученица сестры, единственная дочь мужчины, которого она любила больше жизни. Вдруг Улина решила ей что-то рассказать? Случайно, мимоходом. Я их опередил. Вызвался исполнить зачистку. Отец тогда очень удивился. Забавно. Я сделал так, чтобы все выглядело как несчастный случай. Она поскользнулась и сорвалась с обрыва. Я все просчитал. Она бы не умерла. Роза как раз научила ее одному приему. У Ари варит башка, когда нужно. Мой

«провал» они сочли оплошностью новичка. В больнице дали заключение: потеря памяти вследствие сотрясения мозга. Ее можно было оставить в покое. Я очень надеялся, что оставят.

— Это ты подменил заключение?

— Да. Я хотел спасти ее.

— Ценой ненависти к себе?

— Да, — печально кивнул Опал. — А еще я просто эгоист. Я хотел, чтобы она меня всегда помнила. Любовь забывается, ненависть и страх остаются в памяти навечно.

— Ты ужасный человек, — заключил Ким, откидываясь на спинку скамьи. — Но почему ты не мог ей все рассказать? Предупредить? Госпожа Роза смогла бы ее защитить, и обошлось бы без кровопролитий и психической травмы.

— Не мог. Я боялся. Боялся, что за мной следят. Постоянно. Может, это паранойя. Но я не хотел рисковать. Из двух зол я выбрал меньшее. Я до сих пор не знаю, поступил ли я правильно. Но изменить уже ничего невозможно.

* * *

— Опа, Опа! Идем обедать!

Радостный девичий крик пронзил тишину сада. Заспанные птицы с громким хлопанием слетели с веток деревьев. По каменной дорожке бежала растрепанная девчонка. Тут ее ноги переплелись, и она со всего размаху упала на землю. Опал кинулся ее поднимать.

— Арика, осторожней! Нельзя так носиться, убиться недолго. Ну-ка, посмотри на меня, ничего не ушибла?

Девочка с серьезным видом принялась себя ощупывать.

— Да вроде в порядке.

— В порядке? Да ты посмотри, у тебя кровь!

— Правда? Где?

— На коленке. Ты ее расшибла. Горе луковое, что с тобой делать? — вздохнул Опал.

— Мириться. Опа, у тебя такие длинные волосы, неужели парни такие носят? — неожиданно спросила Арика, изучая его со стороны.

— Раньше носили. Теперь модно их стричь.

— А почему ты не стрижешь?

— Я приверженец старых традиций, — улыбнулся Опал. — Хочешь, чтобы я подстригся?

— Нет, просто интересно было бы на тебя посмотреть. Но длинные тебе идут, симпатичнее любой девочки, — ехидно заметила Арика.

— Ах так! Сейчас кто-то у меня побежит.

— Не надо! Я буду хорошей!

Несколько минут шли молча. «Шу-шу-шу», — стрекотали кузнечики. «Цок-цок», — цокали деревянные сандалии. «Жур-жур», — журчал садовый фонтан. Идиллия. Все так спокойно, и лишь ноющие мышцы да мозоли на руках напоминают о недавней утомительной тренировке. После обеда у него занятие по экономике, затем математика, логика, философия — бесконечный список наук, и так до ужина, а потом вновь тренировка по фехтованию, но лучше об этом не думать. Сейчас лишь сад, тишина и приятная компания.

— Опа, как прошла тренировка? Ты самый сильный?

— Конечно, а ты сомневалась?

— Нет! Ты самый-самый! Я в тебя верю! — радостно заверила Арика.

— Спасибо.

Она верит. Наверное, единственная, кто в него по-настоящему верит. Другие просто возложили обязанности. Им все равно как, но он должен их выполнить. И он молча выполняет. Вежливо улыбается родителям, вежливо улыбается слугам, прилежно выполняет все указания учителей. А потом запирается у себя в комнате и в слепой ярости швыряет вещи. Не плачет, задыхается. А утром вновь улыбается. Это длится несколько лет. Сейчас нагрузок больше, его готовят для поступления в академию. Он будет дипломатом. Как все быстро и легко решилось. Без вопросов, без скандалов. Его лишь поставили перед фактом. Всегда так. Всё всегда так.

— А как твои занятия с госпожой Розой? — спросил он, отогнав подальше ненужные мысли.

— У-у-у.

— Что такое? Что-то не получается?

— Все! Все не получается! Госпожа Роза говорит, что я просто какой-то па-та-ло-гический случай! — по слогам выпалила она.

— Неужели так плохо?

— Да! У меня ничего не выходит. Сегодня испытывали огненный прием. У меня получилось создать огонь, ну а потом вот! — девочка быстро сунула перед лицом Опала свои руки, на них красовались свежие ожоги.

— Ох, вижу. Но ни у кого не получается с первого раза, потерпи.

— Я терплю. Мазь от ожогов знаешь как жжется!

И снова смех пронзил тишину. Как давно он так непринужденно веселился? С ее приходом в этот дом ему стало легче дышать. Камень обязанностей больше не был таким тяжелым, казалось, эту ношу теперь делят вместе с ним. Он не знал, что совсем скоро тому, кто подарил ему столько радости, придется причинить столько боли.

— Мне пора идти. Через неделю у нее день рождения, поздравить от меня? Но должно быть, она не примет моих поздравлений.

— Наверняка.

— Хорошо. — Опал надел фуражку. Очень странно она смотрелась на нем. — Теперь о ней будешь заботиться ты. Постарайся, я тебе доверяю.

— Не надо, — устало произнес Ким.

— Что?

— Не надо мне доверять. — Он тоже поднялся со скамейки. — Удачи в учебе.

Прощально махнув рукой, Ким стал спускаться вниз по дороге.

Опал стоял, смотря ему вслед. Что это могло значить? И снова ветер решил все. Своим новым порывом он чуть не унес с головы фуражку. Юноша успел вовремя ее придержать. «Пора на поезд», — решил он.

— И все-таки ты умудрилась выписаться. Не иначе врачей до смерти замучила.

— Да, я могу! — радостно созналась я в содеянном.

Ежедневным скулежом я умудрилась достать весь персонал. Скрепя сердце меня

выписали.

— Не сомневаюсь. Как себя чувствуешь? — спросил Ким, забирая у меня сумку с вещами.

— Хорошо, а завтра буду себя чувствовать еще лучше! Ты же помнишь, что...

— Да-да, завтра у тебя день рождения. Ты напоминала мне об этом каждый день, когда я приходил тебя навещать.

— Что будем делать завтра? Куда-нибудь пойдём или отпразднуем дома?

— Тебе решать, это же твой день рождения.

— Нужно подумать. — Я задумчиво побарабанила пальцами по гипсу правой руки, как жаль, что его снимут только через неделю. — А, решу завтра по месту! Чем ты занимался эту неделю?

— Ничем особенным. Думал.

— О смысле жизни?

— О нем тоже. Помнишь, как мы в первый раз встретились? — внезапно спросил Ким.

— Еще бы! Я намылила тебе шею!

— Было дело, — согласился парень, непроизвольно потирая оную. — А потом, спустя пару лет, когда столкнулись в ЗОГе и нас объявили напарниками?

— Помню! Я так удивилась!

— Я больше, — возразил Ким.

— Почему?

— Ты сильно изменилась с момента нашей первой встречи. Из колючей взъерошенной девчонки превратилась в фигуристую девушку с раздражающим оптимизмом и нескончаемой энергией. Про нескончаемый аппетит я уж молчу.

— Скажешь тоже, — я шутя пихнула друга в локоть. Ким чуть не свалился в лужу. — Согласна, с того момента я немного выросла.

— Особенно в области грудной клетки.

— Эй! Но знаешь, именно благодаря твоему совету я стала такой.

— Не помню, чтобы советовал налегать на капусту.

— Хватит, извращенец, все об одном и том же! Завидуешь, так и скажи! В самом деле, спасибо, за то, что помог мне спастись от наваждения.

— Ты так упорно тренируешься, словно хочешь победить каждого, с кем столкнешься.

— Так и есть! Я должна стать сильной. Сильнее всех, кто может бросить мне вызов!

— У тебя ничего не выйдет. Всегда найдется человек сильнее тебя. Человек, которого ты не сможешь одолеть. И для этого человека найдется более сильный противник. Так будет всегда, и ты не сможешь исправить данного. Вопрос в другом — готова ли ты потратить свою жизнь на это? На погоню за бесполезной целью? Знаешь, противников, возможно, у тебя будет много, возможно, не все сражения принесут победу. Будут и слезы, и разочарования, и боль. Но от этого никуда не денешься. Ты пытаешься стать сильной, ни на кого не полагаясь. Действительно, невозможно обмануть того, кто ничего не ждет от людей. Это приносит одиночество, зато оберегает от страданий предательства. Со стороны такие люди кажутся сильными, но на самом деле ужасно слабы.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Я ведь сам был таким. Пойми, жизнь одна, и глупо тратить ее на бесполезные

вещи, особенно когда исход и без того ясен. Просто попробуй принять себя такой, какая ты есть. Поверь, жить станет намного легче. Только если ты применишь себя, ты сможешь измениться в лучшую сторону. И найти нужные тебе силы. В любом случае, почему бы не попробовать?

— Не за что. Тебе тоже спасибо.

— Всегда пожалуйста!

— Ах ты...

До дома мы шли поглощенные своими мыслями. Каждому было о чем подумать, что вспомнить. Прощаться мы стали на пороге моей квартиры.

— Ну, так что насчет завтра?

— Зайди за мной тогда, и пойдем куда-нибудь.

— Эй, я вообще-то думала, что это парни заходят за девушками? — возмутилась я.

— А у нас все не как у всех, — пожал плечами Ким. — И боюсь, я не донесу твой подарок.

— Он такой большой?!

— Слюни подбери. Завтра все увидишь.

— Хорошо, до завтра!

— До завтра.

Если бы я знала, что ждет меня завтра, я бы не отпустила Кима. Я бы приковала его наручниками к батарее. Но вот незадача, у меня не было наручников.

В час дня, накрашенная, уложенная, в новом платье и с элегантным гипсом, я заявила к дому Кима. На пороге меня ждала картонная коробка, а к входной двери была прикреплена записка. Ее строки долго крутились у меня в голове.

Акира, прости, что не сумел отпраздновать вместе с тобой твой день рождения. Надеюсь, ты не наделаешь без меня много глупостей. Во всяком случае, уж постарайся. Съешь торт, который я тебе оставил. Свой подарок ты можешь забрать у Жюли, ты всегда о нем мечтала. Всего тебе хорошего.

P. S. Не плачь, пожалуйста.

Не поняв смысл загадочного послания, я подумала, что Кима внезапно вызвали в Отдел, именно поэтому он не сумеет со мной отпраздновать. Присев на перила и зажав коробку с тортом, я решила его подождать. Прошел час, два, пять. Зажглись фонари. Мое терпение лопнуло. Я отправилась на разборки. Мне многое удалось узнать.

Ким подал документы об уходе из Отдела. Сегодня утром он отправился на юг к своим родителям помогать им в исследовательских работах. Не было известно, собирается ли он возвращаться назад, но заявление, одиноко лежавшее на столе у госпожи Розы, лишало последних надежд.

Жюли передала мне ключи и документы на владение домом. Тем самым, с пылью во всех комнатах и плетистым виноградом. И правда, я всегда мечтала о собственном доме и не раз говорила другу. Никто не мог дать ответ, почему Ким ничего не сообщил мне о своем решении. Почему знали все кроме меня? «Почему?» — оно меня не отпускало.

Впервые на свой день рождения я ела соленый торт. Жизнь продолжала идти дальше, распоряжаясь нашими днями. Но я точно знаю, в один из будущих дней ты вернешься, Ким. Или я верну тебя сама. В любом случае одно я обещаю: кое-чья меланхоличная мина непременно получит смачных тумаков. Гарантирую. Слово гренадера Западного отделения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net